

Л 2017

4853к

Степное

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

СЕМИРЕЧЬЕ

- Казахские мотивы*
- Из лирики разных лет*
- Из переводов*

**АЛМАТЫ
«ДӘСТҮР»
2017**

УДК 821 (574)
ББК 84(5каз-рус)
С 38

«Выпущено по программе «Повышение конкурентоспособности сферы культуры и искусства, сохранение, изучение и популяризация казахстанского культурного наследия и повышение эффективности реализации архивного дела», подпрограмме «Приобретение, издание и распространение социально-важных видов литературы» Министерства культуры и спорта Республики Казахстан».

С 38 Синельников М.
Семиречье: Казахские мотивы, переводы. /Михаил Синельников. – Алматы: ТОО «Каратау КБ»: «Дәстүр», 2017. – 320 стр.

ISBN 978-601-7505-50-9

Ранние годы известного московского поэта, лауреата многих российских и международных премий Михаила Синельникова прошли в Центральной Азии. Пожизненная любовь и тяготение к Востоку – явные свойства его поэзии. Ощущение от необозримой степи, тянущейся за окном поезда, относится к числу самых первых, ярких, глубоко впечатляющих и незабываемых переживаний. Позже Синельников нередко бывал в Казахстане, судьба подарили ему дружбу с замечательными казахскими писателями, поэтами.

В этот сборник вошли преимущественно его стихи, содержащие казахские, степные, ориентальные мотивы, а также избранные переводы из казахской лирики.

Издание посвящается 25 летию независимости Казахстана.

УДК 821 (574)
ББК 84(5каз-рус)

ISBN 978-601-7505-50-9

© Синельников М., 2017.
© «Дәстүр», 2017.
© ТОО «Каратау КБ», 2017.

РОДНЫЕ СТЕПИ

В детстве, в отрочестве и в юности мне много раз из года в год приходилось ездить на поезде через бесконечный Казахстан. Радуюсь, любой растительности, иногда свежей и цветущей, я с тревогой и ужасом разглядывал безотрадную пустыню, однообразие которой лишь кое-где перебивалось клочками выгоревшей травы. Видел верблюдов, сожженные солнцем чёрные (некогда белые) юрты на полустанках, осыпающуюся глину ветхих кладбищ. Думал же я о том, что и здесь, однако, живут люди, для кого-то и эта страна – родная и единственно возможная. И незаметно для себя полюбил казахские степи. Более того, до такой степени, что временами ощущаю их, как духовную родину. Конечно, с годами могла явить свою силу и генетическая прапамять: один из моих предков с материнской стороны несомненно кочевал в этих необъятных степях.

Я не раз бывал в Казахстане и знаю разнообразие его ландшафтов и изобилие оазисов. Полюбил я и один из удивительнейших городов мира, Алма-Ату, воспетую в стихах Леонида Мартынова и Сергея Маркова, в прозе Юрия Домбровского. И душой отдыхал на ее широких и бесконечных улицах, в ее чудесных садах. Но всё же не зря ведь изрек великий перс Саади, что много на свете прекрасных садов, но всего прекраснее пустыня.

Многому научил меня мой любимый художник Павел Варфоломеевич Кузнецов, в своих ранних нетленных полотнах показавший не только степную ширь, сливающуюся с небом, но и духовность кочевой Азии. Духовность пейзажей и лиц. Духовность очертаний и жестов.

Сама вековая повседневность многотерпеливой кочевой жизни в моем ощущении содержит громадный ресурс поэтического преображения мира. Как не-

когда изрек, прощаясь со мной, известный казахский критик Аскар Сулейменов, ближайший друг гениального поэта Мукагали Мокатаева: «Не забывайте, что мы из округа Йокнапатофа!»

С годами и десятилетиями в моей душе произошла странная утрата непосредственного интереса к Западу, чьи «священные камни» я, разумеется, чту. Но сердце безвозвратно отдано Востоку. Видение континентальных пространств, над которыми всходит и заходит багряное солнце, стало неотступным.

Русская степь незаметно перетекает в казахскую. Те же неистово-зеленые луговые травы и клонящиеся под ветром, неутомимые пенные и розовые волны тамариска. С особым чувством непрекращающегося родства я повторяю слова Евгения Боратынского:

*Судьбой наложенные цепи
Упали с рук моих, и вновь
Я вижу вас, родные степи,
Моя начальная любовь.*

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

КАЗАХСКУЕ МОТИВЫ

СТЕПНАЯ ДОРОГА

Куда торопишься, дорога?
Туда бы ты могла вести,
Где нет предела и порога
Для продолжения пути.

Где гул и стук локомотива
Проходит дальней стороной.
За перспективой перспектива
Встает растянутой струной.

Там, где, не зная траекторий,
Течет и вкось и напрямик
Праязыков и предысторий
Неиссякаемый родник.

Там, где налево и направо
Плывут орлы, парят века,
Где на распятыях телеграфа
Окаменели облака.

И птица вольная, степная
В неторопливой дикой мгле,
Из часа в час перелетая,
Проносит время на крыле.

1969

МАЗАР*

Перекрестившийся тушканчик,
Осматривая небосвод,
Живой воды живой стаканчик
К подножью поезда несет.

Но эта жалкая водица
Плодится на груди холма,
Где жаждой сумрачной томится
Тысячелетняя тюрьма.

Бутылка, брошенная метко,
Туда не может долететь.
Мазара глиняная клетка
Степей оглядывает клеть.

Смешались щебень, соль и сода,
Земля похожа на змею.
И степь до края небосвода
Шипит, меняя чешую.

А ветер плотный и смоленный
Приносит сладкие следы
Печальной, синей, несоленой,
Всеисцеляющей воды.

И это нищее кладбище,
Где свищет смерч песчаных гроз, —
Извечной мысли пепелище
И неисчерпанный вопрос.

Прозрачно светятся могилы,
Мерцают фосфор и барит.
А птица с черепом Атиллы
Над сонным поездом парит.

Но жажда вещая миражей
Страшнее ужасов земли.
И волны Солнца
Красной стражей
Кричат
И мечутся вдали.

...Пылают розовые травы.
Поет пастушеский курай.
И лишь верблюды, как пес трехглавый,
Безмолвствует у входа в рай.

1969

*Мазар — особо почитаемая усыпальница на мусульманском кладбище; иногда — и всё кладбище.

КОНСКИЙ ГЛАЗ

Вздыхнул вагон и жалобно, и звонко.
Заржал вагон, везущий лошадей.
И стала степь очами жеребенка,
И жизнь, как пленка, побежала в ней.

В лиловой мгле расплавленного глаза
Металась рельсов стонущая сталь,
Плыла печали плавная пластмасса,
Из дальней дали выбегала даль.

Носилась пыль, скакали суховеи,
Текли зарницы искрами с подков.
И узких птиц изогнутые змеи
Почти ползли в барханах облаков...

Все медленней, все медленней стремленье.
Трава идет. Теплушки щель блестит...
И лишь табун толчков сердцебиенья
Еще летит, сбивается с копыт.

И встал вагон, и прервалась болтанка,
Тряхнув дома и вскинув ребра крыш.
И конский глаз стал тишью полустанка,
И в тишине струилась только тишь.

И конское ударило копыто.
И новый мир из пустоты возник.
И панорамы круглая орбита
Скульптурность форм приобрела на миг.

Вздыхнула степь, застывшая сурово,
И волны трав толкнули облака.

И вольная воздушная корова
Проснулась в океанах молока.

И стали камнем головы бараньи,
И пастухи, присевшие к огню,
И красный конь, застывший на кургане,
Как памятник последнему коню.

1970

КИРПИЧ

Я камнем в стене больше быть не могу.
Я буду лежать на крутом берегу.

Мне сердце пронзила седая трава,
Но сверху и снизу скользит синева...

И плоские волны идут надо мной.
Я — галька, которую гладит прибой.

И рыбы, как птицы, летят по реке
И песню поют на своем языке.

Но как недоступны вовеки веков
И мрамор вершин, и порфир облаков!

Я — смуглая туча, дитя темноты,
Леплю города, высекаю цветы.

Огромному солнцу открою окно
Сегодня и завтра, вчера и давно...

Шумят надо мною сырые хвощи,
И ящеров кости скрестили хрящи.

И я воскрешен мириадами лет,
Я, вымерший мамонт и мамонтов след.

Я — пляшущий смерч из пустыни Устюрт
В багряных драконах пылающих юрт.

И красные пасти распахнутых крыш
Струят безысходно-безмолвную тишь.

И к солнцу встают сквозь меня города...
Я — гулкий песок, и топочет орда.

Я — молот и пламень, и гром, и огонь,
Тропа пешехода и мчащийся конь.

Прошедшее время — костра головня.
Грядущее время — копыто коня.

Когда же миражи уйдут в никуда,
Мне снится сухая, как жажда, вода.

Верблюды бредут по колено в воде...
Я — близкий огонь на далекой звезде.

И тянут и тянут ко мне кулачки,
Ведут хоровод золотые волчки.

Планеты и дети по кругу идут
Толпой заключенных в пространство минут.

Пожалуй, запомнить меня вы должны.
Я — красная буква в странице стены.

Смотрю на себя изнутри иль извне?
Я — уголь, я — глина, я — камень в стене.

1971

КОЧЕВНИК

Воды вечерних снегов льются по руслу клинка,
Светлая чернь обливает реки серебро.
Прямо передо мной каменные облака.
А над моей головой воздушные горы стоят.

Облако постоит и отдохнет душой,
Ударит копытом конь, всадник плетью махнет.
Маленькая река тронется в путь большой,
Волны рысью пойдут, горы двинутся вскачь.

На середине реки конь поглядит назад.
На середине реки всадник сойдет с коня.
Только прошедший час, только вчерашний взгляд,
Не пригибаясь в седле, в завтрашний день спешат.

Красный завтрашний день встает на краю земли,
Но поднебесный круг беркут окинул крылом.
Кони мои вдали, волны давно прошли,
И облака миновали уже перевал.

Вижу свое лицо сорок лет спустя.
Машет седой бородой морщинистая вода.
Мой шестилетний внук стадо гонит, свистя.
Сорок тысяч овец пойдут своим путем...

Овцы стоя спят, реки идут вспять.
Снова я в первый раз на своем скакуне скачу.
За семьдесят лет назад вижу себя опять.
Неба синий кусок зубами хватает конь.

Встретились и разошлись и понеслись берега.
И врассыпную бегут ель, орех, барбарис,
С визгом летит река, как аламан-байга,
Воющая волна падает вниз головой.

Сносит вода на скаку сорок пудовых камней.
Вижу свое лицо на потном конском боку.
На розово-золотых, на гладких спинах коней
Синее небо, высокое небо плывет.

Снова тверда рука, огненный глаз остер,
Вижу — за триста верст искрой упала звезда.
Мечется в черноте — красный медведь-костер,
И шевелится, рыча, мохнатая шкура огня.

Вот я дремлю на скале, рядом заснула скала.
В небо впадает река, небо по водам идет.
И на одном берегу ищет добычи пчела,
А на другом берегу дикая вишня цветет.

1971

КАЗАХСКАЯ СКАЗКА

Гог и Магог, и многие народы
За вековой невидимой стеной
В тебе томятся. Голоса и годы
Свободы жаждут и любви иной.

Твоя прамасть так брела к пустыне
Под кровлю орлиного крыла.
Сначала безымянною рабыней,
А после бабой каменной была.

Уйди же в камень прошлого кромешный
И к половецким убеги кострам,
Рожденная женой нагой и грешной,
Презревшей веру и поправшей срам.

Совсем иной тобою вынут жребий —
Враждебных масок грубый хоровод...
Пусть на лету собьют, как птицу в небе,
В седло посадят задом наперед.'

И ринутся степные кобылицы
И понесут под выстрелом бича,
И будет мчаться круг тысячелиций,
Взывая, гомоня и хохоча...

Гремит орда, мерещится равнина,
Вот голова на вскинutom клинке...
В карминном сердце ложного камина,
На ярко-красном, сонном языке.

Стоит торшер на кошмах Казахстана,
За шаг от дома — звезды, ночь и тьма.
Огромны брови, щеки так румяны,
Что меркнет шали алая кайма.

Ночь горяча над горечью полыни,
Прогнулась почвы вспугнутая гладь...
Вся Азия к твоей груди прихлынет,
Коснется сердца, возвратится вспять.

И, на ветру поеживаясь зябко,
Сейчас заплачет, запоет навзрыд
Слепая сказка, старая прабабка,
И голосом твоим заговорит.

1972

ПРОГУЛКА

И наперерез напряженному крижу
Бросается беркут, пытаюсь развить,
Крылом размотать эту синюю пряжу,
Небесного шелка незримую нить.

Он хочет продлить неизбежность сниженья,
Вертясь на оси, потянуть канитель.
За облако спрятался — в бездне круженья
Отмечена когтем незримая цель.

Устал я бродить, собирая глаголы,
И сделаться словом раздумию лень,
И сладко упасть, как упала на доли
Незримого беркута цепкая тень.

1974

АК-БУЛАК

Памяти Павла Кузнецова

Сухая пустыня, казахские серые юрты,
И снова — подстепье, и снова до рези в глазах,
В кизячном дыму
У самой дороги —
Два дерева. Эти деревья — недреманный путника кров.
И желтая степь, золотая корчага,
Закатным броженьем кочевья вся степь налита до краев.
Вот здесь бы прожить неисчетные, черствые годы,
И, глядя на солнце, вдыхать этот дым и глотать
Горчащую синь безысходной, как небо, свободы.
На пустошь столпами нисходит ее благодать.

До края земли здесь рукою подать.

Ах, серые юрты! Ни рабства, ни кровоотмщенья...
Всю боль расставания, сердце, стерпи.
Но ходит козел отпущения, козел отпущенья,
Козел отпущенья

В сухой приаральской,
В пустой прикаспийской степи.

1973—1975

ПОЛОТНО

Сохнет блаженно-шерстистая рыжая конская кожа
На земле зеленой и плоской
Под небом синим и круглым.
Стоят чёрные перед красным солнцем
Золотоглазые верблюды.

1974

ТУРКЕСТАН

Широко ты надвинулась, тюркская ночь,
И на плоские крыши Хорезма легла,
Как тебя одолеть, чем твой дух превозмочь?!
Ты — как мчащихся факелов чадная мгла!
Что вещает Симург, что кричит Гамаюн,
На каком языке и какие слова?
Соловей отпоет — затопчет табун,
И арийского древа желтеет листва.
Да и эта монгольская лютая кровь
Медью в землю ушла, в закаспийский песок.
Истончается кость, изгибается бровь,
И персидская родинка метит висок.
В небеса телеграфная втянута нить,
И над жаркими розами кружится снег...
Чем тебя не проклясть, как тебя не любить
И к тебе не вернуться за тридевять рек?!
Крепче крепкого спаяны зло и добро,
Слиты кровь с молоком, стала степью страна.
Разве в чаше с кумысом блеснет серебро,
Да подковою наземь сорвется луна.

1975

МУЗЫКА АЗИИ

Голос грудной дутара, комуза жилистый писк,
Тренькающий перебряк
Гневной домбры Махамбета...
Волны — замах удара...
В грудях серебряных брызг
Выбился из передряг,
Стал в берегах гор
Гомон степного лета.
А чанги застеночный вопль,
Влетевший в гаремный зной,
Гортанный зигзаг литавр,
Переменчивость кеманчи,
Тара младенческий лепет,
Колкий холод колка,
Касанье глади резной.
Все это —
Ужас перед молчаньем степи...

Вот он — разлив орды, вынырнул, запестрел.
Поступью полой воды
Приближается говор некий.
Выстеган сизый простор свистящими иглами стрел,

Выстелили
Степь
Времени
Встречные реки.

Гул табунов. Хищный стрекот. Прущий осот.
Таборный

Скрежет.
Кряканье уток...
Промежуток —
Черпак с кипящим громом:
Купольного неба колпаков семьсот,
Начиненных овечьими думами, отороченных окоемом.
Вдох — стези обрыв, вбитый в точку хрип,
Выдох — плещущие валы, пляшущие длинноты.
Хором глухонемых, хмельных, розово-красных рыб
Ходят вокруг да около органов Баховых ноты.
Знать, азийский мед ухо неймет.
Разве медиум только ухватит дольку.
Спят золотые соты.
А там еще —
Грохота океан.
Да стучат по фаянсовым стеклам небосклона —
Вдумчивые молоточки ксилофона.
Радужные фассеты... Стали уста воды
Дырочками бамбука...
Горючи ключи,
Зернь подводной зари —
Зырящий изумруд зыбкого цветозвука,
— Благословен, благословен, благословен! —
Молви, привстав с колен...

Осыпается прах с дувала,
Падают роз лепестки,
Закокотал конский косяк, ангел шнырнул в небе.
Вишневая ягода скатилась в пыль...
Как близнецы близки, —
Пития ищет корень, небытия — стебель.

1978

ВОСПОМИНАНИЕ

...Теперь казахским двинемся подстепьем
На Невский с голубым великолепьем
Звезд августовских. Ночью или днем?
Березняком рязанским брешь залепим
И в сторону от кладбища свернем.

И снова тело женское на ложе
На всех своих предшественниц похоже.
Лишь тьма во тьме. Да, может быть, не та!
В объятых гнется облако. Так что же,
Не покидай, Елена, пустота!

Воспоминаньем лоб холодный морща,
Обронишь слово в глубину пустот.
Духовной плоти раненая толща
Расступится и звуком зарастет.

1981

СТЕПНАЯ КРОВЬ

Как брови гневно ни суровь,
С годами взгляд смягчился строгий.
Но лютая степная кровь,
Ее звериные тревоги!
Ты вдруг захочешь кочевать,
В квартире городской опять
Шкафы и стулья переставишь
И душу тусклую растрaviшь...
Так волк, дразнимый там и тут,
Оглянется, зеницы сузит
Или решетки ржавый прут
В бессильной ярости укусит.

1983

ПЕСНЯ

Одинокая арка в пустыне стоит.
Заунывная дудка поет,
И пасется в жару среди порушенных плит
Одурелый и пасмурный скот.
Если я в этом городе некогда жил,
Если Слову служил, если песню сложил,
Эту песню пустыня поет...

Легкой ящерики скок да скрипучий песок
Там, где высился гордый чертог.
Резкий ветер в лицо, горизонта кольцо,
Голубой на песке черепок.

1983

АННА

От последних стихов и от водки истаяв
И палимый нездешним огнем,
Бредил Моцарт казахский, Мукагали Мокатаев*,
И — Сальери при нем...

Взявши за руку друга, привставши в постели,
Говорил о Толстом.
Мчались версты, и чудился Вронский в метели,
Вспоминался отеческий дом.

Как стоит на перроне Каренина Анна,
Как вагоны гремят,
Как текут непрестанно
Основания рода, семьи;
Истребили сайгу, стала степь бездыханна;
Безоглядная даль, незажившая рана, —
Если можешь, пойми!

Без конца эта повесть, как шпалы Турксиба,
Ты ее хоть Айшой назови, —
Пролетают огни — приближаются, ибо
Губит музыка душу твою за спасибо,
И спасения нет от любви.

1985

*Мукагали Макагаев (1931 – 1976) – выдающийся казахский поэт.

ИСХОД

Вот названья племен... На скрижалях резцом запиши:
Здесь — калмыки, балкарцы, чеченцы...

Еще — ингуши,

Карачаевцы... Горцы, бесчисленные оборванцы,
Вы слышали слово и двинулись— в ночь без вождя,
Свесив ноги с теплушек, глаза на встречных, галдя,
Вымогая дары, вырезая начальников станций.

А до этой поры пребывали вы все в рудниках,
На строительстве домен. Но брови нахмурил Аллах,
Тьма окутала землю, и умер суровый виновник...

Только юрты летят и седые верблюды ревут,
И к товарным вагонам аральскую рыбу несут,
Только солнце встает, и в огне —

тамариск и терновник.

С иноверцем блудившую в землю живьем закопав,
За коленом колено народ погружался в состав.
Долог сон возвращенья, но завтра пойдут по Кавказу
И целующий четки, и прячущий мелочь в платке,
И старуха, и парень — папаха на бритой башке,
Предъявляя кинжалы противящимся указу.

Было мальчику душно в задвинутом затхломе купе —
На стоянках сбегал и терялся в бурливой толпе...

По голодной степи, по степи, Тамерланом спаленной,
Словно в пламенном облаке, в неколебимой пыли,
С мертвецами, отрытыми из нелюбимой земли,
С чуть живыми младенцами длинные шли эшелоны.

1988

Слов осиротелых шевеленье.
Это все. Я не люблю земли.
Рыжей, чьи пласты и поколенья
Мне на грудь при жизни налегли.

Лечь в степи. Трава нежнее меха.
Шелестит под ветром мурава.
В небесах волнами ходит эхо,
Шевеля усталые слова.

1996

Оставляемая планета,
Отдающая кислород,
В резких всплесках зимы и лета
Остывает и устает.
И потопом и жгучей сушью
Испытала природа нас,
Но уже не пройти удушью,
Но приходит и этот час.
Там, где мы корабли встречали,
Заскрипело песчаное дно.
Расстиляется Море Печали,
Прямо в сердце вошло оно.

1998

СЕМИРЕЧЬЕ

Ржавое, седое Семиречье,
Где, как жизнь, тягуче-тяжело
В женщинах покорное, овечье,
Умиротворенное тепло.

Словно крылья сломленные птички,
Длинных платьев льются рукава,
Пленное и нежное величье
Осенила неба синева.

Как пустыня тянется к пустыне,
Эти лица сблизиться хотят,
И столпами сходит воздух синий
На страну скитаний и утрат.

На страну, которой нет предела —
И в зарю вливается заря,—
На страну, где время пролетело,
Иссушая души и моря.

С жаждою ее неутолимой
Я стою в пустыне, глядя вслед
Поездам, всегда спешащим мимо
Безглагольных горестей и лет.

1992

КОРНИЛОВ

Полуказак, полуказах,
Истерты стремяна,
И в узко-пристальных глазах —
Пустынная страна.

Пыль Хоросана, край уйгур,
В солончаках юрга,
Неучастившийся аллюр
Под выстрелом врага.

Афганских рек седой камыш
И гималайский снег,
Кривая тень китайских крыш,
Австрийский плен, побег...

И вот счастливцу и бойцу
Россия вручена!
Но, покорившись багрецу,
Она красным-красна.

И разомкнулся тесный круг
Текинского полка,
Ушла империя из рук,
Течет струей песка.

Летит ядро, визжит оно,
Убитый мир притих...
Свидание предрешено
Родителей моих.

И все течет живая ткань,
Обрывки отдаю,
И вечно целится Кубань
В империю мою!

Подпруга стала вдруг слаба,
И, вздрогнув на весу,
На плечи падает судьба,
Как беркут на лису.

2003

Лишали крыльев семена
Иркеза или саксаула,
Чтобы песчаная волна
Прочь от посадок повернула.

Уже в закатные века,
В цвета песочные окрасясь,
Я вырос на пути песка
В полузасыпанный оазис.

Колюч и цепок мой побег.
Чьи корни все грубей и круче
От горечи подземных рек
И от мечты моей летучей.

2003

ПЕСНЯ ТУРСУНАЙ

Эта песня из казахской степи
Ярче всех земных великолепий,
И томит, как неба глубина,
И летит, как ветер табуна.

Оттого, что пела так певица,
В лихорадке у внимавших ей
Открывались подлинные лица,
Вырастали крылья у коней.

2006

ПУСТЫНЯ

Нет ничего излишнего в пустыне.
Она проста и в бедности горда,
Она глуха от века и доньше.
Здесь если что и нужно, так вода.

Весною зацветают эфемеры.
Вдруг оживут астральные тела,
То розово-свежи, то нежно-серы,
Пока жара их не сожгла дотла.

И вспомнишь вдруг во сне благоуханном,
Где время – как песчаная струя,
Где край вселенной брезжит за барханом, –
Что всё, что нажил, – лишь душа твоя.

2011

ПОВЕСТЬ

Памяти Э.А. Фейгина

От ужаса томясь и падая от хвори,
В ту осень овцы шли и, затопляя Крым,
Кипело и росло их блеющее море,
Толкалось и текло, и шло из дыма в дым.

В чернеющем дыму под визгом бомбовоза
Затмилась всех былых кочевий череда,
Заблудшие стада еврейского колхоза
С отарами татар смешались навсегда.

Отсюда на закат в его огне багряном
И дальше на скупой, аульский, редкий свет
И двинулись раввин, приставленный к баранам,
Татарин, что в степи скитался с детских лет.

Шли рядом пастухи, воздев свои герлыги,
Хоть каждый слишком стар был для таких громад
Всё кажется в одной, тогда забытой книге
Рассказан этот путь и вечный топот стад.

И выжил, стал родным седой раввин в ауле,
Не выдали его, укрыв от вражьих глаз.
И, может быть, равны и в тишине и в гуле
Перед лицом Творца и кадиш и намаз.

Потом пришли свои. Как не было облавы,
Но вскоре оглашен был список тяжких вин.
Когда сгребли народ и подали составы,
Вошли в один вагон татарин и раввин.

Теряется их след в пустынях Казахстана,
Где Книга Бытия, вставая в полный рост,
Из ветра и травы рождаясь беспрестанно,
Струит дрожащий свет ночных костров и звезд.

СТЕПЬ

Холмы и яруги
Пустынной страны,
Где юрты от вьюги
И зноя черны.

Терзают безбожно
Жара или джут,
И жить невозможно,
Где люди живут.

Саман и солома,
Одно деревцо,
Кольцо окоёма
И ветер в лицо.

Здесь будто проклятье
На землю легло.
Но алое платье,
Как пламя, светло.

Ты с юной казашкой
Как будто знаком.
С решимостью тяжкой
Помашет флажком.

Взовьются вагоны,
Помчатся столбы.
Стучат перегоны
Песчаной судьбы.

2013

ТЮРКСКИЙ МИР

О, тюркский мир, ты прокатился комом
По волчьим и охотничьим следам,
По всем степям – родным и незнакомым,
По воинствам, державам, городам!

Пришел к морям от вольных бездорожий
И, поглощая племена Земли,
Презрел божков, услышал голос Божий
И с лошадей вступил на корабли.

Ты вскинул к Солнцу вечные мечети
И красоту в гаремах затворил;
От матерей оторванные дети
Несли народам твой свирепый пыл.

Но в час, когда жара течёт по рынку,
Ты видишь сон: рассвет и угольки
И пастушонок, дующий в тростинку,
На берегу неведомой реки.

2013

ПОПУТЧИЦЕ

О.К.

Бесцельно вглядываясь в дали,
Чья увлекала глубина,
Часами долгими стояли
Мы у вагонного окна.

Текли и грезили закаты
Грядущим, веющим едва...
И жизнь прошла – остались даты,
Виденья, дали... и слова.

Но, больше всех великолепий
И бедствий, ждавших впереди,
Свободный ветер свежей степи
Ещё волнуется в груди.

Взяв из всего, что пролетело,
Его бессмертную траву,
Я умираю то и дело,
К ней прикасаюсь и живу.

2013

ЮРТА

Видел я, как юрту ставят,
Как развьюченный верблюд
Степь родную воплем славит,
Как является уют.

В сиротливом и суровом
Бытии степного сна
Люди собраны под кровом,
Вот и утварь внесена.

И зимою здесь не зябко
И прохладно в летний зной,
Повертелась и прабабка
В этой зыбке подвесной.

И уже зывают струны
Старой дедовской домбры,
Как барханы и буруны,
Смены стужи и жары.

Человечий век недолог,
Долговечней войлок твой.
Я вдыхал, держась за полог,
Воздух воли кочевой.

Солнце падало далёко
В полыхавший окоём,
И, куда ни глянет око, –
Степи залиты огнём.

И возник в душе зальделой
На волнах разрыв-травы
Легкий образ юрты белой
Средь прощальной синевы.

2014

– Караганда, Караганда! –
В твоём названье – из под спуда –
Не только стон звучал тогда,
Но и могучий зов оттуда.

Вседневный отгоняя страх,
Отцы трудились беспрестанно,
Чтоб выжить с мыслью о кострах
Норильска или Магадана.

Но так наивен был расчёт
И осторожность бесполезна –
К себе магически влечёт
Образовавшаяся бездна.

2015

ЭМИГРАНТКА

Толпа на корабельных трапах
Заслоны силилась снести,
Уже вдыхая дух и запах
Дальнейшей жизни и пути.

В последних выстрелах и звоне
Швыряют за борт сундуки,
Потом плывут и тонут кони,
Ещё не слишком далеки.

Под вечер девочке в каюте
Читают сказочку Перро,
Но детство всё осталось в смуте
И сразу сделалось старо.

Французский завтрак в русской школе
И дни, и годы в чуждом сне,
Война, разгром и речь де Голля,
И древо Франции в огне.

Но церковь русская в Париже
И муж деникинец-таксист...
Всего на свете сердцу ближе
Родной берёзы клейкий лист.

Войне конец! И очень скоро
Всё это станет далеко:
Кондитерская и контора,
Примерка в мастерской Коко,

Консьержки око, фильм с апашем.
Прощенье родина дала!
...И ветер свежий над Балхашем,
Степного беркута крыла.

2016

ЭПОС

Как железо в чадной гари,
Содрогаясь тяжело
И смягчаясь при ударе,
Блеск и форму обрело.

Как умело и толково
На копыто жеребца
Набивается подкова
В свете потного лица.

Как вокруг светлеют лица,
Что от копоты черны,
Как взовьётся кобылица
И встряхнутся скакуны.

Как в шатре, от песен звонком,
В отдыхающей степи
Угощают жеребёнком -
Улыбайся и стерпи.

Как придёт в краю знакомом
Время клеверу цвести,
Как табун проходит с громом –
Уходи с его пути.

2016

СТЕПЬ, СТЕПЬ

В переходе калмыцких кибиток,
Убегающих в Азию юрт,
Из песка вырывали напиток,
Заклинали потерянный гурт.

И чужие жырчи и акыны
С ликованием воспели, брэнча,
Вашу гибель на дне котловины
От бурана, чумы и меча.

Было голодно, жутко и зябко,
Лишь холмами сменялись холмы,
Чуть дышала твоя прапрабабка
Под убогим блаженством кошмы.

Вот прошли эти дни и ночлеги,
Отдалились барханы и льды,
И увидели с первой телеги
Колыхание синей воды.

Всё едино, всё связано в мире,
Я ещё прохожу, как в бреду,
По враждебной, злокозненной шири
Сквозь видений твоих череду.

Оттого, что и в тусклом вертепе
Ты молилась, чтоб я уцелел,
Волочась через гиблые степи
Под метелью и тучами стрел.

2016

ТУРКЕСТАН, ТУРКЕСТАН

Забыв грызни донынешней докуку,
На полтора столетья отойдём,
Весь путь от Ак-Булака к Уч-Кудуку
Пройдёт из окоёма в окоём.

Теперь пойдем воздвигнуть флаг России
И чай зелёный с муфтиями пить,
Судить, карать, спасать от малярии,
Тянуть Турксиба длительную нить.

Туземный класс, басмачество, колхозы,
Заложников расстрелы, племена,
И волшебство среди войны и прозы –
Ахматова в Ташкенте, и весна.

И там, где, павших по пути оплавав,
Прошли народы – голубая мгла,
Напев двухструнный, полыханье маков,
Бегущий мальчик под крылом орла...

К чему всё это? Но с невнятным гудом
Уже кокандцы зыблются вдали.
Теперь пора осесть в песок верблюдам
И пушкарям затеплить фитили.

2015

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Нет, не нужен сельский дом,
И густого сада
Над синеющим прудом
Покупать не надо.

Нет, не здешней синевы
Милы мне разливы!
Там некошеной травы
Бурные порывы

Там бирюк и тарбаган,
Юрта и яруга,
И взбегает на курган
Степь, моя подруга.

Это, гляючи в простор,
Всадник едет редкий,
Это в жилах старый спор
Затевают предки.

И спустившийся с высот
Погулять на воле
Ветер с посвистом несёт
Перекасти-поле.

2017

ЖЕЛТОКСАН*

Резкий скрежет камыша,
Ветер свежий с Иртыша,
Ветром полнится душа,
Ветер, ветошь вороша,
Ходит по отрепью.

Как я рвался в синь морей,
К их великолепию!
Но судьба была мудрей,
Наградила степью.

Эту ширь и эту высь
Принял я в избытке,
Мимо поезда неслись
Юрты и кибитки.

Тронув стремя и арчак,
И домбру акына,
Вижу сам, что не чужак,
Буйная равнина!

И шумит в душе густой,
Многонаселённой
Золотистый травостой
С муравой зелёной.

Эти волны гнали вспять,
Воспрещали кочевать...
Вот была умора!

* Желтоксан – месяц казахского кочевого календаря, соответствующий декабрю.

Кони радостные ржут,
Плещутся озёра...
Но встаёт Великий Джут,
Брат Голодомора.

Вьюжный месяц Желтоксан,
И под снегом трын-трава,
И смотрящая в туман
Желтоокая сова.
Не уйти от взора.

Как рыбой пахло Приаралье!
И к поездам её несли,
И трепетало зазеркалье,
И удалялись корабли.

– Простимся же, сазан и жерех,
Большая сохлась чешуя,
Всё море синее – в поверьях,
Всё под песком, что видел я!

Так и душа в песках томится,
Страстями опустошена,
И лишь любви горит крупица,
Незаржавевшая блесна.

ИЗ ЛУРКУ РАЗНЫХ ЛЕТ

ВСТРЕЧА

Не засижусь и не оставлю знака,
А постучусь и заявлюсь как есть.
Случайный гость, рассеянный зевака,
Я вам принес одну благу весть.

Но временами помнится и снится,
Что в детстве так бездумно-озорно
Я бросил в щель прогнившей половицы
Гранатовое твердое зерно.

Померкло солнце. Потускнели лица.
Но вижу я, не поднимая век, —
Древесный ствол шумит и шевелится.
И крышу дома трогает побег.

1968

Лежу в траве. Росой омыта мята.
Чуть полыхают сена вороха.
Огромным небом мягко пыль примята.
И облако в окладе лопуха.

Я вспоминаю детский угол зренья.
И, в мураве растаять нороя,
Осин осока будит подозренья
Ползущего по локтю муравья.

Полупустыня от ребра до паха.
Пока ползешь, быть может, жизнь пройдет.
И голубая грубая рубаха
Его глазам заменит небосвод.

1968

КИРГИЗСКАЯ ОХОТА

Подбросило и брызнуло... И разом
От вздрогнувшей травы оторвало...
И солнца луч над медным волчьим глазом
Перекрывает беркута крыло.
Степной простор переполняет ропот.
Земля кружится и плашмя плывет.
И слышит мышь копыт дремотный топот.
Отдачу ружей ощущает крот.
Преображенный злобной хитрецою,
С морщинисто-базальтовым лицом
Идет охотник, пахнувший овцою.
И веет ветер прахом и свинцом.
И волк лежит, исполненный степенства,
Уже убит и росами омыт.
И скорой смерти скорбное блаженство
Течет в зрачках и мышцы шевелит.
Живую плоть переполняет пламя,
И труп горяч, пружинист и ребраст.
Но пахнет почвой, кровью и червями
Удушливо-одушевленный пласт.
Взойдет луна
Над областью обширной,
И тень волчицы прибежит сюда
Дышать землей утяжеленно-жирной.
Выть на луну. И сторожить стада.

1969

ТОПРАК-КАЛЕ — КРЕПОСТЬ ПРАХА

Гюльсаре Афиджановой

Не знаю слов мертвей, чем тюркское т о п р а к.
То — прах и праха прах, и срока срок и время.
Скелета конского распавшийся чепрак,
Расколотой стрелой простреленное стремя.

Над этой башней дым и черный чад над той...
И пепел и чума вливаются с Востока.
Под синей белизной и алой чернотой
Клубится горизонт, как исполненье срока.

Копыто на весу, и дышит тетива,
И медленно горит на всаднике рубаха.
Но быстро шелестит веселая трава.
И слышно в свисте стрел похрустыванье праха.

...Подобен крепости холмистый небосвод.
Подобны облака набегу амазонок.
И пляшет ящериц зеленый хоровод.
И змеи медные вращаются спросонок.

Безмолвствует ковыль и пыли знойный пыл.
И по песку песок течет тепло и глухо.
На восьмислойный холм доить своих кобыл
Приходит с правнучкой столетняя старуха.

Плывет большой табун, и лава табуна
Ей кажется с холма волною многоногой.

Упала высота, исчезла глубина,
И стали тишиной и плоскостью отлогой.

И в старческих зрачках, как сорок ясных лун,
Пылают лошади, лиловые, как горы.
И слушает трава, и слушает табун
Хозяйки вековой немые разговоры.

— Я отзвук и топрак. О вечность, я — твоя!
Свершился некий час, и вечер на исходе.
Я — атомов песок и кожи чешуя.
И смерти страшный лик с моим немного сходен.

Продумав эту речь, она уходит в сон,
И черпает песок ладонями своими.
И каплей молока горячий склон пронзен.
Мгновенье замерло. Живут рука и вымя.

...И дети пьют кумыс. И дышится легко.
И льются в землю жир и жизни жидкий трепет.
И слаще с каждым днем и мед и молоко.
И холод лепестков и розы жаркий лепет.

Вода из недр земли выходит, как слеза.
И торжествует дерн в расселинах надгробья,
И бабы каменной лазурные глаза
Заглядывают вдаль и грезят исподлобья.

1969

СОН ШЕЛКОПРЯДА

Стать бабочкой ночной, прожорливой и жирной,
Так сладко, наугад блуждая под луной.
Но сводят с высоты бессонницы эфирной
Три километра сна, застывшие слюной.

Так уходила в сон бесстрастный и чудесный
Безбрежная страна, склоняясь над тобой.
О шелковичный червь! Отчизны Поднебесной
Ты помнишь небосвод надмирно-голубой.

Скользили в темноте сквозных оттенков тени,
Но солнечным лучом по золоту стекла
Переливалась нить певучих сновидений,
Струилась в челноке и в новый век текла.

Бывало, крыльев тень, чуть-чуть голубовата,
Мерцала, как луна, блуждая под луной...
Не размотать крылом сковавшие, как вата,
Три километра сна, застывшие слюной.

Вновь совершается твоя метаморфоза.
Приснится ли тебе в лазури жарких грез,
О шелковичный червь, в бреде метапсихоза,
Какой-то зимний лес и музыка берез?

Округлая душа, бесплотная монада,
Услышишь ли хоть раз в потоке облаков
Сто тысяч веретен ночного комбината,
И грохот, и разгул, и влажный шум шелков?

Но бабочка парит, свежа, голубовата,
Снежинку на весу, как тень свою, ловя.

И весело плывут на крыльях шелкопряда
Лиловые глаза воскресшего червя.

Но вот она висит, касаясь горизонта,
В шумящий шелк небес почти погружена...
Но рощи тутовой чернильно-черный контур
Притягивает вновь и сводит в область сна.

И тутовый листок потерянного рая
Сжимает ржавых жил пружинистую медь.
И, наготу земли на миг приоткрывая,
Взмывает в синеву, не в силах умереть.

1969

ВСЯ ПАМЯТЬ

Ж.Мамытову

За восьмой рекою Семиречья,
Где пригнулась горная гряда,
Где орда текучая овечья
По холмам сбегает, как вода;

В дымчатом преддверии Китая,
Где дремотно-древен солнца жар,
Где вода подобна молодая
Топору стотысячных отар, —

Прожил я беспмятные годы.
Но запомнил и стада, и воды,
И душа их музыкой полна,
И немым предвестием свободы,
Как пастушья песня и волна.

1974

ДЕТСТВО

Лица не выцветут, листья не выгорят...
Грязью гремит, огрызается пригород.
Клювом поводит верблюд.
Мерно куркульские мельницы мелют.
Греков и курдов с корейцами селят,
Семечками плюют.

Немцы, чеченцы, баптисты, «субботники»,
Спецпоселенцы, бандеровцы, льготники,
Спившиеся скрипачи...
И улыбаются края хозяева,
Год напролет — не унять никогда его —
Эпос поет манасчи.

Песня родная земли неприкаянной,
Плещущий говор библейской окраины,
Сплющенный гул тишины!
Банки консервные глухо запаяны
И пустотою полны.

Синие горы с лесами еловыми,
Бесы, играющие с барсоловами.
В таяньи облачных стай
Грезится злющий,
Беженцев шлющий,
Непостижимый Китай.

Что ж там? Чужого молчания флаги,
Сладкая, желтая горечь бумаги,
Твердость все той же покорной отваги,
Лишнее, чуждое зло...
Лиственной былью,
Лессовой пылью
Все занесло.

ХАМСИН

Все забыл обманутый Иаков.
И Лавана гибельную дочь
Полюбил. Он с каждой одинаков,
Поровну меж ними делит ночь.

Но глаза горячие Рахили
Памятью полны. И суховой
В сон приносит с пригоршнями пыли
Голоса прекрасных сыновей.

И, до крови стиснув губы злые,
Мглою вожделенной облита,
Мужу внемлет дремлющая Лия...
Темнота, прозренье, слепота.

1976

КОШМА

Ковровой ткани метров девяносто
Положат при дороге, и народ
Ее протопчет всласть, и трав короста
Упругими кусками отпадет.

Ала-кийиз*! Трава всему основа!
И надо мять, обламывать и сечь,
Чтоб отделилось от осоки слово,
И стебли чия поглотили речь.

Обрывист шум, и все не успокоен.
Обмолвка, песня перебранка, пря...
И молодеют краски шерстмоен,
И перекааты ходят, как моря.

На волны мальчик бросился всем телом,
И от души попляшут пять минут
Чабан, объездчик и старуха в белом,
И розовые девушки пройдут.

И желтая перебежит дорога
На красные и синие холмы...
Мы были здесь, мы тоже, пусть немного,
Попрыгали на выделке кошмы.

Как хороша орнамента свобода!
Дорожный, жаркий, потный день народа
Без сожаленья отдан ей сполна...

*Ала-кийиз – «пестрая кошма»(кирг.).И войлочная сглажена волна.

Был материнский голос еле внятен.
Я спал в саду, но, словно жизнь сама,
Всею мягкой болью выбоин и вмятин
Лица касалась ветхая кошма.

И в колыбель сквозь этот зной колючий
Прохладная, святая синева
Роняла горсть волосяных созвучий,
Из них сплетала первые слова.

1979

ОЗЕРО ПАЛИОСТОМИ

Пустынны берега Палеостоми,
Здесь рыбами покрытая земля
Дрожит и в смертной движется истоме,
Хвостами исступленно шевеля.

Так сердце, частым схваченное бреднем,
Сжимая, нежат руки рыбака.
Кто был у женщин первым и последним,
Тот жил и жил, и умирал слегка.

1978

ДОНСКОЙ МОНАСТЫРЬ

В Донском монастыре, где стынет вопль Деборы
И вскинула тимпан хмельная Мириам,
Где всходят воздуха глухонемые хоры,
Перерастая храм;

В монастыре Донском, чья красная подкова
В некрополь вдавлена, и в ночь сквозь дикий сад
Пролег незримый путь до поля Куликова,
И нет пути назад;

Где запустенье, ржа и вдоволь русской гили,
И ловят алкашей татары-сторожа...
Плита — страницей, а там и кости сгнили,
Лишь роза желтая на пепельной могиле
Так оглушительно свежа.

1978

КОРАБЛИ

Анатолий Ивановыч и Лида,
Инвалид и жена инвалида,
Сдвинув стопки и хвост колбасы,
По ночам собирают часы.

Днем квартира сдается приезжим,
И белье заменяется свежим,
Цепенеют герани в цвету,
И гудки замирают в порту.

Инвалида звенящая дочка
Выбегает гостям открывать,
И работает радиоточка,
И скрипит на ухабах кровать.

Шустрой девочке дарят конфету,
И лиловые тени легли,
И плывут в беспечальную Лету,
У причала застыв, корабли.

1981

БАЗАР

Виктору Гофману

Пять пуговиц и горстка перца,
И выручки чернеет медь...
Не оторвать руки от сердца,
С лица улыбки не стереть.
Ты усмехнешься, сердце тронув,
И, словно солнечный удар,
Под ликование патефонов
Узбекский обожжет базар.
Блеснут, как некогда блестели,
Нарядов пестрые шелка,
И сундуки и колыбели
Увидишь ты издалека.
Ковры и ржавое веретъе,
Обрубки дыни под ножом...
Еще одно тысячелетье
Под этим небом проживем!
Толклись халаты у забора,
Считали деньги, морща лбы,
И на задворках били вора
И в драку прыгали с арбы.

Так вот что стало благодатно,
Когда расплавились миры,
И только цветочные пятна
Блуждают в сумерках жары...
И снова в тысячеголосый,
В отчаянный торговый гуд
Босые дети-водоносы
С большими ведрами вбегут!

1981

ВОДА

Елена Анатольевна вошла
В наш дом из Атбасара. Было лето.
Чуть видятся рука и сигарета
Там — за стеклом невытым. Из угла
Сенатора седеющая дочь
Смотрела зло и, говоря о Прусте,
Оглядывала помидоры в дусте
И всю усадьбу. Силясь ей помочь,
Родители устали. В тучах пыли
Сады цвели и так плодоносили,
Что персики стучали день и ночь.
И никакой заботы. Почвы слой
Взломается, чуть прикоснись лопатой.
А небо над аллаховой землей
Все розовело на заре покатою.
И все текло, как лопнувший арбуз,
И проливалось медом в полнолуние...
Был страшен профиль сгорбленной колдуньи,
Янтарь зубов и выщербленных бус.
Порой она при всем честном народе
Хулила власти города, но вдруг,
Решив хозяйству посвятить досуг,
Сажала орхидеи в огороде.
А после — их выдергивать летело
Разгневанное ласточкино тело...
Но чаще на арык она глядела,
Где из газеты сделанный корабль
Топил, спасая, мальчик-мизерабль.
С особою совсем иного ранга
Мы подружились на краю земли.

Грохотали тополя-туранга,
Урюки осыпались и текли.
И шла вода. С Холодного Ключа
Широкими толчками. Из Китая.
Как волосы, волокна расплетая,
Кирпичней чая, глухо болбоча.
И слышалось так много голосов
В каракуле ореховых лесов,
И в лисьих шапках ехали киргизы,
Довольны жизнью и румяно-сизы...
И на Монмартр открытое окно
Зачем-то вспоминалось. Ветер свежий,
И запахи цветочные — все те же,
Как в час, когда, накинув кимоно,
Входило тело в гулкий душ отеля.
Меж тем душа, шепча слова Клоделя,
Раскидывала легкие крыла.
Вода шумела, хлюпала и шла.
И пел в соседнем номере Карузо.
Все выше, выше... Как халат с плеча,
Звенящей жизни падала обуза.
«Санта-Лючия»... И вода, урча...

1978

ЕВРЕЙКА

Еврейка смеется в ночном ресторане,
Бокал за высокое горло берет.
Слова осужденья сурово чеканя,
Надменно кривится опасливый рот.

И молча — так осенью смотрит волчица —
Взирает с бесстрастной тоской, свысока...
Улыбчивый камень на пальце лучится,
И веет духами в чаду кабака.

Что мне этот взгляд, недреманно и сонно
Скользнувший по зыби вселенского зла,
Широкие бедра шинка и Сиона,
Лоза вертограда, Треблинки зола?

Лазутчицы четкость и желчь секретарши...
Заносчиво курит, приветливо ест.
Зачем же мне грезится жезл патриарший,
Пылающий куст и чернеющий крест?

Немые молитвы о нищенской манне,
Века и кружение душное толп.

Ведь мы заблудились. И что там в тумане —
Телец золотой или огненный столп?!

1979–1980

ГОЛОС

По оврагу пройдешь — не заметишь травы,
В жаркий полдень заснешь под шатром синевы
И проснешься в пути, может быть, через год,
И в пустыне тебя слабый голос толкнет.
В этом голосе жил нестихающий страх,
Этот голос горел на незримых кострах.
И когда он звенел и когда угасал,
И над письмами плыл, и в словах воскресал,
Все хотелось продлить золотеющий день
И прогнать, растопить неотступную тень.
Но когда этот голос несли провода,
Становилась прозрачней речная вода,
Было небо синее, моложе трава,
Жизнь была бесконечна и мать не мертва

1981

ЧЕРНАЯ КУЗНИЦА

В черной кузнице все переделай,
Здесь воздушное тело гвоздя
На ладони лежит обгорелой,
Между пальцев течет, уходя.
Как душе ненавистна свобода!
Лучше лечь, воскресая вчерне,
В эти черные руки устода,
Прокопченные в вечном огне.

1980

СОБАКА

Собака уличной была,
Там что-то ела и пила,
В грязи спала, щенков забыла...
Глядит из темного угла
И благодарно и уныло.

Заварен нюх и слух ослаб,
И не отмоешь этой псины.
И прав Гомер: тот духом раб,
Кто ведал рабство день единый!

И унижения печаль
Юлит и лижет мне ладони.
Низка. И все же было б жаль
Увидеть мне ее в фургоне.

Но крючник не придет, о, нет,
За этим космосом бродячим!
Дадут и номер и билет,
Ошейник есть, налог уплачен...

Зачем я молодость сгубил?
Зачем я этой жизнью жил?
Я дальше вытянуть смогу ли,
Когда уносят жизни пыл
Пеленки, кошки и кастрюли?!

Я вижу юность, синий май,
И вспоминаю почему-то
Глухой пустырь и хриплый лай
Из Павловского института.

1983

QUO VADIS?*

А. П. Межирову

— С чем остаешься и куда идешь?
Пошли в шинок!.. Мозжит... Похмелья дрожь...
Метель шипит: «Добродии шановни!»
Шампанского!.. Но бес в отлучке... Что ж
Не проезжают ни возы, ни дровни?
Сегодня — век семнадцатый. Но бес
Ушел вперед. Ни голоса с небес,
Ни отговорки конского копыта.
И в этот час в соборе Маргарита.

Взмывал метели быстрый перепляс,
Гудел литовский говор в подворотне,
Когда от литургии в добрый час
Гусарские летели полусотни...
Играли жаром хрустали зимы,
И на возах — из византийской тьмы —
Гостинцы к бесприданнице Марине
Все ехали до ночи и корчмы.
И таяли... О, невзлюбили мы
Лжедмитриевой озорной латыни!

Сбежать с горы, и выпадет из глаз,
И чистым полем станет город чванный,
Гулливый, не чуравшийся проказ...
Но где цепной медведь и тулумбас?
Иль ряженные у костела Анны?..
Пусть выпит задарма сарматский мед,
Но чист снежков неспешный перелет,
И на коленях снова и навеки
Безрадостные дети и калеки.

Моток мгновенных улиц. Вялый хор.
Но далее. Проходим через двор,
Где два семинариста-униата
Меняют наспех номер у «фиата»
И красят верх и смотрят виновато...
Давно ли в Риме отменили ад?
Белым-белы, остыли, не чадят
Костела электрические свечи.
Далече Рим, а все же крепок дух
Той восковой и сыромятной речи...
Выносливо отчаянье невстречи
И сумрачно Твое молчанье вслух!

...Язык Литвы, язык ее князей,
Купель земли и королевен вено...
Кричала чернь, и зрителей мгновенно
Перенимал у Плавта Колизей.
И ликовал Святой Иероним
И плакал над стихами перевода,
И львы, рыча, ходили перед ним,
Когда из плена не было исхода.

1980

*Quo vadis? — камо грядеши? (куда идешь?) (лат.)

СТАРЫЙ ТАШКЕНТ

Старый Ташкент, пепелище седое,
Где, пробираясь на запах и дым,
Толпы текут, как стада к водопою,
По закоулочкам белым, седым.

Здесь на развале повсюду харчевни,
Город, пустынею став колдовски,
Съехав с основы кремнистой и древней,
Жарит и жарит свои шашлыки.

Веянье Азии, жизни и грязи,
Благословенной твоей духоты...
В мелкой пыли, как в светящемся газе,
Плавятся лица и тают черты.

Все переплавилось в облаке плавном,
Здесь и шофер и начальник равны,
И лейтенант, поливавший напалмом
Холод и дым сопредельной страны.

И принимает душа, холодея,
Черный, прощальный, бушующий чад.
Нету ни эллина, ни иудея,
Где исступленные бубны стучат.

О, как лицо холодеет при звуке
Стонущей песни, и плещется мгла,
Ходят танцовщицы цепкие руки,
Ходят бойцовые перепела!

И, навсегда удивившись цветенью,
Там, где урюки слегка отцвели,
Ходит Ахматова легкою тенью
В реяньи пепла, в имперской пыли.

1982

РАССВЕТ

*«У призрачных стен
Удджайна искал я любовь».*
Тагор

Уже розовеет окно,
Краснеют холмы,
Все нежного зноя полно
Индийской зимы.

Уже от рассветной реки
Текут голоса,
По Гангу бегут огоньки,
Идут паруса.

Я хижины вижу,
Где варят зерно в молоке...
Я взглядом приближу
Багровый туман вдалеке.

Тот город исчез,
Но в сияние вечного дня
Пустыней небес
Сильнее он тянет меня.

Безбрежностью синей
Сильней
меня сводит с ума
В песчаной пустыне,
Где пляшет
Богиня Чума...

Как бабочку волей светил
Бросает к свече,
Я в темные храмы входил
Пылинкой в луче!

... И снилось, как тайна,
Свидание, ждущее нас
У башен Удджайна,
Чей нежащий жар не угас.

У
башен
Удджайна
В рассветный
и радостный час!

1982

НИЩИЕ

Ограды усажены битым стеклом,
Но черные нищие смотрят в пролом,
И нет ли какого излишка?..

Старик улыбнется раздавленным ртом,
И с визгом запляшет мальчишка,
Собака взмахнет шелудивым хвостом,
Беззубая кобра взовьется винтом,
И руку протянет мартышка.

1982

ЛУННЫЙ СВЕТ

...И дверь открыл в ночную синеву
Владелец кучи медной и латунной.
Я выбежал. И вижу наяву
Сад Бенареса под ладьею лунной.

Ладья дрожит. Деревья тут и там
Вскипают, голося тысячелисто.
И велорикша едет по пятам,
Браня работодателя-буддиста.

Пора буддисту сдать велосипед
И возвратиться в темную лачугу.
Но поздний пешеход, но лунный свет,
Но жалоба неведомому другу!

1983

РИКША

Поскольку, разменяв мечту,
Я только улицу мету
У маленького храма,
Я вижу дно людской реки,
Босые ноги, каблуки
И рикши красные плевки,
Летящие упрямо.

Он знает, городом больной,
И жизни жар, и смерти зной.
И, словно бы в угаре,
Он убегает в мир иной,
И реет за его спиной
Богиня в синем сари!

Что смерти дым и жизни мгла,
Пока тележка тяжела!
И ночь, волнуясь, протекла,
И день струится сизо,
И сам хочу сквозь быстроту
Две эти палки на лету
Схватить и с бетелем во рту
Бежать в живую пустоту
За пригоршнею риса.

1982

ЧАРХ-И-ФОЛЛАК *

Памяти Мирзо Турсун-заде

В той стране, где старики и дети
На молочно-розовом рассвете
В молоко обмакивают хлеб,
Где на крышах облетают маки,
Пишет ветер огненные знаки,
Шелестя страницами судеб...

Вот — поэта бранные останки,
И цветы поникли головой,
Чтоб несло отчаяние чанги
Согдианы погребальный вой.
Навсегда, навеки, да, навеки
Эти веки скроет глины ком...
А кругом кипят людские реки,
И к мазару гроб несут бегом.
Гром, подобный бегу иноходцев,
Дробный топот льется тяжело.
Над страной растоптанных колодцев
Меркнет неба красное крыло.
Здесь могилу всенародно вырыв,
Изумляясь жизненному сну,
Быстро, быстро прячут от кафиров
Савана тугую белизну.

Но куда влюбленным торопиться?
Вьется песни огненная птица,
И подросток, позабывший стыд,
Что-то шепчет и кому-то снится,
Белый жемчуг сыплет шелковица,
Девочка на дереве стоит.

1979

*Чарх-и-фоллак — сегнерово колесо, водочерпалка (тадж.)

МАРИЯ

Приходят в свой черед посланники Аллаха.
Когда его путям вручаю жизнь свою,
Душа моя тверда, нет больше в сердце страха,
И я в гостях гонцов спокойно узнаю.

На площади немой я видел Иисуса,
Меня в пустынях вел суровый Гавриил,
И, предрекая казнь, спасая от искуса,
Мне кажется, со мной Исайя говорил.

И, если иногда в какой-то вечер хмурый
С ухмылкой и вином заходит Сатана,
И я пирую с ним иль повторяю суры,
Но сумраком дышу, которым ночь темна.

И твой забытый лик, прекрасный, как впервые,
Вернулся наконец и сумрак озарил.
А, это ты пришла! Не уходи, Мария,
Пока не шелестел крылами Азраил!

1984

ЛЕРМОНТОВ

Майе Луговской

Лермонтов в рыжей овчине,
В ментике и в сюртуке,
В вечном поручичьем чине,
С шашкой в короткой руке.

Резать чеченцев готовый,
С дамами плоско шутить,
Брежущий в прозе почтовой
И не желающий жить.

Вот он—в скрипучей телеге,
На дребезжащей арбе,
В светской беседе, в набеге,
В льющемся небе, в судьбе.

В плавнях туманных Тамани,
В нимбах Крестовой горы,
В Библии или в Коране,
В ровном кипеньи Куры.

В желтых своих эполетах,
С комьями крови в горсти,
В крупных пробелах, просветах,
В звездах на Млечном пути.

1987

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Средняя Азия — грязь, тоска,
Средняя Азия — сон.
За полосой солончака —
Глиняный Вавилон.

Кесаря бремя, геолога бред,
Переселенца тюрьма...
Средняя Азия, силы нет!
Как не сойти с ума!

Но розовеет в горах миндаль,
Талым одетый льдом,
Средняя Азия, пыль, печаль,
Путника отчий дом.

Это — затмения черная тень,
Скрывшая города,
Это — цветение, зной, кетмень,
Жажда, песок, вода.

1987

ФРАГИ¹

Далёко, далёко страна Ёлотань,
Тяжелых барханов ступени...
Скажи о похожем на барса и лань
Искателе рая, туркмене!
Здесь — вечная воля, сияющий свод,
И, если отпустишь поводья,
И сам не заметишь, куда заведет
Бездонное горе безводья.
Свершив омовение горстью песка
Земной и небесной пустыни,
Одно ты поймешь: очертила тоска
Границу кармина и сини.
Подбросив папахи и вскинув клинки,
Отчаянно мчались туркмены.
И небо — повсюду, и всюду — пески,
Барханов высокие стены!
Сжигали бесплодную землю враги,
Страну сотрясали набеги,
И стала вселенная словом Фраги,
Глаголом тревоги и неги.
Земная здесь мудрость, подлунная грусть,
И музыка шла не отсюда,
Чтоб Вамбери² стих заучил наизусть,
Вцепившись в загривок верблюда.
Чтоб тусклый гостиничный ожил ночлег,
Когда, переводчик московский,
Кляня и ликуя, оплакивал век,
Изрубленный жизнью Тарковский.

1989

¹Фраги — «тахаллус», поэтическое имя Махтумкули.

²Вамбери Арминий (1832 - 1913) - знаменитый венгерский путешественник.

ПО ДОРОГЕ В ШАМБАЛУ

*Памяти Жолона Мамытова **

По дороге в Шамбалу
Завернуть в Таштек,
Слушать шум за дамбами
Пересохших рек.

Годы невозможные
Дымно-далеки,
Железнодорожные
Рельсы, тупики.

Вглядываясь в линии,
Вечно вести ждать,
Хлопок в сизом инее
Вечно собирать.

Все чему-то верили,
Золотел бурьян
Там, где жить на дереве
Обучал «Тарзан».

Полон детской удали
Гомон жизни той,
Что ушла с верблюдами,
Утекла с водой.

Дети раскулаченных,
Внуки басмачей...
Горечь дней утраченных,
Чернота ночей.

В милом узкоглазии —
Звездная река.
Вижу Средней Азии
Средние века.

На ее урочища
Уронил Тибет
Голубой, клокочущий
Отдаленный свет.

Перекаты времени
Тянутся сквозь дым
Словно конь игренивый
Косит глазом злым.

Где дома — коробками,
Тает в руслах рек
Грязновато-хлопковый
Незабвенный снег.

1988

*Жолон Мамытов (1940—1988) — киргизский поэт.

ПАМЯТИ РОДИТЕЛЕЙ

Старение империи совпало
Со старостью родителей... В те дни
Среди берегового краснотала
Бродили, взявшись за руки, они.
Совсем седые шли от сада к саду.
И Петроград и первые года,
Все пятилетки, молодость, блокаду
Сносила в ночь арычная вода.
Да, в Азии, довольно, впрочем, средней,
Пришлось дожить, от прошлого вдали...
И это был их разговор последний
О мальчике, который полон бредней
И резок и оторван от земли.

Теперь их вечер, горькая отрада
Прогулок поздних стали милы мне...
И это было время листопада
И Книги Царств, открытой в тишине.

1993

АННА КУКУШКИНА

«Анна Кукушкина» был пароход,
Ходил по Оке.
Плещет, гуляет, кукует, гудёт...
Гул вдалеке.

Эта Кукушкина тетка была
Бабки моей.
Вновь поднимаются колокола
Старых церквей.

Кто я, откуда? Стою, как слепой,
В мареве смут...
Колокол грянет — пестрой толпой
Все оживут.

Хищный кочевник, верткий шинкарь,
Жук от сохи,
Жар пепелища, чадная гарь,
Кровь и грехи.

Жмых, продрозверстка, озимь, трава,
Нэп, умолот...
Нет, не устану черпать слова
В топи болот.

Все расплывается в повести лет
Памятью зим.
Выпить ли яду, купить ли билет
В Ерусалим...

Сплю в самолете, стою под стрехой
Волей судьбы,
Ноздри мне колет кислый, сухой
Запах избы.

ХЛЕБОРЕЗЫ

Хлеборезы прошедшей эпохи,
Подвелась вам сегодня черта.
Были вы хороши или плохи,
Все же нынешним вы не чета.

Лестно каждому быть хлеборезом,
Но ведь в те еще, в те времена
Вашим стершимся старым железом
Вся вселенная разделена.

Вы, душою почти что владея,
Тайну жизни постигли вполне,
И материей стала идея
В атакующей небо стране.

Забирая свое без утайки,
Раскаляя источенный меч,
От блокадной и лагерной пайки
Успевали вы что-то отсечь.

В мире вашем безжалостно-резком
Не явился бы, может быть, я...
Вы одним невесомым довеском
Подарили мне боль бытия.

1993

Сыпучее золото глядя,
Целую — они не мертвы —
Те давние, первые пряди
С кудрявой твоей головы.

И вижу цветущие травы,
Растений твержу имена...
Там зелень по берегу Влтавы,
Как детство, чиста и нежна.

Цветет, запропала Европа
В лугах, огородах, полях,
И горбится у микроскопа
Богемский генетик-монах.

Какой же нам жребий подброшен,
Где завязь тонка и слаба?
Меж белых и черных горошин
Теряется наша судьба.

Я волос держу невесомый,
Пока шелестят, как листва,
За всем, что несут хромосомы,
Пристрастья мои и слова...

Все эти поступки некстати,
Мечты, и метанья, и сны,
И ты в госпитальном халате
У серой больничной стены.

1993

ТРАВА

Лошади, пленумы и георгины
Выше моей головы.
Нежные розы Ферганской долины,
Женщина в море травы.

Матери руки и первое слово...
Как я хочу наяву
Снова увидеть отца молодого,
Лечь в молодую траву!

Пышная, дикая эта порфира,
Полузадушенный пыл...
Двадцать четвертая драма Шекспира,
Сессия славной ВАСХНИЛ.

Есть кульминация в ней и развязка,
Темная сила измен...
Змейка в траве, золотистая сказка,
Звезды и времени плен.

Только туда из привычного бреда,
В дивное небытие!
Впрочем, была ли и чья здесь победа?
...Звездное небо Твое!

Блеск и сиянье небесного крина,
Ночь и нагорный ручей,
Азии пыль, бормотанье акына,
Детство и дело врачей.

1993

ЗИНГЕР

Зингера заветная машина
Сотню лет не старилась. Был долог
Путь до Андижана из Берлина...
Слышу стук немолкнувших иголок.
Здравствуй, Зингер, маленький кузнечик,
Местечковый мальчик голенастый!
Старый цех, сутулый ряд узбечек...
В сердце — гул размеренный и частый.
Это — в детстве стрекот полусонный
И во сне — Бангкоки и Мадрасы.
Шелестят пассаты и муссоны,
Век двадцатый, гибель белой расы.
Тонет мир с машинками твоими,
И романы Конрада — в бурунах...
Вечным солнцем высвечено имя
В кружевах готически-чугунных.
Рушатся ветшающие тряпки,
Утекают золотые нитки
И в избе моей рязанской бабки,
И в лачуге дряхлой аннамитки.
В Дели, где приличней шить мужчинам,
И в горийской хижине Кекелы
С лампой керосиновой горелой
И мечтой о сыне благочинном.

1996

УЛИЦА КУЛИЕВА

Улица Кулиева в Бишкеке.
Грязные ограды высоки.
Хмурые уйгуры и узбеки,
Белые киргизов колпаки.

Русские столыпинской закваски,
Ставни и заборы из тесин.
Хижина, где жил поэт кавказский,
Виданный в младенчестве Кайсын.

Дом, где ждал он писем Пастернака.
Сизых гор волшебный полукруг,
Мусор, шелудивая собака,
Кладбище, где мой схоронен друг.

Сизый дым и вывеска харчевни,
Кушанье Китая «ашлам-фу»,
Запах роз и нежность пыли древней,
Выплывает детство, как в тифу.

Ночью — жар и ветра опахало.
Я не сплю и не включаю свет.
Для чего мне это? Разве мало
Всех былых и предстоящих бед?

Все равно отречься не сумею
И чужую понесу беду.
Темную, чумную «Одиссею»
Через «Илиаду» проведу.

1995

КАРМА

Холод. Монгольские горы.
В снежном лесу листопад.
Словно заглохшие хоры,
Тихие вихри кипят.

Отзвуки жизни таежной,
Жуткой, как сдавленный вой,
Завороженно-тревожной,
Неистоцимо-живой.

Все безнадежнее листья,
Мертвенней и золотей...
Месиво наших корыстей,
Марево наших страстей.

Под белизною сугроба
Скроется клинопись вех —
Завоевателя злоба,
Темный отшельника грех.

Злая судьба командарма,
Скудные дни чабана...
Медленно копится карма,
Смерти зовет глубина.

Нежные, будто младенцы,
Так далеко сблака,
Вечные перерожденцы,
Двигутся издалека.

Небо высокое Будды
Катится, словно вода,
Через гранитные груды,
Тянется через года.

Волны сапфирного света
Эта вольет пустота
В замкнутый свод Магомета,
В космос открытый Христа.

1989

ОТЕЛЬ «БРИСТОЛЬ»

Снятся в нем перепончатокрылые духи,
Эти выползшие из трясины старухи
С пузырями на жабьих губах...
Он пропитан, пропах
Старым Индокитаем, бессонницей, пылью,
Благовонной какой-то недоброю гнилью,
Крысой, спать не дававшей всю ночь...
Весь — больной,
Здесь доволен ты жизнью жалкой.
Погонявшись за крысой с бамбуковой палкой,
Путешественник, знай,
Что записан стеной
Разговор о Мане и Ренане на смеси
Аннамитского с нижегородским, и в стрессе
Этот строгий Ханой.
Откровенничал с этим двурушником Кханем...
И глядят из угла
Телефоны пудовые с хриплым дыханьем
Местной госбезопасности.
Липкая мгла.

Раздирая скрежещущие жалюзи,
Выйдешь ты на балкон и увидишь — в грязи
Пробудились летучие рикши и кули,
Тянут руки к тебе в набегающем гуле.
Эти люди — в беде.
Если спустишься к ним...
О прохожем проведав,
Церемонное треньканье велосипедов
Обтечет отовсюду, обступит везде.

Год назад здесь лежали на улицах трупы,
Но прошла перестройка. Преступные группы.
Много, риса, товаров...
Но кто ты и где?

Дым харчевни... И нищего гонят взашей,
Дети в карты играют,
И в черном крестьянки
С узких плеч опускают узлы и вязанки,
Чтобы парами сесть и вычесывать вшей.

1993

Где, империя, твой упадок?
Быстро все поросло травой.
Будь ты проклята! Но как сладок
Иссушающий воздух твой!

Лишь вчера проходил, как хозяин,
Вольно дышащий твой человек...
Где удушье твоих окраин,
Необъятная не навек?

Воздух Азии с пылью, с астмой
Ветром в сторону отнесен,
С вязью сабельно-сладострастной
Прорезающихся письмен.

1992

МАРУСЯ

Я отрезан от Азии злой,
От возлюбленной пыли и грязи...
С этой мерзлой землей,
Нет, не чувствую связи.
Эти рощи берез
Не заменят цветенье урюка.
Разве впрямь и всерьез
Эта рознь и разлука?
Я державу любил,
Чьи, струясь отдаленно,
Мой скитальческий пыл
Осеньяли незримо знамена.
Тяжело, тяжело.
Все ушло, утекло бестолково...
И в степи проросло
Только русское слово.
Существо в парандже
В зачаженном улусе
Все забыло уже,
Только знает,
Что звали:
Маруся!

1993

ДЖАМИЛЯ

Костры, курганы, степь, ретроспектива —
Сарынь на кичку, черствая земля...
Плыла, спасаясь от сельхозактива,
Через ночную Волгу Джамияля.

В Коканде Женей сделалась татарка,
Слепив гнездо из глины и тоски...
Пыль Ферганы... Как солнце детства жарко
И в огороде горы высоки!

... Родителям твердила: «Вас я спрячу,
Не сыщут ни гестапо, ни ЧК!»
Так вот откуда этот страх собачий
И пыльный луч, пронзающий века!

И вижу я блаженство тесной кельи,
И подпола мерещится свеча,
И сладко одиночество, веселье
На киноварь упавшего луча.

И ясен мне японец на татами
И в Оптиной Леонтьев, и пророк...
Курганы, степь, костров пустынных пламя,
Жар мироздания, сжатого в комок.

1996

ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Москва, столица равнодушия,
Ты далеко... В ночном Бишкеке
Рев перелетных птиц я слушаю,
Неиссякающие реки.

Поток тревоги, плеска, клетота,
Соборности, восторга, страсти...
Кто с парка рубище совлек это?
Как много птиц единой масти!

Какая странная, двойкая,
Двойная жизнь от года к году!
Крича, перекликаясь, крякая,
Народ готовится к исходу.

Вспоминаньем детским мучая,
Неистошмы и могучи,
Куда-то черные, сыпучие,
Орущие стремятся тучи.

Уходят, осыпая перьями
И листопад и первый иней,
С окраин рухнувшей империи
В неугасимые пустыни.

1991

БЕЖЕНЦЫ

Средь беженцев не видно Иисуса.
Велеречив премудрый Соломон,
Лицо Давида смуглое безусо,
Свою звезду на шее носит он.

Мерещится, когда ватагой всею
Из-за стола прощального встают,
Суровое подобье Моисея,
Самсон, Иаков, несколько Иуд.

Средь этих лиц — Юдифи лик орлиный,
Эсфири нежный сумеречный свет,
Заломленные руки Магдалины,
Рахиль и Лия. Лишь Марии нет.

1990

ТОЛСТОЙ

Розовые, бледно-голубые
Томики Плутарха в сундуке...
Кровь войны увидевший впервые,
На войну он едет налегке.

До заката тянется каруца*
По степи молдавской в знойный день.
Вот поют цыгане и смеются,
И читать и думать стало лень.

Моря плеск и слово Фемистокла
В синеве проносятся над ним.
Но сегодня Греция поблекла,
Потускнел Египет, выцвел Рим.

Через годы выплывут в тумане
Только степь и неба благодать...
Пушки на Малаховом кургане,
Огрызаясь, будут грохотать.

Сладко, сладко низвергать Шекспира,
Презирать и Цезаря и Пирра
Всем наперекор и невпопад.
Впереди — завоеванье мира,
«Рубка леса», жизнь, «Хаджи-Мурат».

1994—1995

*Каруца — молдавская повозка, запряженная волами.

ВОСТОЧНАЯ МОСКВА

Москвы восточной ветер летний,
Неосвязаемо-сквозной,
И в этом ветре все заметней
Дыханье Азии родной.

Гул азиатчины родимой,
Речной и лиственной молвы,
Тот ветровей, который мимо
Восточной не пройдет Москвы.

Вздохнешь — и весь перед глазами,
И весь — как радужный туман,
Путь до Ташкента и Казани,
От этих чайных до чайхан.

Где жизни красочный излишек,
Где чайники и кренделя?
Лишь некий дух в толпе домишек
Блуждает, ветви шевеля.

В душе ношу его?.. Навряд ли...
Не в силах выразить... Но здесь
Понятней Хлебников и Татлин
И все, что с нами стало днесь.

Свет облаков аляповатых,
Сирень в цвету — не разглядишь
Мглу балаганов и палаток,
Футуристических афиш.

Мир обреченный и нетленный,
С моей душой сгори дотла!
Ты в небо незапечатленной,
Русь Уходящая, ушла!

1992—1994

САЛАМАНДРА

В город на хмурой Каме,
Словно смурные сны,
Русские с узелками
Едут из Ферганы.

Из Душанбе, из Кушки...
Некогда к той глуши
Так же прошли теплушки —
С немцами ингуши.

Копит Россия силы
Или — охота спать?
Бросив свои могилы,
Молча уходит вспять.

Может быть, это снится —
Хижины, тополя...
Душу прожгла граница,
Стала родной земля.

Смуглая на перроне
Бесится детвора.
Что-то вдогон гармонии
Продребезжит домбра.

Снова летят кибитки,
Снова костры чадят,
Снова белы накидки
Скобелевских солдат.

Впрочем, белеет хлопок,
Все отравивший тут,
И черепки раскопок
Свежего слоя ждут.

Дьявольский, нефевральский,
Черный июльский снег —
Там, где упал Пржевальский
У неизвестных рек.

Вот он — путь Александра...
Марево в жарком сне,
Юркая саламандра,
Пляшущая в огне.

1994

МЫС ХАМЕЛЕОН

Солнечным прикинулся и милым
Мрачный кряж, хамелеон и лгун.
Повела тропинка к Фермопилам
Вдоль японских отмелей и дюн.
Вот он вновь, задымлен и обветрен,
Стал фиордом, скрылся за дождем,
Ибо мы с голубоглазой Кэтрин,
Говоря о Гамсуне, идем.
Мало жил жених ее норвежец,
Многое умевший... Например:
Гонщик, живописец, конькобежец,
Алкоголик и миллионер.
Год назад сгоревший в авторалли,
Вновь горит он оттого, что мы
Жизнь свою друг другу повторяли,
Восходя на лживые холмы.

Что еще всплывет из переката
Голубых столкнувшихся пустынь?
Мак цветет, благоухает мята,
Слабо пахнет поздняя полынь.

1993

Вновь берег моря, людный и пустынный,
Он был тобою населен тогда...
И все несет свои аквамарины,
И все темнеет быстрая вода.

Все кажется, что недоговорили...
И вдруг настала новая пора,
Вот почернели всплески синей пыли,
Заголосили все прожектора.

В исходе жизни, посредине лета
За горизонт в отчаянье продлю
Мысль о тебе, свирепый выкрик света,
От корабля посланье кораблю.

1994

РЕКОНСТРУКЦИЯ

Снова просят в России.
И снова
Прсят яростно – ради Христа.
И сгущается мгла золотого,
Храма грозная высота.
Облик радостен, голос печален,
В эти лица не надо глядеть,
И насыщена плеском купален
Литургии победная медь.

1996

МОНАСТЫРИ

А. П. Межирову

Монастыри на севере Молдовы...
Так сердцу опустелому нова
Там весело-весенне-молодого
На ветхих фресках неба синева.

Ее не прячут от жары и стужи,
Всю вынесли под вьюги и дожди.
Сияют эти росписи снаружи.
Безмолвно об исчезнувшем суди.

Хмелеет сердце от лазури пьяной
И от того, что все сотрут века,
Но синей краски больше над поляной,
Над облаком, глядящим свысока.

1995

ШВЕЯ

Там всюду образцы и выкройки лежали
И прыгали клубки.
Казались тяжелы от счастья и печали,
А в памяти легки.

Как, расшвыряв шитье, шампанское мы пили!
Не уставали пить...
Вдруг распустила ты все то, что мы любили,
Перекусивши нить.

Когда в манто до пят с атласным псом в камзоле
Пересекаешь луг,
Где эти выкройки, уколы, промельк моли,
Где эта комната? И вдруг

Всю нашу жизнь вдохнешь, и всю одновременно:
Мгла, за окном — снега,
Мой диковатый взгляд, и вата манекена,
И запах утюга.

1995

ТРОФЕЙНАЯ ЖИВОПИСЬ

А.И. Эпп, В.Г. Руденко

Конечно, Ивелину Лемонье
Мане любил, и вечен взгляд влюбленный,
К незримой прикоснулась полынь
Рука Сезанна резкостью зеленой.

Недаром был запрещен и гоним
Сезанна Бог, прикинувшийся грушей!
Распалось мирозданье, и за ним —
Горячка переливов и удуший.

Кружащиеся женщины Дега,
Всезнающие, грезящие спины,
И дерзкая танцовщицы нога,
Оспорившая истину рутины.

Гогеном сотворенные цветы
И розы покупные Ренуара
Лицом к стене среди вещей пустоты
Стояли, не утратившие жара.

И вижу я, как жизнь моя пестра,
И нет конца мечтаньям и обманам,
И всю ее изобразил Сера
На берегу пустынном и песчаном.

А жаждавшие чуда наяву,
Забывшиеся в обладанье мнимом,
В такую же густую синеву
Все вылетели с освенцимским дымом.

1995

ЛАВКА

Лавка по дороге в Агру. Девочка гранатным оком
Строго держит под присмотром серебро и бирюзу.
Кожа — ветошь. Но хозяин в изумлении высоком
Говорит: «Я шью из кожи, боги делают козу!»

Эти жилистые руки стали пеплом, вероятно.
Дочка дочери торгует. Боги едут на арбе...
Снова, наплывая, стонут Индии цветные пятна —
Жизнь, окинутая тканью мысли тайной о тебе.

Потому, что это чувство как-то с Индией совпало,
Пыль дорожную застлало, и — пылает впереди
Под глубокой красной аркой
призрак белый Тадж-Махала,
Возносящегося в небо и стоящего в груди.

1995

ЭПИЛОГ

На базаре толпа потемнела,
Нетуземного нету лица.
В тесноту погружаюсь несмело,
И душа возвращается в тело,
Соскользнув по мизинцу Творца.

Ведь жила она в Азии Средней,
Лепетала об этой стране...
Поздней встречи, быть может, последней
Исступление сладостно мне.

В обладании много печали,
И в прощании — горечь земли.
Это знали еще англичане
И чего-то постичь не могли.

Так они расставались с Калькуттой!
Улыбаясь загадочно им,
Мчался идол ее пресловутый,
Весь закутанный в жертвенный дым.

Жгучий сон многоцветного лета,
И, хоть множество жизней живи,
До конца — сумасшествие это
В переменчивой форме любви.

1995. Ош

МАРА

Всегда в этой речи искрится санскрит,
Сквозь годы и ветхие беды
Вещуньи седой ведовство говорит,
Премного древнее, чем Веды.

Струятся, тревожа таежную глушь,
Незримые реки нирваны,
И в присказках бабьих и воплях кликуш
«Рамаяны» бьют барабаны.

Колеблется в битве словесных корней
Земли изумрудное чудо...
Устану однажды от жизни моей,
Усядусь под дубом, как Будда.

В густой, многозвенной застыв тишине,
Оденусь в мечты и пожары.
Как темные волны, примчатся ко мне
Туманные дочери Мары.

1996

СМЕРТЬ ПОЭТА

Вот сделал Бродский нырок в ничто.
Не лучше ли быть никем?
Летит Мефистофель, спешит в авто,
А Фауст впервые нем.

Теперь друзьями станут враги,
Письма возьмет музей.
До преисподней дойдут круги
Тайной вражды друзей.

Старый стукач некролог отстучит,
С чувством поднимет стакан,
И выжидающе промолчит
Лагерный политикан.

Ночь в нелюбимой Москве бурлит,
Твой Петербург угрюм,
И во вселенной твоей разлит
Злой, суховатый ум.

Все в ней сбылось...И сожженный дотла,
Как никогда, велик.
И равнодушие к тебе – что хула
На «Дженерал электрик»!

Кто я такой? Предо мной – гора,
Ветер и вихрь судеб,
Шумит кашгарская джугара,
Кунжутотом посыпан хлеб.

Вьется в песках пересоший Узбой,
В очи летит зола...
На волос был я от встречи с тобой,
Судьба меня берегла.

Что делать, мне дворник Платонов милей,
Под черной метлой кипят
Багряные листья родных тополей,
Расстрелянный листопад.

Мы все – из вышедших строить и мечь...
Ты был, ты остался, ты есть
Ахматовой мечь, Цветаевой весть,
Убитой поэзии честь.

1996

ВАГАНЬКОВСКОЕ АРМЯНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Пустынный вечер отливает рдяным.
На кладбище армянское вхожу.
Всегда неравнодушен был к армянам.
...Я вижу зелень в скалах над Севаном
И стадо, обреченное ножу.

Гегарта мощь и гул пещерных залов,
Гранитные надгробья и гроба...
А вот и здесь — врачей и генералов
Суровый тес, искусная резьба.

Сюда вы шли по всем дорогам горным,
Навек оставив посох или плуг!
Но это имя... Золотом на черном:
«АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ» полыхнуло вдруг.

Конечно, нет, он не был армянином,
Другого места, видно, не нашлось.
Он рядом спит с туберкулезным сыном,
И деревца растут и вкривь и вкось.

Такая жизнь, такая им планида...
О, не случайно в той слились глуши
Земля Москвы, и горечь геноцида,
И смутный жар клубящейся души!

1996

ВО ФРАНЦИИ

Собор в тревожном, темном блеске,
Река и свежий ветровой,
И зеленеющие всплески
Пьянящих листьев и ветвей.
Дух избавленья от обузы,
Всё под хмельком, навеселе
В кафе, где мелкие французы
Сидят с бутылкой божоле.
Блондинка курит сигаретку,
Бледна и цепко-холодна.
Я засмотрелся на брюнетку,
И оживляется она,
Прислушиваясь к разговору,
Ловя славянские слова...

Зной через год и в эту пору.
Дорога. Рослая трава.
Заволжские пустые села...
Вдруг, выплывая, как в дыму,
Улыбка живости веселой
Ответит взгляду моему.

1996

ПРОСВЕТ

Длится жизнь, оскверненная ложью,
Низкой прозой, но, боже ты мой,
Осененная лиственной дрожью,
Драгоценной морской синевой!

И поистине всюду со мною —
В дальней зелени синий просвет,
Вечно веющий свежей волною,
Глубиной убегающих лет.

1996

КУМРАН

- С. и И. Крон

Свеж верблюжий след на глине,
Долог день и древен мир,
И пустыня все пустыней
И синее знойно-синий
Моря Мертвого сапфир.
Вот и меркнувший во мраке
Проблеск истины двоякий,
Правды промельк и пример:
Облетающие маки
У чернеющих пещер.

1997

СТЕНА

Какой-то гул, ликуя,
Как будто снится мне.
Проснуться не могу я,
Припав лицом к стене.

Все не могу прозреть я,
Но, в слепоте права,
Вросла в тысячелетья
Упрямая трава.

Как легионы Рима,
Промчались времена,
И все непоправимо,
И предо мной — Стена.

И ничего не прячет,
Горит душа моя.
О чем другие плачут,
Не различаю я.

Летят, мелькают лица,
И с ними пролети,
О жизнь моя, частица
Всеобщего пути!

Ведь в этот день горячий,
Смешавший с явью сны,
Я — под Стеною Плача,
Я плачу у Стены.

Я брата уводил из дистрофии,
Спасал отца, я матери велел
Пойти с детдомом в глубину России,
Есть лебеду, пережить обстрел.

Лет через пять, припухлый, грустноглазый,
Я к ним пришел... Как холод колотья,
Порой доходят до меня приказы
Из будущего, из небытия.

1999

ПТИЦЫ ДЕТСТВА

Вопил павлин и горлица вzywала
К собравшимся у низкого дувала,
Там, где вступали в бой перепела,
Насупившись и расплеснув крыла...
Похожий на индейского вождя,
Гулял удад. Он излучал сиянье
И видел, рассудительно ходя,
Зарю над Гангом, пагоды Сианя.
Меж тем несли с базара связки кур
В руках, как хворост. Но они всё жили,
И вижу я ужасный их прищур
И головы, касавшиеся пыли.
Я содрогался, я не мог их есть,
И в голосе гремели беспрестанно
Овации, шум крыльев, клекот, жесьть
Известий Левитана.

2000

ШУХРАТ

Есть кому мне письмо написать в Самарканд:
Андижанская улица, 3.
Самодельный философ, мудрец-дилетант,
Здравствуй, старый Шухрат, не умри!
Купола, купола в невозможной красе
Ты увидишь, в окно поглядев.
Там столетье назад собрались в медресе
И Толстого прочли нараспев.
Таёт прах эмирата в имперской пыли
И в степи шелестит бересклет.
Мы с тобою лишь в юности день провели,
Только письма летят сорок лет!
Мы расстались в конце полноцветных времен,
Я уже не вернусь — не ворчи!
...Только вижу урючин покорный наклон,
Величавые карагачи.
Вижу я изразцов раскаленную синь,
И седеет бурьян и не дышит полынь,
Льется вязи арабской струя,
И в груди поднимается ветер пустынь
И уходит на круги своя.

2000

Тот голос вкрадчивый, он где-то в Новогрудке,
Влюбленно-вспыльчивый — от Вильно до Ошмян,
И, узнаваемый и незнакомо-жуткий,
В сонет Мицкевича ворвался, как бурьян.
Три километра я шагал за водкой в Раков
В тот перестроечный и перегонный год,
И что-то пело мне из придорожных мраков:
То гулкий «Кол Нидрей», то «Конрад Валленрод».
Что дальше там у них? Тувим или Броневский?
Река имкливая уже черным-черна.
...И жадно-жалобный в пустых ролях Раневской,
И нежно-выспренный в стихах «Путем зерна».

2000

Голос певца над пустынями Азии
Нес раскаленные вопли железа,
Ноющей жалобы однообразие,
Как дребезжащая дрель камнереза.
Жизнь согласилась на эти мучения
И погружается в нежащий скрежет,
В дикцию злую персидского пения,
Словно овечка, которую режут.

2001

М.Арендт

Звенел, звенел комар, летал Лилиенталь,
Кузнечики скрипели туго.
Нетленны вечера лиловая печаль
И возвращенье с луга.
А в детстве – Азия... Вдруг авиамодель,
Снижаясь, проплыла над головой ребенка.
Но вот я, пожилой, вступаю в Коктебель,
Где вихря бесится воронка.
Где ветра вечный свист и плоская гора...
И понял я, что здесь я – на учебной сцене,
Что у такой горы на Рейне есть сестра.
Там репетировал Скорцени.
...Куда лететь душе, когда ее швырнут
В простор, где зыбко все и все неуследимо?
И вот ее несет учебный парашют
Над виноградниками Крыма.

2001

КАРПАТЫ

На зеленый берег Тисы
В густоте лесистой
Вечерами ходят лисы
И контрабандисты.

По ночам гогочут гуси
Сторожами Рима,
Облака с Червонной Руси
Пролетают мимо.

Змей Горыныч в горней сини
Или вихорь-туча
От Дуная до Горыни
Тянется, блескуча?

Вот — прародина прародин!
Крынки да макитры,
Где сходились Хорс и Один,
Зевс гостил у Митры.

Песня в украинском доме
Льется, как горилка.
Старый дед очнулся в дреме,
Запевает пылко.

В хор семейственно-нестройный
Входит, не преминув
Давнюю припомнить дойну
Для гостей румынов.

Про красотку и жандарма
Воет басовито...
И, мелькая, вьется карма
Меж корней санскрита.

2001

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

К.

Двадцать лет, буддизм, Фили, Стромынка.
Девяносто долларов в кармане,
В Индию побег, язык тибетцев —
Сиплый сброд враждующих согласных,
Грозный взор Авалокитешвары,
Хмурая улыбка Состраданья,
Десять лет в дремучей Дхармасале,
Кирпичи в парче — тугие сутры,
Ласковость и дружба Далай-ламы,
Знойный ад и ледяные зимы,
Ночью визг, довольное урчанье —
Снежный барс, пришедший за собакой,
На утесах радостные стаи
Обезьян вонючих и прекрасных,
Взмахи колеса перерождений,
Водопад, монахов голых гогот,
Яркие на камне покрывала,
Ниже по теченью — Соблазнение,
Юных нагота израильтянок,
На побывке сбросивших доспехи,
Пожилых американок взгляды,
Злые руки пляшущего Шивы,
Фрейд и Киплинг в книжном секонд-хенде,
Мгла в горах, приюты прокаженных,
Друг-тантрист, скончавшийся в Ладаке
От последней передозировки,
«Кама-Сутра» и жена-японка,
Отчий дом, приснившийся под утро,
Перестройка, водка по талонам,
Строгановка, Кремль, квартира в Химках,
Горизонты рушащихся пагод,
Грузных Эверестов оседанье.

1999

ЗЕМЛЯ

Тягостных жалоб ликующий звук,
Пение Индии нищей,
Щупальца черных и бронзовых рук,
Страстно протянутых к пище.
Рыхлая древняя Мать-земля,
Ты не устала, рожая.
Вновь обнажилась, хотя с февраля
Вынесла три урожая!
Снова ты хочешь, чтоб взяли тебя,
Подняли, перевернули,
Острые груди твои теребя
И в октябре и в июле.
Нежно тебя обнимает вода,
Сладостно-темная в иле...
И запоешь!.. Так нигде, никогда
И никого не любили.

1999

Осмелюсь и вечную смерть заслужи
Десятками праведных жизней!
Всегда в окруженье мелькающей лжи
Дивуешься их дешевизне.

Но сладко, пока не прервется одна,
Увидеть народы и страны...
Ты в Море Страданий – большая волна,
Бегущая прочь от nirваны.

1999

ОПЯТЬ НА РОДИНЕ

Выбираю ножи на базаре,
Где железо пылает, визжа.
В чадном блеске, в скрежещущей гари
Чьи-то взгляды острее ножа.
Вот в ножнах уношу я ременных
Неизбежное в райском аду.
В поколениях недоуменных,
От рожденья недобрых, иду.
Поколенья вражды и обмана
На дороге шумят, мельгеша.
Воздух затхлый, но благоуханный
Замер в легких моих, как душа.

1999

ФОТОМАСТЕРСКАЯ

Не в кино, не в зоопарке —
На пути стоит верблюд,
В этот день блаженно-яркий
За руку меня ведут.
Будет душу греть во мраке
Этот ранний, свежий жар...
Люди, кони и собаки
По дороге на базар.
В красных юбках курдианки,
И в лохмотьях — таранча*,
И профессор в коломянке,
И начальства чесуча.
Нищий князь, свое ворчащий,
С тусклым будущим на лбу,
Хмурый ослик, волочащий
Дребезжащую арбу.
Нет мучений непосильных,
Потому что мне сполна
Сила беженцев и ссыльных,
Жизнь истлевших вручена.
Это вновь пришло, не выдав,
Притекло издалека,
Словно в спор космополитов
Лепетанье арыка.
Это все, не отпуская,
Держит за руку меня...
Детство, фотомастерская,
Вспышка черного огня.
Я сижу в колючем шарфе,
И глядит из черных дыр
И бренчит на местной арфе
Злой, кусающийся мир.

1999

*Таранча – самоназвание уйгур, беженцев из Китая.

Всезрящ и всеохватно-тонок
Судья Верховный наших ссор,
Но думаю, что Он — ребенок,
Свой изощряющий узор.

Вот, переменчивый, как дети,
Игрушку выронил, и — хлоп:
В песок посыпался столетий
Распавшийся калейдоскоп.

2000

Холодное царство Плутона,
Дрянная планета его,
Чернеет в глуши небосклона,
Там нет для меня ничего.

И вот — воплощенье какое
В земном первородном тепле!
Прожил — не нашел я покоя,
Пройдя по зеленой Земле.

Куда же, насытившись бурей,
Душа полетит в тишине?
Быть может, на желтый Меркурий,
Немеркнущий в вечном огне.

1999

ДЖУМА МАСДЖИД *

— Мир тебе, пришелец из Багдада!
Эта жизнь недолговечней дня,
Ты дошел, и ничего не надо,
В старом Дели — та же толкотня.
Жалоба все та же хоровая,
И глядят, незрячие, в зенит,
И ликуя и околевая,
Дистрофия, сифилис, рахит.
Продают здесь финики из Мекки,
И душа торговая скупа,
А вдали чернеют человеки —
Идолопоклонников толпа.
Столько в сердце радости и страха,
Ибо сердце взяли навсегда
Горький гомон, славящий Аллаха,
Омовенья сладкая вода!
Пролетает веянье проказы,
И тебе подмигивает вдруг
Бытия кусок веселоглазый,
Цепкий и родившийся без рук.

1999

*Пятничная мечеть.

САМСОН

Как хороша коварная Далила!
Я филистимским шилом ослеплен,
Но поклянусь, она больней слепила,
С тугого тела сбрасывая лен.

Среди блудниц, возвращенных Палестиной,
Поистине она прекрасней всех...
Врага громивший челюстью ослиной,
Теперь приму презрение и смех.

Теперь, унижен, наскоро пострижен,
Цепь волочу и пропадаю тут,
И прикасаюсь к выступам булыжин,
И чувствую, как волосы растут.

2000

МУЗЫКА

Старик араб, на праотца похожий,
Пугая синевой глазных орбит,
Беззубым смехом и нечистой кожей,
Струну тугую важно теребит.

Дрожит струна, натужно так заплакав
Из глубины степных бессчетных лет,
Где слышал эту музыку Иаков,
Внимали ей Христос и Мухаммед.

Стареет мир, и чудится все чаще
Призывная архангела труба,
Но этот звук томительно-живящий —
Как молоко, как детство и судьба.

2000

Гор абиссинских сумрак синий
И Подмосковья вечера,
Варшава, ставшая пустыней,
Хашури, Бершадь, Бухара,
Альгамбра, тропики Марокко
И тихоструйный Амстердам
Вернулись к выжженным жестоко
Невероятным городам.
Черта оседлости и гетто,
Пылинки в лагерной пыли,
И острова и части света
На землю скудную пришли.
Чтоб, зорко вглядываясь в лица,
Уже не разлучаться впредь,
Чтобы в одном потоке слиться
Или в одном огне сгореть.

2000

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Когда весной, как бы впервые,
На склоне яблоня цвела,
Благая весть была Марии
И в небе реяли крыла.

Неужто правде внемлет ухо?
Дитя бесценное одно,
Зачавши от Святого Духа,
Родить невинной суждено!

Носить, растить и знать, что Слово,
Приговоренное толпой,
Когда-нибудь вернется снова,
Придет из бездны голубой.

Не зря в нагорном Назарете
Над чернотой надгробных плит,
Бурлит и гулит на рассвете
И верить горлица велит.

2000

ЗЕРКАЛО

Вот — зеркало... Напрасны шум и ярость.
Но это понимаешь под конец,
Лишь в старости постичь умеешь старость,
И я не знал, что думает отец.
Он вдруг увидел маску Гиппократата...
Не то чтоб смерть оплакивал свою —
Его моя печалила утрата
И наблюдал он, стоя на краю
Тех областей, откуда нет возврата,
Как я сейчас у зеркала стою.

2002

КАЗАНСКИЙ ВОКЗАЛ

Пойми: я старше пропыленного
Складского здания вокзального,
Проржавленного, отдаленного,
Оплавленного и опального.

И я — ровесник этих росписей,
Победной спеси и державности,
Мои товарищи: кто — в хосписе,
Кто — в нескончающейся давности.

И помню я портрет с лампасами
В бездонном зале ожидания
И робость, сдавленную массами,
Как наше первое свидание.

2002

ГОЛОСА

Пророк боялся темноты
И невозможной красоты
Души невидимо-невинной.
Свет зажигал он, и стена
Была сплошная, без окна,
Чтоб не заглядывали джинны.

Он слушал, и текли в тиши
То детский голосок Айши,
То смех наложницы Марии,
Еврейский говор Сафии...
А этой музыки струи —
От Хадиджи, всегда живые!

То вдруг старуха Саада
Оплачет ранние года
Его священных посещений...
Но заглушал ее слова
И был прекрасней естества
Крылатый женовидный гений.

2002

ДУНАЙ

Я плыву посредине Дуная,
В эту пену сошедший с челна.
Словно летопись пленно-родная,
Обступает меня быстрина.
На Дунае живут липоване,
И течет средь болот и чащоб,
Как седая молва о Траяне,
Весть о том, что случился Потоп.
Все вокруг и пустынно и серо,
Словно в мире осталась пока
Только эта ладья старовеера
На туманной волне языка.

2002

ВСПОМИНАЯ ВЬЕТНАМ

На заре в краю Вьетконга
Будет утро решено
Разливным ударом гонга,
Солнцем, глянувшим в окно.

И воспрянут, полусонны,
В храмах Неба и Земли
Одряхлевшие драконы
И святые короли.

Во дворах заквохчут куры,
И войдет во все дворы
Мутный запах, дух понурый
Ожиданья и жары. -

И пахнёт благоуханным,
Как мелькнувшие века,
Безучастьем и дурманом
Безымянного цветка.

...Посиди со мной немного,
Мне с тобой и малый срок —
Как весенняя дорога
На приснившийся Восток.

2002

Слишком четко мирозданье черствое,
Но течет, струит иные истины,
Сладким тленьем с ним противоборствуя,
Индии дымок инобытийственный.
Индия — как дума умирающего,
Смесь былого с примесью грядущего,
Смутно возникающего, тающего
И несуществующе-живущего.

2002

В ДЕЛИЙСКОЙ МЕЧЕТИ

Эльзиду Иззадусту

Как мала и малость кособока,
В сохлые зарыта лепестки
Правая сандалия Пророка,
А остатки левой далеки!
Долговечно пальмовое лыко,
Сносу нет сплетеньям и узлам.
Нет, не хочет ни лица, ни лика,
Но свою святыню чтит ислам.
Груз неисчислимых караванов
Тамерлану отдан за нее,
И паломник, умиленно глянув,
Плачет и впадает в забытье.
Долог миг и ряд столетий краток,
И на сером камне все они
Закрепили узкий отпечаток
Удлиненно-девичьей ступни.

2002

Радостным обезьянам,
Вьющимся по холмам,
За подаяньем пряным
Время спуститься в храм.
Там твоему подобью
Молятся сотни каст,
Бьют барабаны дробью...
Кто же тебе подаст?
Может быть, всюду — боги,
Может быть, божество —
Голое на дороге...
Как распознать его?
Вечно плетется нищий,
Вечно на взмах руки,
Тявкая, мчатся к пище
Брошенные щенки.
Божьим и человеческим
Ранит и лечит здесь
Жалости с бессердечьем
Вечно живая смесь.

2002

Думая о воплощеньи,
Как я избрал, не пойму,
В этом своем возвращеньи
Азии пыльную тьму.

В цепкой блокадной метели
Высмотрел мать и отца,
Чтобы они улетели
В царство овцы и волчца.

Выучил эти названья,
Вызвал пустынь суховей,
Выбрал страну обитанья
В мысли бессонной твоей.

Выбрал богатство закатов,
Долгих прощаний года...
Надо бы, все запечатав,
Не возвращаться туда!

Все остальное — в склоненных
Толпах, усталых на вид,
В свитках Эхила, в колоннах
И остриях пирамид.

2003

СКОРПИОН

Злосчастный сгусток страха и гордыни,
Колеблющийся, скрюченный, витой,
Я — скорпион, живущий в дряхлой глине,
Среди соломы сонно-золотой.

Оцепеневший над строкой латыни
И взятый небом осени пустой,
Чтобы моря и тусклые пустыни
Я озарил тоскующей мечтой.

Когда огни, когда ночные крики
Качаются, и тени многолики,
И пламя лижет потолочный брус, —

Тугим хвостом грозя и помавая,
Бегу и прячусь. Но в начале мая
Смертелен мой бесчувственный укус.

2001

С. Зайцеву

Дымно-розова, нежно-бледна,
Мелковатая меркнет луна
Над садами султана,
И душа в этом городе сна
Легким жемчугом озарена
И своей простотой осиянна.

Внемлют исповеди луна
И дворовая обезьяна.

2002

ТОСКА

Армянская песня «Тоска»,
Любимая песня Чаренца,
И можно не знать языка
И слушать, как лепет младенца,
Как шелест мерцающих нив,
Как ветер косматых ущелий,
Как этой тоски перелив
По руслам ключей и свирелей.
И грусть разлучившихся гор,
И скука в глуши деревенской,
И гомон, и ропщущий хор,
И голос единственный женский.
Костры и стенанья в ночи,
Безмолвия гул заунывный...
Так плачь, откликайся, кричи
О горести дикой и дивной!
По склонам ручьи растеклись,
И этой печали напевность —
Такая туманная высь,
Такая глубокая древность!
И, может быть, думал Помпей,
Палатки откинувший полог,
Как много пустынь и степей,
Как путь возвращения долог.

2003

ДАЛЕКИЕ ГОДЫ

Тогда копали землю многие
Под солнцем черным добела,
Всех принимала геология,
Археология брала.
Вот жизнь летит, все загазовывая,
Куски хватая воровски,
Лишь снятся сапоги кирзовые
И выцветшие рюкзаки.
Я вижу эти экспедиции:
Ширь Енисея, Иртыша,
Цинга, тунгусы тусклолицые,
Энцефалит и черемша.
Хорезм и пепел в оссуарии,
Курганы темные Саян
И нефть грядущая Татарии,
И снег, и времени буран.
Походы в поисках ванадия,
Необходимого стране,
И ясность вражеского радио
В тысячеверстной тишине.
Порой туда в чернорабочие
Шли живописец и поэт,
И откликалась ночь, ворочая
Чужих костров далекий свет.
Вдруг день палящий и воинственный
Вторгался в тающую синь
Свободы тайной и единственной
Твоих урманов и пустынь.

2004

Молодой раввин с бородкой русой,
Что ты молвишь, отстранясь от книг?
Как же ты похож на Иисуса!
Но себя над миром не воздвиг.

Прелесть притч не противопоставил
Горечи и ветхой седине...
Ну, а в чем же Тот превыше правил,
Кто прошел по водам, как во сне?

Кто обмолвкой нас лишил развода,
Слабость духа мощно превознес,
Чья в дыму дурного перевода
Речь горит и трогает до слез.

25 сентября 2004

КРУЖЕВА

Виктору Гофману

Странное все же наследство —
Кружев куржавых старьё,
Матери сельское детство,
Близкое, словно моё.
Грелись у печки телята
И не спешила весна.
В долгие зимы когда-то
Долго плелась белизна.
Бабка была кружевница.
В поле мелькая досель,
Беглая нить серебрится,
Белая кружит метель.
Как налетевшая копоть
На горбыли городьбы
Время легло, и, должно быть,
Не уцелело избы.
Но в участвовавшемся беге
Неосязаемых лет
Хочется в чистые снега
Кинуться, вьюге вослед.
Чтобы ненастье вплетало
В клочья своей черноты
Звезды ее покрывала,
Снежные розы, кресты.
Чтобы, как русская проза,
В стихотворенье вошли
Эти узоры мороза
С комьями мерзлой земли.

2004

КОКТЕБЕЛЬСКИЕ МАКИ

Труден путь через все буераки,
Только те, с кем случилось идти,
Приносили мне алые маки,
Осыпавшиеся в пути.

Каменистые все переходы
Помнит сердце и знают ступни.
Не была ты со мной в эти годы,
О, как долго тянулись они!

И теперь я совсем уж не спору
С быстрой старостью, взявшей в тиски...
Улетавшие к синему морю
Пламенели, крутятся лепестки.

2005

Когда душа единственная в мире
Глядится в отражение свое,
Всегда один соблазн в пустой квартире —
Как в зеркало войти в небытие.

Скорей увидеть близнеца, с которым
Расстались мы на столько долгих лет...
Моя душа зеркальным коридором
К нему пойдет на слишком яркий свет.

2005

Все забудется, должно быть, —
Эти горы и селенья,
Привкус моря в острой пище,
Морем пахнувший рыбак,
Говор, грубый, будто ругань,
Бормотание моленья,
Вдумчивые поколенья
Пожирателей собак,
Кореянка в легком шелке
С легкой шелковой улыбкой...
Вот уж море потускнело,
Многолюдный гомон смолк,
Вместе с облаком уходит
Облик молодости гибкой...
И на память остается
Только шелест, белый шелк.

2005, Сеул

Посмела передать нам кисть евангелиста,
Как смоляная прядь нежна и шелковиста;
Как нежен этот круг и сколько благодати
В тревоге этих рук, обнявших мир дитяти.
Но из потока дней душа летит все чаще
Не к юности твоей, а к старости скорбящей.
...Виденья крестных мук и гулкий на помосте
Ужасный этот стук по дереву, по кости.
Седая голова и вечер на чужбине,
И моря синева, кипящая доньне.
Лет восемьсот поют на башнях муэдзины.
Внизу – торговый люд, кафе и магазины.
А я хочу, что мне напомнили о Боге
В туманной глубине моей земной дороги.
Люблю воды речной застывшие мгновенья
И этот праздный зной, и сладость омовенья.
Забит подземный храм, во тьме заглохла хрия...
Я принял бы ислам, когда бы не Мария.

2005

НА СТОЛЕТИЕ МАТЕРИ

«Ну, пойдем в Герценовский институт,
посмотрим на девушку с косами!»
Хармс — Заболоцкому
Поехать ли в Касимов, чтоб восемь верст пройти
Среди хлебов озимых, рыдая по пути?
Иль побрести тропею, срывая васильки,
Улановой Горою над берегом Оки?
Вот и она, Поповка, глухие отруба,
Стога, мешки, литовка и ржавая изба!
В окно глядит икона из красного угла...
Давно, во время оно, здесь девочка жила.
На выручку от ягод купив «Родную речь»,
В гимназию хоть на год пошла — не устеречь.
Ведь что ей твой малинник, приданое к венцу!
Напрасно дед-алтынник ей завещал овцу.
Овца нашла железку, и вытекла кишка...
Пройдешь по перелеску — дорога далека.
Из дома чуть подале, — Малюгин-драматург...
Отсюда уезжали учиться в Петербург.
В обтёрханной мерлушке и с косами до пят
Поехала в теплушке в разбойный Петроград.
Там Зоценко, Тынянов и дерзкий наобум
Сам Шкловский...

Вздор туманов и митинговый шум.
Молочниц говор финский, перловый стылый суп,
Дебелый Соллертинский и желтый Сологуб.
Там Хармс и Заболоцкий ходили посмотреть
На гордый вид сиротский, на льющуюся медь...
Прспекты Ленинграда, ночных арестов чин,
Потом война, блокада и этот поздний сын.
Блуждающий в дурмане или в дурной молве

Меж детством в Туркестане и старостью в Москве.
 Измученный талантом, не нужным никому,
 Давно знакомый с Кантом, купивший дом в Крыму.
 А, впрочем, в крымском доме на окнах —
тот же крест,

И шмель гудит в соломе, и память сердце ест.

2005

IN GLORIA*

Е.К. Дейч

Поведать вам хочу о благодати,
 Она как солнце, нежное с утра,
 Томительное золото Амати
 И музыки скрипичной вечера.

И вся Кремона в розовом угаре
 Цветущей вишни, чей упругий ствол
 Потом кроил и клеил Страдивари,
 И тайну клея за собой увел.

Приданое для дочери Гварнери
 И отблеск рая на пути к венцу,
 И в зыбком звуке устремленье к вере,
 Молитва благодарная Творцу.

2005

*В славе (лат.)

ТИБЕТ

На пути в Гималаи,
Вдоль дороги пустой,
Бродит марево майи,
Брезжит жизни отстой.
Слишком ярко и тяжело
Одеянье ее.
Только посох и чашка —
Достоянье твое.
Много раз на высотах
Вставших, тучи клубя,
На крутых поворотах,
Ты увидишь себя.
Этим бодрым монахом,
Чтобы мир побороть,
С каждым шагом и взмахом
Покидающим плоть.
Эти кедром и ланью,
Восходящим, как сны,
К ледяному пыланью
Золотой белизны...
Но почти у предела,
У обрыва витья,
Где совсем поредела
Зла ткань бытия,
Где уж некуда деться, —
Есть запас пустоты...
Вьючат яков тибетцы,
Собирают шесты,
Гонят легких лошадок
Из заоблачных стран
В этот мутный осадок,
В многодумный туман.

2008

ПОСВЯЩАЕТСЯ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ

Я, конечно, хочу возвратиться туда,
Где, в жару пререкаясь, соседей орда
Кетменями арычную делит струю,
И за тридцать минут успевае вода
Оживить ненасытную землю твою.
Если в детство вернуться нельзя нипочем,
В новой жизни хочу возвратиться туда —
Шелестеть зеленеющим карагачом,
Благовонным цветеньем пьянить, как джидда.

2008

ИССЫК-КУЛЬ

Лебеди на зимнем Иссык-Куле
Расписными крыльями всплеснули,
С ледяной сливаясь белизной,
И летят десятилетий кони,
Обгоняя жизнь мою в разгоне,
Но судьбы я не искал иной.

Там, где волны тысячеголосы,
Провалились в озеро утесы
И несторианский монастырь,
И ушли на дно святые мощи,
А сегодня всё грубей и проще:
Злая жизнь и ледяная ширь.

Пржевальский здесь прошел упрямо,
Были гунны, воины ислама,
Коминтерн, и словно бы вчера,
Из мечты на снеговые горы
Взгляд роняя в поисках опоры,
Здесь плыла девчонкой Гульсара.

Сердце, оплетенное сетями,
Схваченное медными когтями
Снящихся колдуний, местный фэй,
Всё ты знаешь: мир многосторонен,
И во мгле зеркальной похоронен
Лучший из писателей — Матфей.

2007

ВСЁ ПРОШЛО

На холмах за кустами фисташек –
Легионного кладбища лом,
Там – какой-нибудь Ян или Сташек
Под железным латинским крестом.

Чуть пониже, на склоне сутулом,
На киргизских колючих ветрах, –
То, что было чеченским аулом
И ушло, и рассыпалось в прах.

Все полвека назад проржавело,
Но вершинам тяньшаньских громад
Снится Терека буйное тело,
Галицийский тоскливый закат.

Над скопление хат и кибиток,
В глубину отступающих лет
Продвигается огненный свиток,
Проливается мстительный свет.

На просторах имперской разрухи
И в сумятице нынешних смут
Только девочки детства, старухи,
Как-то молятся, чем-то живут.

Так услышь этот поздний звоночек
И в пустых небесах обнаружь
Из телесных своих оболочек
Исходящее воинство душ.

2008

ТОВАРНАЯ СТАНЦИЯ

Силы нет ни пройти, ни проехать
Там, где мы повстречались с тобой...
Мертвый поезд из Нерехты в Неходь,
Проржавелый вагон голубой.

Но в душе пожилой и всесильной
Снова тянутся годы тоски,
Пустыри у тюрьмы пересыльной
И гудящие товарняки.

Я у выхода жду весовщицы,
Выбегающей в платье простом,
И целую ее рукавицы
Ненасытным и горестным ртом.

2 декабря 2007

МЕТЕЛЬ

Много ли надо для сказки?
Только деревья и снег,
Белые зимние краски,
Переменившие век.

И постепенно белея
И удаляясь в метель,
Жизнь оказалась милее
С вихрем летящих недель.

Вся исчезая за белым,
Стала внезапно мала,
Словно бы только заделом
Будущей жизни была.

РУССКАЯ ПРОЗА

Потеплело на исходе марта,
Грач гуляет посреди двора.
«Письма из деревни» Энгельгардта,
Думаю, перечитать пора.
Хоть про харч, хоть про льняное мяло —
Вновь мила родная глухомань!..
Времени совсем осталось мало,
Но хочу перечитать «Тамань».
После перейти к «Хаджи-Мурату»,
Чтоб не сдаться, чтобы как-нибудь
Горькую перетерпеть утрату,
Ватой бок простреленный заткнуть.

2008

Что ты знаешь, душа пожилая,
На стекло устремившийся стриж?
И, уже ничего не желая,
Над пустеющим прошлым летишь...

Что ты чувствуешь, что ищешь вслепую,
Проникая во все времена,
Удаляясь в эпоху любую
Из минутного смертного сна?

И уже изумляешься плену,
Тяготишься увиденным ты,
Ударяясь в незримую стену
Всем упорством своей слепоты.

2009

КЛЮЕВ

В одной стране, отдельно взятой,
Где среди затерянных земель
Взывала дудка азиата
И пела русская свирель,
Явиться со своим уставом
В столицах, призрачных, как дым,
Певцом и странником лукавым,
И многогрешным, и святым.
Познавши всё, противясь тлену,
Не в силах Ницше перечесть
И земно кланяясь Верлену,
Стоглав и Палех предпочесть.
Словами, давними, как Рюрик,
Насытить ту цветную ткань,
Где веет сутеменью сурик
И плещет зеленью елань.
Мечты Ирана и Китая
Сроднить с околицей села,
Меж тем, как жатва золотая,
Как чаша смертная пошла.
Но до последнего предела,
Где неминучий вскинут меч,
Еще душа не оскудела,
Не умерла родная речь...

Какая жизнь, какая участь —
Её моря рассечь веслом,
Её цветущую певучесть
Облечь в кладбищенский псалом!
Брести к небесному притину,
Одолевая песней страх,
Рядя писанья в пестрядину
Крестьянских стираемых рубах.

2012

ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА

Е.Евтушенко

Перфильев, деревенский дядя,
Не стар, но выщерблен и сед,
Ружьишко ветхое наладя,
Чирков добыл нам на обед.
За стопкой стопка. Будто рану
Приобнажая, стал он пьян.
О власти говорил он спьяну
И грубо хаял горожан.
В сиротстве мать росла когда-то
Вон тут и лет как будто в шесть
Мечтала: «Стану я богата,
Одну картошку буду есть!»
Пожалуй, были ей не рады.
И не простить, как ты ни взвесь,
Что жизнь за вычетом блокады
Прошла привольнее, чем здесь.
Мы вышли, не промедлив часа.
Чуть-чуть осенним воздух был
И запах яблочного Спаса
Слегка печалил и пьянил.
Мы долго ехали в телеге,
Колосья гнулись до земли,
И в учащающемся беге
Большие годы протекли.

Лишь в дреме чудится устало
Подлесок в траченной парче,
Иль вспомню вновь, как мать рыдала
У старой тетки на плече.

2012

Всё леденит летейская струя!
Уж столько раз тяжелый грянул вал,
Перекипев на берегу, где я
Нашел любовь и тотчас потерял.

Застроено давно полукольцо,
Везде ограды, виллы, катера.
Но странно: забывается лицо,
Хоть было всё как будто бы вчера.

Лишь тень, усмешки вздернутая бровь,
Походки ветер, узкая рука...
Но точных черт не требует любовь,
Её предмет течет, как облака.

2012

А там, средь гор хазарских Карачая,
У быстрой, нераздумчивой воды,
Свои плоды роняя, и дичая,
Стоят аулов брошенных сады.

Сады, сады... Но у стремнины пенной
Немногие остались деревца...
Циклопами воздвигнутые стены
Всё в ожиданье гостя и гонца.

То глянешь в небо, средь развалин стоя,—
На сонмы душ в потоке облаков,
То яблочко поднимешь, налитое
Тягучей болью странствий и веков.

2013

ЯКУБ

Он убивал молниеносно,
Бил, как учили, наповал.
Спортзал, Филевский храм и сосны
Среди песков припоминал.

В Кашгар, в Турфан по взгорьям бурым
И голубым солончакам
Он шёл и был тогда уйгуром,
И в дальний вслушивался гам.

О молодость и сил избыток!
Китайцы, лозунги крича,
Вступали в скопища кибиток,
Где клокотала таранча*.

Когда же на больших дорогах
Осела пыль, явилась высь,
Он был оставлен при отрогах,
Где две империи сошлись.

И жизнь в тяньшаньском городишке,
Где горы омывала мгла,
Давалась только для отдышки,
Служебным отпуском была.

И жизнь прошла. Как смерч в пустыне,
Кругом гулял имперский прах.
Лишь снилась рация в хурджине,
Юани в связках, труп в горах...

Зачем-то в сумерках свободы,
Грядущих войн, лихих утрат
Меня пронзает и сквозь годы
Его кинжально-острый взгляд.

2013

*Таранча – старое название тюркского населения Синьцзяна, уйгуров.

ЕРИК

Стоит в рукаве разделенной реки
Заиленный сумрак веками,
Лишь смутно порою мелькнут плавники
И двинет вода тростниками.

Однажды запруду волна прорвала,
Теперь-то покинуть могли бы
Унылую заводь, где копится мгла,
Дышавшие супесью рыбы.

Но как-то привычней томительный ил
Для них, невзлюбивших свободу.
Никто бы ни выжил, когда бы заплыл
В убийственно-чистую воду.

2013

ЕЛЕНА

Шла через лес, наклоняясь и плача,
Снегом умывшись, бежала и шла.
Чья-то дремучая брезжила дача,
В соснах светилась и веяла мгла.

Стыла дорога сквозь слёзы к оврагу,
Где подо льдом цепенела вода,
И, отвечая поспешному шагу,
Сосны шумели и мчались года.

Путь выводил по скрипучему снегу
К чаю горячему и – в пустоту,
К браку, ребенку, а после – к побегу,
К пышному ранчо и Ницце в цвету.

В гул вернисажей, к огням, Голливуду,
К стрекоту камер, пыланью под блиц.
Словно торнадо, летел отовсюду
Радостный вихрь набегающих лиц.

Здесь же – струение снега и дыма,
В соснах сиянье, в груди колотьё.
Каркают птицы. Тропа невредима...
Не позабыть эти слёзы её.

2013

ДРЕЗДЕН

Л.Руденко

О, Дрезден, королевц древний,
Дрозда славянского гнездовье,
Ты ведал гул железных певней
И на руинах горе вдовье!

Теперь орган сменяют суры,
И утекают постепенно
С улыбкой фройляйн белокурой
Речная зыбь, пивная пена.

Как будто просится на отдых
И тонет дряхлая Европа
В своих грехах и сточных водах,
Вся - ожидание Потопа.

Так небеса сегодня серы,
Как будто выцвели, старея.
Так мало здесь осталось веры,
И – только в этой галерее!

Там веет высью голубою
И синева твоя бездонна,
Покуда твёрдою стопою
Стоит на облаке Мадонна.

2013

БАТУМИ

Проходят волны в ровном шуме,
Вдруг пробуждается душа...
Гречанка старая в Батуми
Так благородно хороша.

Из лоджии, плющом увитой,
В своё минувшее глядит...
Отец, в урочище убитый,
У церкви греческой зарыт.

Сказать решившийся, что слабо
Прикрытье западных рокад,
Стратег бессонного Генштаба,
Грузовиком задавлен брат.

Ей снятся предки-мореходы,
Но внятен плеск понтийских вод,
И внук её чернобородый
Однажды в море уплывёт.

Что в этих судьбах мне! Не знаю...
Но вижу кружево перил
И листьев реющую стаю.
Нас только возраст разделил.

Как в Грецию уходят греки
Из говорливой пустоты,
Уходит прошлое навеки,
Горят и плаваются черты.

Вот, словно в беглом коридоре,
Столкнулись жизни и прошли,
И лишь немолкнущее море
Бурлит, как молодость, вдали.

2013

ДРЕВНИЙ МОТИВ

*Буи, чуи Мулиён ояд хамо...
Рудаки*

Вот поёт, поёт, поёт, поёт вода
И зовёт, зовёт, зовёт меня туда.

Вновь беснуются под струнами тоски
Белорунные бурунные стада.

Вот уж вижу хорезмийские пески
И за ними кишлаки и города.

И всё ближе поселений огоньки,
На рассвете серебристая джидда.

И мгновения становятся близки
Оттого, что удаляются года.

2013

НАЧАЛО

В этом сне я хотел бы остаться,
Но с ворчаньем, как вечность, меня
Поднимает рука домочадца
Для какого-то нового дня.

Там не слышно шумящего сада
И не будет уже никогда
Этой улочки Джалал-Абада,
Где арычная пела вода.

И, покуда спрягались глаголы
И поодаль гудел комузчи,
Прямо в окна открытые школы
Залетали жуки-рогачи.

Я учился, не слыша урока,
И молчал, собирая слова,
И текла, и высоко, высоко
Открывалась глазам синева.

И от первой влюблённости жгучей
Всё звенело, мерцало, цвело,
И под облаком, полным созвучий,
Поворачивал беркут крыло.

2013

ПАМЯТИ ГУЛЬСАРЫ

Вижу бабу твою сарт-калмычку,
Твердый посох, высокий треух,
Слышу дряхлых старух переключку,
Чую древнего стойбища дух.

Было ведомо бабкам понурим,
Чей мерцающий дух умудрен,
Что внимало то сутрам, то сурам
Это племя во мраке времен.

Так ушла далеко от него ты,
Что забыла и войлочный кров
И покорные круговороты
Многогромных, крутых табунов.

Но когда от земли уходила,
Вся истаяла в смертном жару,
Повевали крыла Джибраила,
Приносившие мать и сестру.

Тут стихали старух пересуды.
И, привстав на кошме голубой,
Золотые бесчисленные будды,
Улыбаясь, текли над тобой.

2012

ЗМЕИ

Много змей водяных было в жёлтой реке.
Я не ведал об этом, и вдруг
Посредине теченья, сперва вдалеке,
Их головки возникли вокруг.

Вот уж близко досужую вижу змею,
Вот исчезла, взглянув тяжело...
Что же юность вело и хранило мою,
Для чего-то меня берегло?

Столько раз погружаешься в старые сны,
Постигая, что всё наяву...
Вновь и вновь посреди ледяной желтизны
Надо плыть – я плыву и плыву.

2013

УР

Шестьдесят три метра – древность Ура,
Равен веку метр в земле сухой...
Вот феллахи после перекура
Раскопали и последний слой.

Там, внизу, в шестидесятом круге,-
Женский череп в золотом венце,
И лежат придворные и слуги,
Прахом породненные в конце.

Много выше, и на середине,
Где раскопки были нележки, –
Слой Потопа - и в лиловой глине –
Остовы ковчегов и куски.

То, что рынком было, или храмом,
Покрывают пыли вороха...
Вот – божков, разбитых Авраамом,
Розовая, грубая труха.

Ничего под пеплом не поблекло,
Медленно является на свет,
Поднимаясь в нынешнее пекло
С клинописью глиняных галет.

... Так в душе копаюсь я упорно,
Узнавая облик и число,
Вырывая черепки и зерна
Из всего, что жизнью нанесло.

2013

СОН

Никогда не кончается каменный сон
В мировой пустоте золотой,
И танцовщица мечется между колонн
И сливается с этой и с той.

Это льются небесного Ганга струи,
Это струны ситара снуют,
Это длятся несметные жизни мои,
Обретая минутный приют.

Снова пляшущий идол, безумен и гол,
Налетит на студёную Русь...
Уходя от себя, далеко я забрёл,
И не знаю, когда я вернусь.

2013

ФЛОРА

Всё постыло совокупно,
Всюду сделалось давно
Сокровенное доступно,
Благородное смешно.

Но осталась мне отрада
Выше сладостей и нег –
Слабый листик винограда,
Тонкий ивовый побег.

Вижу я – забыть не в силах –
Светоч вишни детских лет
И опавший на могилах
Нежной жимолости цвет.

Что же стоят наши споры!
Жизнь мила и в поздний час
Перед входом в царство флоры,
Принимающее нас.

2013

АРЫК

Все будут жить, старея постепенно,
Меня припоминая иногда.
Но я о том, как благодатна пена,
Как хороша бегущая вода!

Сбивая с ног, меня уже сносило
Туда, где проплывают облака,
Но вдруг спасла неистовая сила,
Схватила материнская рука.

А мельница ходила водяная
И тупо грохотали жернова...
Старели б вы, меня совсем не зная,
Но прожил жизнь и ухожу в слова.

2013

МОНГОЛИЯ

Виктору Гофману

– Монголия, как темный морок,
Как дрёма в долгом переезде –
В зубах драконьих каждый взгорок,
И - зоркий лёд твоих созвездий.

Твои лошадки, в легком беге
Топтавшие века и страны,
Твоя трава в прозрачном снеге,
Как тайна зыбкая нирваны.

Твои шатры, твои верблюды
С младенцами среди поклажи,
Рождённые улыбкой Будды
Несокрушимые миражи.

Сонливый путь по сопкам лысым
Туда, где чащи всё угрюмей,
И чаша тяжкая с кумысом,
Глубоких полная раздумий.

Взывают хрипло трубы храма,
Знакомые всплывают лица,
И в Шамбалу ушедший лама
Ко мне однажды возвратится.

И наконец порвутся нити
И упадут оковы плена,
И я очнусь ребёнком в свите
Последнего богдогэгэна.

2013

СКРИПАЧ

Благовонный, чистый, зыбкий
Льется воздух кишлака,
И играет мне на скрипке
Комиссованный зэка.

Вторя горю и веселью,
Усмиря детский плач,
Над моею колыбелью
Вспомнил Моцарта скрипач...

Он еще освободится
И забудет этот край,
Но в оттаявшей столице
Всё приснится невзначай.

Эти зябнущие горы
У казённого двора,
Эти ссыльные и воры,
Пот и пыль и мошкара.

Где река берёт в объятья
И в объятьях крепнешь ты,
И цепляются за платье
Незабвенные цветы.

2014

ПЫЛЬ

Нет, не постичь, зачем судьба так рано
Дала мне воздух Азии вдохнуть
И указала в сторону Корана
Какой-то пыльный и блаженный путь.

Сквозь эту пыль я вижу всё на свете,
На Западе мне чудится Восток,
Кричат его бесчисленные дети,
И в этом гаме я не одинок.

Земля одна, и в мире всё едино,
И родины не знают облака...
Но мне милее ослик Насреддина,
Цветущий персик, лепет арыка.

Там скудной жизни каждая минута
В молитве прославляется не раз...
И снова мать мне снится, почему-то
Воззвавшая к Аллаху в смертный час.

2014

СНЕГ

Что белеет, бурлит, серебрится?
Это снег всё летит и летит
На почти незабвенные лица,
На непрочный саман и гранит.

Это в детстве моём двуедином
Закипает мираж снеговой -
То подходит к тяньшаньским вершинам,
То бушует над стылой Невой.

Стольких судеб хранитель последний,
Там, где выюга легка и свежа,
Я стою средь преданий и бредней,
Материнскую руку держа.

Трону изморозь жизни усталой,
Чтобы снова пошёл невпопад,
Вырываясь из повести талой,
Возвращающий всех снегопад.

2015

ЧУКОТКА

Фактория на Чукотке,
Суровые рубежи,
Матросов ночные ходки
И сумрачные моржи.

Лишь в августе снег растает,
Но оттепель недолга,
И снова снега взметаает,
Гуляет в полях пурга.

Но в чуме, где лица плоски
И вечно грязны тела,
Дочь зека и эскимоски
Нечаянно расцвела.

Уехала в город южный
И, юность смутив мою,
Рассыпала смех жемчужный
В томимом жарой краю...

Любившую душ горячий
Четырнадцать раз на дню,
Я в памяти зыбкой прячу
И в сердце своём храню.

Мне чудится снег Чукотки...
Младенцу толкают в рот
То грудь, то бутылку водки
Родильницы тех широт.

Похмельного чукчи ласки,
Во льду пограничный пост,
Далёкий туман Аляски
И ясность полярных звезд.

Грохочут шаманов бубны
Средь девственной черноты,
И, крик издавая трубный,
Кончают с собой киты.

2013

ДИРИЖЕР

Калмыцкий чай и водка, и Вивальди...
С горячей вьюгой мчащихся времён,
И в скрипаче изверившись и в альте,
На улицу он вышел, опьянён.

Ещё дыша оркестра перекличкой
И партитуру мысленно деля,
Он по пятам за молодой калмычкой
Пошёл от астраханского кремля.

Жара спадала, появились тени...
Но тут красotka, вынырнув из рук,
Взошла на воздух с лестничной ступени
И старой ведьмой оказалась вдруг.

Движением одним неуследимым,
Ещё зрачком улыбчиво кося,
Она взвилась внезапно чёрным дымом
И в зыбкий сумрак превратилась вся.

Чтоб жизнь спустя в капелле Ватикана
Под гул органной медленной игры,
Закрыв глаза, он вспомнил бездыханно
Калмыцкой степи маки и шатры.

2014

СЛАВЯНСКОЕ

Выплывала вила-водяница
В лунный свет из глубины Дуная,
Говорила, что давно томится,
И слабеет сила водяная.

Где он бродит, юноша влюблённый?
Не слышать пастушеской свирели,
Лишь под ветром плещет лист зелёный,
И костры цыганские сгорели.

Только длится дальняя дорога
По гаданью вещему цыганки
В той степи языческой Стрибога,
Где метались танки и тачанки.

Над рекою тянутся туманы,
И приходят греки и варяги.
Печенеги скачут и османы,
Поднимают бунчуки и стяги.

Стынет в шахтах угольная лава,
Дальний гром колышет землю нашу,
И желтеет череп Святослава,
Превращённый в жертвенную чашу.

2014

СУКОННЫЕ ШЛЕМЫ

В алых звездах суконные шлемы,
Сшили вас при последнем царе...
Вы явились и вышли из темы
На такой же багряной заре.

Но царям вы уже не приснитесь,
Ибо принял былинный багрец
Не славянский изысканный витязь —
Мирового пожара боец.

И дорога к морям и Карпатам.
К солнцу правды, к утратам друзей,
К иисусам сурово-распятым
Не в цейнгауз вела, а в музей.

Эти шапки в прожогах, в прострелах,
В темных пятнах кровавой струи...
Столько скошено пулями белых!
Остальных дострелили свои.

Оператор, заданием гордый,
Снял, как рвутся и жаждут реки
Разъяренные конские морды,
Воспаленные веком полки

Как сквозь армии, замки, обозы,
Растекаясь по нищей стране.
К смутным призракам Карла и Розы
Мчитесь вы в орудийном огне.

2014

ОРДА

На Большой и на Малой Ордынке,
На Полянке, но больше нигде,
Под асфальтом, в глубоком суглинке
Скрыта повесть о старой Орде.

Обозначен деньгой и подковой,
Захоронен в глубинах молвы
Этот путь роковой, трехвековой
За серебряной данью Москвы.

Где ордынских послов малахαι
И ногайских коней чепраки?
Но встают купола, полыхая
Над теченьем московской реки.

И тверда, как монгольское слово,
Ты, моя Золотая Орда,
Ты себя истребляешь сурово
И не веришь слезам никогда!

2014

ПАМЯТИ МАРТЫНОВА

Так много лет для этой магистрали
От сопки к сопке, от моста к мосту
Всё корчевали, гатили, взрывали
И жгли костры, вгрызаясь в мерзлоту.

Чтобы по рельсам, сизым от натуги,
Прошли теплушки и товарняки,
Чтобы тифозный в застигийской вьюге
Летел на штурм, рассудку вопреки.

То эшелона долгий отголосок,
То стонущий столыпин в свой черёд,
Где арестанты слизывали с досок,
Томясь от жажды, очерствелый лёд.

Что ни увидишь в предрассветной сони!..
Давным-давно на Вострякове спит
Весенним днём родившийся в вагоне
Путейца сын, суровый Леонид.

Мне без него сегодня одиноко,
Он далеко – попробуй, нагони
Электровоза мчащееся око,
В немую тьму бегущие огни!

2014

ТУРЕЦКОЕ

Пляшут в Сербии коло на горном лугу,
Горький топот прощания гулок и нем,
Долгим эхом откликнулись горы в снегу,
Красных девок уводят в султанский гарем.

Не тебе ли играл на свирели пастух,
Чуть с кувшином, стройна, ты ходила к реке?
Но твоей красоте перехватывать дух
У владыки владык суждено вдалеке.

Или хутор зажгут в украинской степи,
И арканом тебя захлестнут второпях,
И, как вьюк, повезут... О, не плачь, потерпи!
Лишь начало пути – в этих буйных степях.

Этот конь и петля – не противься судьбе! –
Чтобы ты властелина для них родила.
И найдётся поэт, чтобы весть о тебе
Через сердце столетий прошла, как стрела.

2014

ЛИХОРАДКА

Всё же лучше всего лихорадка
От внезапной, как музыки звук,
И продлившейся долго иль кратко
Бурной повести встреч и разлук.

Безрассудное, полное бредней
И бросавшее в холод и в зной
Время первой любви и последней,
Оказавшихся всё же одной.

Перед ней, непостижной доньне,
Словно тайный недуг и талант,
Обрывает струну Паганини,
Умолкает растерянный Кант.

2014

СОМНАМБУЛЫ

Когда в ночных заливах и затонах
Плывет и тонет полная луна,
Мне чудятся сомнамбул хоры сонных,
Душа небесным холодом полна.

Жизнь в них стоит, как влага во флаконах...
Вот по карнизу шествует одна
И знать не хочет о земных законах,
И – в сон идет, не прерывая сна.

И сладостно под легким блеском лунным
К неведомым селеновым лагунам
Брести за наважденьем в поводу,

И пробужденье – горькая утрата...
Не так ли я во сне ходил когда-то?
И, может быть, ещё сейчас иду.

2014

ВОСТОК

Желтый месяц, тяжелый, как джонка,
В бесконечной какой-то ночи,
Чья-то песня над плачем ребенка
И на призрачных стенах лучи.

Утром – храмы и гомон базара,
Вновь продолжится повести свод...
Злая ревность царя Шахрияра
Неизвестно куда заведет.

Мой персидский, тибетский, кавказский,
Кохинхинский, индийский Восток!
Отчего-то закончились сказки,
Или вышел рассказчице срок.

Вот не стало привычной отрады
И не страшно измены ничьей,
И остались у Шахерезады
Только дети от многих ночей.

2014

Поплыть ли наконец по свету,
Увидеть сызнова Бенгал
И у менял найти монету,
Что в прошлой жизни утерял?

Надтреснутая амальгама
Вдруг вспыхнет в лавке при дверях,
Чтоб отразились в ней Да Гама
И заблудившийся тверяк.

Всё те же боги смотрят с воза
На мчащиеся времена,
Всё так же отрочества грёза
Неугасима и сильна.

И смутным веяньем муссона
Мои дела осенены,
И в полусне рука бессонно
Большой касается волны.

2014

НИКЕ САМОФРАКИЙСКАЯ

Отчего ты воздвиглась над входом в музей?
Чтобы сделать ненужным его.
После крыльев твоих там, на что ни глазей,
Всё обыденно или мертво.

В этих мраморных складках небрежных одежд
Дремлет ветер победы всегда.
Ты спасала, случалось, лишенных надежд,
Искалечена, зла и тверда.

Марафон, накрывая неистовством крыл,
Озарила твоя белизна,
Но и пепел крушенья, и прах Фермопил
Осенила незримо она.

Вдруг покажется, прожита жизнь до конца,
Но почудится блеск впереди...
Пораженьё моё, как и ты, без лица,
Но твой жар не остынет в груди!

2014

АНТИЧНЫЙ ТЕАТР

Турецкий городок старинный.
Всего приметней и древней
Театра мощные руины,
Густое скопище камней.

Не воскрешенья Антигона,
Лишь погребенья у судеб
Молила здесь, вбежав с разгона
И в гуще лиц узрев Эреб.

Как всё же гибельна Эллада!
Игра страстей её сожгла...
Как нежит смертная прохлада
Её прекрасные тела!

Сам в призрачном античном хоре
Стою и слышу долгий вой –
И Ионическое море
Рыдает за моей спиной.

2014

ПОМПЕЯ

Мрамор тёмен и задымлен,
Но в золе ещё сохранны
Скудный быт и роскошь римлян,
Их курортные романы.

В едком прахе, злом и тихом,
Гомон цирка, полдень виллы,
Где рабов кормили жмыхом
И не слышали сивиллы.

Так, доверившись фортуне
И любуясь дивным морем.
Изверженья накануне
Тяжбы мы ведём и спорим.

И незримый скроет пеплум
Всё, что, рухнув бездыханно,
Пролежит в обнимку с пеплом,
Ожидая Винкельмана.

Жизни мелкие события
Быстротечной и лукавой
И любовников соитья,
Продлеваемые лавой.

2014

АНТИЧНОЕ

Полети над волной, гальциона,
Устремляясь вослед кораблю,
Чтобы, вздрогнув от визга и стона,
Все вернулись, кого я люблю!

Самой лучшей уж нет половины,
Только видишь, блуждая в былом,
Как бегут водяные лавины
Под твоим быстролётным крылом.

Но еще не совсем онемело
Время странствий и горьких обид,
Если в роще поёт Филомела
И Психея в неволе скорбит.

Если снова черты Евридики
Я в лице Мнемозины обрёл
И друзей незабвенные лики
В сновиденье приносит Эол.

2015

ИЗ РОМАНА

Постарел этот маленький Моцарт,
Полной чашей испивший до дна
И вино этой жизни и оцет,
И сожгла рыжину седина.

Возвращённый Парижу и Вене,
Средь концертных сияющих зал,
Он из всех незабвенных мгновений
Постоянно одно возвращал.

Только утро прощальных гастролей,
Пробужденье на сизой заре
Там, где воздух пронизан неволей,
На глухом постоялом дворе.

Где какая-то скрытная сила,
Непостижная тюркская мгла,
Расставаясь, его сохранила
И в мелькнувших годах сберегла.

Всё из памяти начисто вымой,
Всё равно эти горы тверды,
Долог зов азиатки любимой
Сквозь журчанье арычной воды.

2015

КЕМИН

Там, где медлительный Кемин
Вдруг убыстряет бег
И всхолмий охра и кармин
Впадают в талый снег,

Где ледовитая волна
Качает берега,
Жила волшебница одна,
Косматая карга.

В потоке пролетевших лет
Я вижу только тьму
И этот вещий лунный свет,
Упавший на кошму.

Но и сияние и мгла
Сплелись, как плач и смех
Той, что красавицей была
Наказанной за грех.

И в час ночной в глухом краю
Препоручила мне
Всю переменчивость свою
И верность быстрине.

2015

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Её душа туманно-самоцветная,
Как слабо отшлифованный алмаз,
То огненная, то едва заметная,
Моей души касалась много раз.

И подарила облака с барханами,
Песчаных родословий череду
И эту степь с путями караванными,
Что пройдены в дремоте и в бреду.

Всё, что в степи жужжало и елозило,
В седло садилось и кочевья жгло,
Блужданий жажду и зеркальность озера,
И вольной птицы лёгкое крыло...

И нет её... И облик стал туманнее,
Но и сейчас из вещей темноты
Мне издали всё шлёт своё сияние,
Приобретая новые черты.

2014

Любовью легкой и нетленной
Ты в беге лет осенена,
Ни увяданьем, ни изменой
Не отягчается она.

Совместной жизни злая ноша
Нас не пригнула до земли,
И ветер, волосы ероша,
Колышет в море корабли.

Они плывут к тебе с востока,
И путеводная звезда
Мерцает в небе так далёко
И потому со мной всегда.

2014

РЕКА

Извивы твои, изгибы
Увидел я вновь, река.
Клокочущей влаги глыбы
Ты гонишь издалека.

Так дышишь, толкая воды,
Что чудится, ты – во мне.
И что эти дни и годы,
Бегущие по волне!

Не важно уже, откуда,
Уже всё равно, куда,
Но кто – я, и что за чудо
Уносит твоя вода?

2015

Когда очнёшься, больше не внимая
Всему, что жизнь с годами наплела,
Вблизи возникнет музыка немая,
Как ясный день, спокойна и светла.

Ты знаешь сам, как редки дни такие,
И жадно пьёшь, мгновеньем дорожа,
Забывтый звук нездешней литургии,
И вновь душа невинна и свежа.

Как далеки всегдашние заботы!
Без них судьба сбывается твоя,
Блаженствует, пройдя водовороты,
Ликует в жилах лёгкая струя.

Иное пенье в этот час постыло,
С тобой осталась в странствии твоём
Лишь эта песнь, что всё в себя вместила,
Отозвалась нечаянно во всём.

2014

ПЕРСИДСКИЙ ПОЭТ

Запаршиветь в подземной темнице
И однажды по воле царька
Вновь явиться, в парчу облачиться
И прославить его на века.

Будут дети, жена молодая,
И шербет и деревья в цвету...
Снова солнце увидеть, рыдая,
И родную воспеть черноту!

Через тесное тысячелетье
Пронесут этот свиток в печать...
Вновь сменить аксамит на веретье,
На чужом языке прозвучать!

Задохнётся от горестных строчек
И твою зарифмует беду
Многопьющий поэт-переводчик,
Вспоминающий Караганду.

2016

ТАШКЕНТ

На вечном солнцепёке
Моих далёких лет,
На том родном Востоке,
Какого больше нет,

Какое-то начало
Судьба в один момент
Всегда обозначала
Поездками в Ташкент.

И звёзды, полыхая,
Всё к одному свели –
Рассвет в цветенье мая,
Июльский день в пыли.

Сплелись, как зыбь узора,
И зимы и лета,
Слились вода Анхора
И платьев пестрота.

И прах его раскопок,
И под раскаты труб
В него вступавший хлопок,
И всех эпох заруб.

И жар прикосновенья
Девичьих смуглых рук,
И гул землетрясения,
И поцелуя звук.

2016

СТАРУХА-ТАРАНЧИНКА

Говорила, что прадед был чола-казак
И не знала, что, хану подарен,
Был он сгинувший после калмыцких атак
Русский беглый солдат, иль татарин.

И, гордясь заповедной своей таранчой,
Там, где голые торсы блеснули,
В тихом бешенстве «белой» звала «саранчой»
Отдыхающих на Иссык-Куле.

И цветут берега, да уже и везде
Осквернённые суетной речью.
Но и внучка в священной купалась воде
И плыла чужеземцу навстречу.

Ах, пропал этот мир таранчи, джугары,
Жизни, в огненном тающей мраке,
В ночь, когда зажигали степные костры
Молчаливые чола-казаки!

2016

ВОЛК

Волк спешит уйти по снегу
И, покуда не ослаб,
На следы летит с разбегу
Тот же снег от задних лап.

Так отметины учёбы
Не привяжутся к письму,
Если путь нашёл особый
И не должен никому.

Если сам находишь в слове
И добычу и приют.
Разве только капли крови
Общий жребий выдают.

2016

От пращуров сберёг поныне
Долготерпенье и полынь,
От предков злость степной рабыни,
От праотцев тоску пустынь.

От деда хмурое упорство
И с властью вечную вражду,
А от другого прожектёрство,
Бесцельных странствий череду.

Ещё пришли в одной охапке
И вот сцепились до конца
Безумье гневное от бабки
И разум грустный от отца.

Шальной от ветра прибылого
Ракиты придорожный куст
И не истёршееся слово
Из материнских строгих уст.

2016

СТЕКЛО

Железо, что от крови крепло,
В столетья ржавчиной стекло,
Но вдруг сохранно в гудах пепла
Империй хрупкое стекло.

Под солнцем огненным пустыни
Я сам когда-то в руки брал
И пузырек зелёно-синий
И золотящийся фиал.

Их целость – полная нелепость.
Ну, вот и прерван их покой...
Чем создавалась эта крепость?
Как я для слов хочу такой!

Что вести о страстях, обидах
В стихотворение вошли,
Как стеклодува долгий выдох
С огнём и горечью земли.

2016

ПЫЛЬ

Пыль клубится и тает,
Возникая вокруг,
Надо мною витает,
Вырываясь из рук.

Побежав за машиной
И пойдя наравне,
Из туманности длинной
Возвратилась ко мне.

Это я возвратился,
Оттого, что я с ней
Незаметно сроднился
С незапамятных дней.

Это прах от наследства,
И удушья не снести,
Это веянье детства
И от матери весть.

Лепестка легковесней
И, как смерч, тяжела,
Колыбельная песня,
Изначальная мгла.

То в бушующей силе,
То нежна и мягка,
Стала тучею пыли,
Протекла сквозь века.

2016

Не столь уж пустынна пустыня твоя,
И встретишь нежданно
В глуши, где песчаная льётся струя,
Орла и варана.

Уже, осыпаясь, отцвёл бересклет,
Но чудится – близко
Бежит, розовея, из прожитых лет
Волна тамариска.

Ещё возникают бывлые места,
Забывтые лица,
Ещё не настолько пуста пустота,
Чтоб снова родиться.

2016

ГОБИ

Являя в тысячах подобий
Дворцы, озёра, города,
Стоял мираж в пустыне Гоби,
Не уходивший никогда.

Но этот штиль на Море Жёлтом
И Средиземья синеву,
И степь я знал, и плыл и шёл там,
Я это видел наяву.

Ни славы гул, ни блеск престола
Не привлекли меня, о, нет —
Лишь дивной жизнью Марко Поло
Я зачарован с детских лет.

И, если далека нирвана, —
Пусть повторится много раз,
Пустыня с цепью каравана,
Как неисчерпанный рассказ.

2015

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

САКЕН СЕЙФУЛЛИН

ПЕРЕКОЧЕВКА НА ДЖАЙЛЯУ

Когда аулы спешат откочевать на джайляу,
В ранний рассветный час, когда небосклон поблек,
Всё засуетится, работа пойдет на славу,
И вот уже понемногу розовеет восток.

Согнанные табуны злобно храпят и топочут.
Ловить коней с уздечками ринулся стар и мал.
Кто-то вскочит в седло, а кто-то бурдюк приторочит,
А кто-то уже и скачет, миновав перевал.

Кобылица необъезженная и молодая
Встает на дыбы. У наездника много забот.
И девушек верховых молниеносная стая
Съехалась и разлетелась, резко рванулась вперед.

Иные джигиты испытывают иноходцев,
Стремительных юношей радостно мчится отряд.
За возгласом — возглас, просторов ликующий отзыв...
И перья тюрбанов, и шарфы по ветру летят.

Аксакалы в пути. На лошадях годовалых
Подростки гонят стада к месту привала и сна.
В зеленых просторах, в закатах малиново-алых
Сольются небесная синь и шатров белизна.

Черными тучами с табунным рокочущим гулом
Задвигутся к водопою полчища тучных стад.
Желтые самовары растоплены саксаулом,
Напряжены арканы, стерегущие жеребят.

Только назавтра съезжаются аулы к аулам,
Празднуют лето, раздолье, пируют, гостят.

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

Край казахский, родной! Мне тебя позабыть не дано
И разлука с тобой, словно камень на сердце, тяжка.
Я вздохну о тебе, вот и сердце мое сожжено,
Тело сохнет в жару, а в душе поселилась тоска!

Край казахский родной, снова слышу я шум камышей
Над озерной волной. В них приют отдыхающих птиц.
И мальчишки плывут, ухватясь за хвосты лошадей
И тростник шевелят, шарят в поисках свежих яиц.

Что за радость была на зеленых весенних лугах,
Где цветут у подножья высоких шатров,
Что за птицы поит на изогнутых гибких ветвях,
Что за песни звучат у пастушеских шумных костров!

Край родимый, степной, мне тебя позабыть не дано.
От безмерной печали пылая и кровотока,
Задохнется душа, вот и сердце моё сожжено,
И от горечи сердца кипящая кровь горяча.

Если даже засну, ты приснишься мне, край мой родной.
А проснусь, о тебе мне напомнит в утренний свет,
Никогда, никогда не искал я разлуке с тобой,
Но исполнить не смог самый давний и крепкий обет.

ЛЕТОМ В СТЕПИ

Разливается юный простор
Пряным запахом яростных трав,
Летней степи зеленый ковер
В переливах цветов разостлав.

Необъятная ее ширина,
Мне открывшаяся опять.
И простерла объятья она,
Как ребенку родимая мать.

Словно вышиты шелком шелка
Дорогих травяных одеял.
Я, вернувшийся издалека,
К материнскому лону припал.

Прядью шелковой пышных волос
Я поигрываю, как дитя.
Станы гибких, изогнутых лоз
Выпрямляю, ломаю шутя.

Норовит оцарапать осот,
Прицепился росток травяной.
Распахнувшийся ворот мне рвет
Свежий ветер, кумысный настой.

А сквозняк, невесом, шелковист,
Шелестит, мягко дышит в траве,
Теребит заблудившийся лист,
Гладит ласково по голове.

Расстелится цветущий бурьян
Перекатом бушующих волн.
Я ликующим запахом пьян,
Всеохватною силою полн.

Дребезжащая, словно кобыз,
Песня пчел зажужжала слегка.
Стая бабочек вверх или вниз
Покатилась, вспорхнула с цветка.

Как в легенде Меджнун и Лейла,
Влюблены мотылек и цветок.
Разноцветным узором крыла
Драгоценный укрыт лепесток.

И тюльпаны румяной толпой,
Как ревнивые жены, сошлись,
Пошептались между собой
И потупили взоры, сплелись.

И разносится радостные смех:
Мотылек, позабывший мечту,
Словно мальчик, влюбленный во всех,
Дарит всем поцелуй на лету.

Под шатровой сплошной синевой
Я лежу на кошме луговой.
В городах я томился тоской
По земле первозданной, степной.

В русле памяти вновь — ледоход,
Словно льдины друг друга теснят...

Вот я вижу — на пастбище скот,
Вот привал отдыхающих стад.

Тихо, тихо над гладью степной.
Солнце встало в зените над ней.
И ничто не тревожит покой
Отдыхающих в полдень степей.

Одиноко над степью плывет
Солнца жаркого пышущий зной.
И пастух одиноко бредет,
Молча доит овцу за овцой.

Тесно сдвинуты, сбиты гурты,
Жарко дышит, сбивается с ног
Шевелящийся край темноты,
Где пастуший горит огонек.

Жить подпаску в степи нелегко.
И пока огонек не погас,
Варит мальчик себе молоко
По обряду степей — корыктас.

Еле тлеет костер перед ним,
И кизячные кучи трещат,
Чуть струится медлительный дым,
Цепенеет удушливый чад.

Губы мальчика ветер обмел,
По степям он кочует давно,
Он на солнце стоит, полуголл,
Загорелое тело черно.

Шапки нет у него; крупный пот
Утирая со лба кулаком,
В конской коже он степью идет
По кипящей жаре босиком.

В городах, где мы праздно живем, —
Электрический свет до утра...
В одиночестве жалком своем
Этот мальчик не ведал добра.

Вижу — пламя чуть светит вдали,
Вижу бедный обряд корыктас.
Я вскочил, я сорвался с земли,
Разом брызнули слезы из глаз.

«Брат мой бедный, дитя темноты,
Ты в забытой рожден стороне.
Я мечтаю о том, чтобы ты
Встал с ровесниками наравне».

«Не уйдешь! Возвратишься назад!
Подожди! — мне шепнула трава.
А цветы на дороге стоят
И лепечут пустые слова.

Должен я в этот край нищеты
Просвещения свет принести...
Дорогие степные цветы,
Не держите меня на пути!

В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Потемнела овражная падь,
И свежающей почве под стать
Холодеющие небеса,
И горит на вечерней заре
Жемчугами и литом серебре
Осветившая травы роса.
Весь аул собирается спать

И поблескивает изумруд
Самоцветных мерцающих груд
Звезд, усеявших темную синь,
Обежавших степей ширину,
Окруживших большую луну.
Беззаботные звезды пустынь
Невесомое золото льют.

Цвета воронова ли крыла
Тень ветвей по воде проплыла?
Пряди кос распустил, разметал
И пустил по ленивой волне
Куст, застывший в речной быстрине,
И глядит в глубину краснотал,
Что красавица в зеркала.

Вся в огне середина реки.
Тихоструйные воды тяжки.
Протянулся по зеркалу вод
Свет астральный летящей стрелой.
Продвигаются мерно вперед
Угловатые волны гурьбой,
Золотые бегут огоньки.

Эта полночь, как полдень, светла.
Всю подлунную степь обмела
Голубая роса серебром,
Белым светом, атласом луны,
Белым шелком сплошной пелены.
Всё сияет и блещет кругом,
И простор просветлен добела.

Плеск воды отошел в тишину,
Опустился к туманному дну,
Воздух нежен, а влага свежа,
И, немного блаженства полна,
Поплыла над землей тишина,
Над заснувшим аулом кружа.
И вселенную клонит ко сну.

Добрый, храбрый казахский народ
Здесь в степях прибалхашских живет.
Подарила природа ему
Воды чистые, травы в цвету.
Оцени же ее доброту!
Степь тиха. Ходит ночь по холму
И привольный покой стережет.

Одинокая поступь легка.
Укрываясь в тени ивняка,
На свиданье влюбленный идет.
Различая стихающий гул,
Узнает он знакомый аул.
Там белеет далекий намет,
Перед ним пламенеет река.

Он прилег. Но терпения нет.
Встал. Вгляделся в дробящийся свет.
Очи зорко вперил в черноту —
Никого. Ни души, ни огня...
«Может быть, позабыла меня
Иль решила, что я не приду?»
И тревожно шумит бересклет.

Может быть, не проснулась досель,
Столь тепла и воздушна постель?
Упоительно-сладок, горяч
Сон в такую прекрасную ночь...
Но с ресниц удаляется прочь,
Убегает, уносится вскачь
Сновиденья рассеянный хмель.

Эта полночь, как полдень, светла,
Но тоска тебе сердце свела.
Ждешь ты целую вечность, потом
Замечаешь: прошло полчаса.
А пока ты клянешь небеса,
Дорогая покинула дом,
Оглянулась, навстречу пошла.

Ты не медля выходишь вперед,
Словно ястреб, прервавшим полет,
Если селезни видит вдали.
Подаеть ей условленный знак.
Ну а сердце волнуется так,
Словно волны к нему подошли.
Кровь бушует и звонко ноет.

И тебе ожиданья не жаль.
Раскаленная светлая сталь
Обожжет докрасна, дотемна,
И в крови ослепляющим взор
Разведет и потушит костер...
Быстрым шагом подходит она.
Мягко надает жаркая шаль.

Лишь воскликнешь: «Как поздно, опять!»
Ты могла бы по-прежнему спать.
Ухожу! Натерпелся обид...»
А она, ни жива ни мертва,
Второпях растеряла слова.
Только черную шаль теребит
И не в силах себя оправдать.

Шепчет, робко касаясь плеча:
«Не могла отыскать я ключа...»
Но лучи опечаленных глаз
Лучше тысяч незначащих слов.
Ты поверить всегда ей готов,
Так бесхитростен этот рассказ.
Опьяненная кровь горяча.

Поцелуй ядовито-медвян.
Обжигает дыханья туман.
И рассудок, и совесть, и честь
Не смирят своевольную плоть,
И ее не дано побороть,
И трепещущих рук не развесть,
Обнимая изогнутый стан.

Сердце трепетом жизни полно.
Никому на земле не дано
Эту страсть одолеть, превозмочь.
Ты почти не живешь в этот миг
И вершины желаний достиг.
В казахстанскую летнюю ночь
Всё на свете тебе всё равно.

В небе — радостный заговор звезд,
Их задумчивый лепет непрост,
И, моргая, не сходят с постов
Их огни, позабывшие стыд.
И сочувственный шум шелестит —
Разговор низкорослых кустов.
А деревья стоят в полный рост.

Но меж ними доносчиков нет...
Хлынет яростный утренний свет,
Но в беспамятной смене ночей
Эта долгая ночь лишь звено,
И свиданье опять суждено.
Неотривен печальных очей
Соколиный прощальный привет.

Меркнет гурий пленительный круг,
В окружении райских подруг
Так блаженствовать ты бы не смог.
Ведь сейчас ты пожертвовать рад
Для любимой и жизнью стократ.
И полет твоих мыслей высок.
Светел день, зелен утренний луг.

Словно сокол, что взял на лету
Лебедь белую и высоту
Одолел горделивым крылом,
Счастлив ты, и блаженствуешь ты,
И душа на пороге мечты
Запевает... Летишь напролом
Сквозь кусты, топчешь травы в цвету.

Жадной жажды водой не залить,
Поцелуями не утолить
И разлукой повек не унять.
Я тебя окликаю, шутя,
Ты лепечешь, смеясь как дитя...
Обнимаю опять и опять,
Чтоб с дыханьем дыхание слить.

Стал восток всё сильнее розоветь.
Постепенно, как светлая медь,
Блещет небо над высью холма.
Солнце в гору идет. О, не раз,
Молодые казахи, в тот час
Мы в свои возвращались дома!..
Пусть же всё повторится и впредь.

КРАСАВЕЦ ТОПОЛЬ

О, строгий красавец, ты горд и богат,
Надел драгоценный зеленый наряд,
Качаешься мерно. И высокомерно,
И медленно пышные ветви шумят.

Природа тебе совершенство дала,
Ты царственно строен, ты прям, как стрела,
Лишь к небу стремишься, молчишь горделиво,
Касается тучи вершины игла.

Приходят и скромники, и хвастуны,
Но ты перед ними не горбишь спины,
Богатым и бедным не молвишь ни слова,
Мечтаешь дойти, дорости до луны!

Ты горд, но печальную тайну хранишь,
В душе затаилась усталая тишь...
Ведь как ни старайся добраться до неба,
А кормит земля, от нее не сбежишь.

Заносчивый тополь, будь скромн с людьми,
Зеленой листвою меня обними,
Пусть ветви твои обовьют мои плечи,
Пусть хлынет прохлада в ладони мои.

Ты вырос в степях возле Сары-Арки,
Нежны, шелковисты и клейки листки,
Но, если земле не воздашь ты сторицей,
Мне петь о пустой красоте не с руки.

АЛТАЙ

Алтай, великан из толпы облаков,
Зимою и летом в одежде снегов
Стоишь ты на страже безбрежных просторов,
Струишь белоснежную пену валов.

На сильных плечах, величавый Алтай,
Ты держишь небесный светящийся край,
Тебя окружают, целуют, ласкают
Немногие тучи из облачных стай.

Упал, поскользнулся и сделал прыжок
Певучий прозрачный, прохладный поток,
Серебряным голосом горы тревожит,
И отклик в степях бесконечно далек.

Отвесные стены теснящихся гор,
Орлы белокрылые, синий простор,
Овраги в цветах, и на склонах зеленых
Цветными шелками расшитый ковер.

Как марево зноя мелькает сайга,
Стада антилоп наполняют луга.
Хочу я взойти на утесы Алтая
И знаменем алым овеять снега.

Я вижу весь мир в розоватом огне,
Лишь беркут парящий — со мной наравне.
Зову я на бой угнетенных жестоко:
«Герои Востока, идите ко мне!»

О, если бы встал угнетенный народ
На битву с кровавой Европой господ!..
Мы встанем стеной, словно выси Алтая,
И двинем утесы и скалы вперед.

Всю Азию мы поведем за собой,
Бурлящие реки волются в прибой,
И с яростным кличем, волна за волною,
Пойдем на последний, решительный бой.

Поток наводнения, велик и могуч,
Нахлынет с алтайских пылающих круч,
Растопчет разбойничьи норы барсучьи,
Сметая угрюмые полчища туч.

В пыли придорожной раздавим врагов,
Прославим свободу во веки веков,
Наш клич прозвучит на просторах планеты:
«Разбейте железо цепей и оков!»

... Алтай белоглавый, по зову судьбы
Ты стал бы истоком великой борьбы.
И песнь молодая потоков Алтая
Звучит в моем сердце призывом трубы.

МОЙ БЕДНЫЙ АУЛ

Да, уже немало дней
Я под кровлей городской,
И на родине своей
Раз в два года я гощу.

Вот он, бедный и родной,
С детства памятный аул!
Только стал совсем иной
За немногие года.

Стариков с течением лет
Заменяла молодежь...
Так прими же мой привет,
Сизо-войлочный аул!

Облик жизни изменен,
Лица юношей свежи,
А вчерашние юнцы —
Пышноусые мужи.

Полог юрты обветшал,
Пусть же станет золотым.
В колыбели я лежал,
Тишиной его храним...

Вот где правил бай Тапал,
Где озера Кос Шалкар.
Где же кони, чей табун
Берега озер топтал?

Опустел аул Хаджи,

Обеднел аул Мурзы.
Где их скот? Как ни кружи,
Малой доли не найдешь.

Но Карип и Абжекен
Не усмотрят всех овец,
Не сосчитаны никем
Их отары и стада.

Вот он, мой родной аул!
Я, оглядывая даль,
Добрый словом помянул,
Сосчитал односельчан.

Сын муллы — он секретарь,
А муллы в помине нет.
Одноглазым стал Сатай,
Стал еще старей Али.

Да, возглавил сельсовет
Сын муллы, последний сын,
И в ауле нет муллы,
И мулле почета пет.

У Данкена — хворь и плешь,
Зубы выпали его,
И волос лишен Ареш,
Лишь полноса у него.

Изымханова жена
Лихорадкою больна,
А сапожник — сед и хром,
Наделен большим горбом.

Булекан и Биязы —
С глухотой и слепотой.
Не стряхнуть с очей слезы
Одряхлевшею рукой.

Сгорбившись, чтоб не упасть,
Две старухи побрели...
Захватили в доме власть
Молодухи сыновей.

Вырос сын у Биязы
И подался в города.
Он со мной вошел в аул,
Мать ученого горда.

Вот и плачет Бияза,
Плачет сын ее Жамал,
Стал он крепок и силен.
Был когда-то слаб и мал.

Люди поняли сейчас
Пользу знаний и наук,
И у многих из сельчан
Учатся и сын, и внук.

Все в труде... И Алиман
Чинит старое седло.
Рубит заново Сатан
Ось распавшейся арбы.

А Кадиш издалека
Воротился в свой аул.
У двухлетнего конька
Поступь твердая легка.

А на берегу реки —
Отдых медленных коров,
А на склонах — косяки
Огнедышащих коней,

Некогда пасли табун
На джайляу Кара-ой...
Слился с бархатом полей
Бархат неба голубой.

Раздается рев быка,
Отдается вдалеке,
Едет сборщик кизяка
На несмазанной арбе.

Черно-бурый бык могуч,
Силой запряжен в арбу.
Выцветший шекпен¹ колюч,
Тело голое темно.

На одежде бедняков
Много всё еще заплат.
Ты когда покинешь их,
Старый, порванный халат?

Но мальчишеских ватаг,
Общей занятых игрой,
Собирающих кизяк,
Песни звонкие слышны.

Песни новые у них,
Новый день и новый век,
Песни новые звенят,
Огласив Кара-узек.

Лишь вчера Коран они
Распевали наизусть.
Новые настали дни,
Новый слышится напев.

У Сатая-бедняка
В доме вдоволь молока.
Нурекенова Айша
Стала дивно хороша.

Весь в заплатках Атекен,
Вечно он бродил один,
Рван шатер его, кеген²
Весь длиной в один аршин.

Рядом с юртой, у заплат
Топчется убогий скот.
Десять коз и пять козлят.
Неудачен был приплод.

Я из города привез
Сепаратор в дар ему...
Все бегут его смотреть —
Не пробиться никому.

Масло Атекен скопил,
Продал в кооператив
И шапан себе купив,
Задал всем соседям пир.

Сепаратор зашумел,
Сказочен, молочно-бел.
Масла жирные комки
В каждом доме велики.

Возле юрты женский смех.
Многолюдно день и ночь.
Сепаратор зашумел.
Все хотят ему помочь.

В центре круга он стоит,
В центре круга — шум и стон.
Жадно слушает народ
Песню будущих времен.

Ручку крепко ухватив,
Крутят до потери сил.
Аппарат заголосил...
Нескончаемый мотив!

Чутко вслушиваюсь я
В этот вдохновенный гул,
И оглядываю я
Мой сегодняшний аул.

Нескончаемый мотив —
Сепаратора напев!
Эту песню подхватив,
Песню я свою сложу.

Вот он, бедный и родной,
С детства памятный аул!
Только стал совсем иной
За немногие года...

¹Шекпен – Груботканая верхняя одежда из верблюжье шерсти.

²Кеген – Аркан с петлями для привязывания ягнят за шею.

ТУТКАБАЙ ИМАНБЕКОВ**БЕРКУТ**

Взору беркута степь открыта,
Все увидит он на лету.
Чем-то беркут похож на джигита,
Что лелеет свою мечту.

В утро розовое взглянется
С горной кручи, с ее венца...
Здесь заботливая орлица
Для полетов растит птенца.

А на зверя — такой обычай —
Камнем падает с вышины.
Когти черные на добыче
Страшной силою сведены.

Эта птица — счастье большое,
Мощью веют ее крыла.
Если ты — охотник душою,
Воспитаю, приручу орла!

Сладко с беркутом на рукавице
Мчатся степью, гоня сайгу...
Вот, подмяв под себя лисицу,
Зло клекочет он на снегу!

БУРАН

Очи солнца под вечер завеяло мглой,
Вихрем снега залеплены солнца ресницы.
Слышен свист ужасающий и удалой,
И в кошаре отара дрожит и теснится.
Напоследок толкаясь, летит детвора,
И собаки за нею бегут что есть силы.
Два джигита, что сено здесь грузят с утра,
Шутят с девушкой, вскинув скрипучие вилы.
А уже заливаётся белый буран,
И поземка летит, и уже в завихрухе,
Подтыкая прорехи, кошару чабан
Обошел в нахлобученном наспех треухе.

Скажешь слово «зима» - и почудится снег,
Молвишь «лето» - и вспомнишь подругу.
Тянет слово «зима» снежных вихрей разбег,
Слово «лето» - цветения выюгу.
Вот уходи Зима – роковой снегопад,
Будет Лето – души обновленье.
Но меж ними
 Весна и Осень стоят
И вкушают вино примиренья.

МУХТАР ШАХАНОВ**ЭХО***Поэма*

«Все наши поступки как эхо».
(Из разговора с отцом)

Издревле к песне человек привык,
Всяк на свой лад всю жизнь ее поёт.
А спой в горах, и чудо — через миг
Бесстрастно эхо голос твой вернет.
Мир справедлив, он этим и хорош.
Посеешь зло — и горе соберешь.

Спасенье в том и гибельный удел,
Что все добро, творимое тобой,
И зло тобою совершенных дел —
Минует срок — и жизнь вернет с лихвой.

Сам Жудай-хан погоней опьянен,
Нукеры мчат и гончие за ним.
Хан гонит лис, и ныне счастлив он,
Удачей хан и удалью храним.
И вдруг — досада: видима едва,
Тень женщины мелькнула вдалеке,
То не к добру, как говорит молва,
И хан тугую плеть сжал в кулаке.

Оборван бег лихого скакуна,
И глаз прищур, как лезвие, остер:
«Как смела путь мой пересечь она!
Схватить ее, гони во весь опор!»

Нукеры вмиг исполнили приказ.
И вот уже, прекрасна, как цветок,
Стоит она, не подымая глаз,
У ханских ног.
Краса такая — редкость на земле.
Любой джигит мечтой о ней живет.
Глаза, как звезды ясные во мгле.
Жаль только... округлен её живот.

Но красотой отряд заморожен,
Черты лица и юны и чисты.
Иметь им не дано подобных жен.
И только... хан не видит красоты:
«Ты разве ангел, грешная душа,
Что смела путь мой дерзко пересечь?»

Она сказала, тяжело дыша:
«Я вашу, хан, не понимаю речь,
Без отдыха бреду я столько дней,
Устала так, что двигаюсь едва.
Ты — сокол, хан, я — жалкий воробей,
Напрасен гнев и грозные слова.
Ребенка жду я, пощади меня,
Мне застит свет усталости слеза».
Чуть тронул хан холеного коня:
«Не видишь нас — зачем тебе глаза?
Нет, я хочу беде твоей помочь!
Коль свет померк,— пускай наступит ночь!
Твои глаза я выколоть велю,
Не будет глаз, так в чем тебя винить?»

«Помилуй, хан,— большому кораблю
Немного чести лодку утопить!»
«Закон суров — возмездье за вину!» —
Хан подал знак, тугую плеть крутя.

«Из зерен зла ты вырастишь войну,
Дитя во чреве — пожалей дитя!»

«В недобрый час дорога нас свела,—
Ты вместе с ним в сырой земле сгниешь.
Прощай!..»
Решенье ханское — стрела,
Лишь отпусти — обратно не вернешь!

Хан сеял щедро семена могил,
Обильно смертью землю поливал.
Одним пинком несчастную свалил.
Сталь осквернять он женщиной не стал.

Померкла степь, и помутился свет...
Умчался хан, и гончие вослед.

II

Кто был могуч — сегодня ослабел.
Другой переживает свой расцвет.
Прах безымянный — третьего удел.
Минуло с той поры семнадцать лет.

Над Сункартау облака, как дым,
И Жудай-хан качается в седле —
Хан гонит лис, и гончие за ним,
И осень стелет травы по земле.

Уже седой, рука его слаба
Держать в узде и ханство и коня,
Но та же спесь, и та же похвальба,
Как будто не прошло с тех пор ни дня.

Дела былые вспомнились ему,
Хан, подбоченясь, видит пред собой
Не облака — селение в дыму,
И кровь врага, и выигранный бой.

Не холм вдали темнеет сквозь туман —
То брат-изменник запряжен в арбу...
А вот лощина, где когда-то хан
Ноги ударом оборвал судьбу...

Всё — боль и кровь, куда ни погляди!
Доволен хан — орлиный путь высок.

Вдруг неизвестный всадник впереди
Дорогу хану молча пересек.

Джигита хану дерзкого не жаль,
Он повторять приказы не привык,
Но в этот раз осталась в ножнах сталь,
Врагами хан был схвачен в этот миг.
Уже его, как пленника, ведут
Здесь, где летел он, яростен и смел,
Где ханский суд был гибелен и крут
Над женщиной, чей прах уже истлел.

Где прах истлел — ковер кровавый лег,
И молча отрок на ковре сидит.

Спокоен взгляд, и весел, и жесток,
Семнадцать лет — не более — на вид.

И вскрикнул хан, от злобы побелев:
«Мальчишка, пес степной, а не джигит!
Щенок, не видишь? Пред тобою — лев!
Я — Жудай-хан! Мне край принадлежит!»

Чуть усмехнулся юноша в ответ:
«Вчера принадлежал, сегодня — нет!
Ты прав, я — пес, но завтра, Жудай-хан,
Владыкой стану покоренных стран,
И колесо истории самой
Я поверну вот эту рукой.

По нраву мне и стать твоя и прыть,
За это ты спокойно можешь жить...
Пока не сварят мяса в казане.
Потом... тебя казнить угодно мне.
Сюда, старик, садись и не робей!
Я — сокол, хан, ты — жалкий воробей.
Чтоб в мир иной счастливым был полет,
Великий хан вина тебе нальет.

Я на прощанье поделюсь с тобой
Открытой мною истиной одной:
Народ, что сабля, и за рукоять
Не каждому дано ее держать.
Искусство — точно нанести удар,
Надежно сжать эфес — не меньший дар.
Дар наточить — последний, но, увы,
Чуть сплеховал — лишился головы.

Искусством этим ты не овладел,
Вот почему ничтожен твой удел,
Ведь ты всю жизнь — пойми, старик, меня —
Не видел дальше головы коня.
Мне ведом путь и птицы и змеи,
Обман и сталь — союзники мои.

Что побледнел, как загнанный, дрожа?
В моих руках — ни сабли, ни ножа.
Я б жизнь тебе оставил, если б мог,
Но ты... мой путь сегодня пересек.

Передо мной мала твоя вина,
Но жизнь, старик, не вечная весна,
Проходит срок — и высохнет трава,
И в этом степь великая права.

Враг помилуй хана, отпустить вели,
И станешь ли владыкою земли?
В нездешний край тебе пора давно,
Допей, старик, налитое вино!..

Твой взгляд суров из-под седых бровей,
В знак уваженья к твердости твоей —
Велю казнить оружием не простым,
А саблею с эфесом золотым».

И сердце сжал невыносимый страх,
И Жудай-хан сдержать себя не мог.
Воскликнул он: «Как вышло, о, Аллах!..
Так мало прожил ты, и — так жесток!»

«Мне не мешает молодость ничуть
К любой вершине выбрать верный путь.
Что до твоей жестокости, старик,
То я к ней в чреве матери привык.
Я тайну ту не выдал никому,
Тебе ее доверю одному,
Здесь честь задета, но и виден прок,
То первый был жестокости урок.
Что расскажу — не выдумка, не ложь,
В могилу тайну, знаю, унесешь.
Когда меня несла под сердцем мать,
Случилось ей убийцу повстречать.
Кто эта тварь, не знаю до сих пор,
Но для меня он — самый страшный вор.

Он жизнь невинной женщины унес
Пинком в живот, жестокосердный пес!
И лишь за то — что путь пересекла!..
Вокруг весна звенела и цвела,
А я лежал, крича, окровавлён,
Хромым от мертвой матери рожден.
Коль повезет — и пеший на коне.
И счастье — чудо! — улыбнулось мне!
Пастух, что мимо гнал свои стада,
Поднял, обмыл и спас меня тогда,
И Тарагаю знатному отдал,
Что много лет напрасно сына ждал.

Я был объявлен сыном. В тот же час
Убит несчастный, что ребенка спас,—
Надежней мертвый тайну сохранит...
О сколько я хлебнул уже обид,
Немало, знаю, боли впереди,

Но главная — живет в моей груди!
Я злом из чрева вытолкнут на свет,
Жестокостью отмечу каждый след.
Все люди, как и я, понять должны —
Калечит жизнь и губит без вины.
Я злом рожден и зла продолжу род —
Хромой Тимур вовеки не умрет...»

Бьет Жудай-хана гибельная дрожь,
От яда слов душа его пьяна,
Как будто занесен высоко нож...
Упала чаша, полная вина.
И стонет хан, и бьется головой.
И каждый вздох — ступенью в смертный час —
Ведет его к минуте роковой.
И начал хан, не поднимая глаз:
«Я весь горю, раскаяньем палим,
И камню тоже чувствовать дано.
Я понял — зло, которое творим,
Вернуться к нам когда-нибудь должно.»

Ко мне оно вернулось наконец.
Раз жизнь — одна, то дважды не казнишь.
Откроюсь я — убьешь меня, юнец,
А не скажу — и тут не пощадишь.
Скрывать — уже ни времени, ни сил...
В недобрый час дорога нас свела...
Вот здесь, щенок, я женщину убил,
Что, умирая, жизнь тебе дала...»

Сверкнула сталь над сизой сединой.
Степь вольный дух перевела едва.
Мешая кровь с закатом и травой,
По склону вниз катилась голова...

ТУРСУНАЙ ОРОЗБАЕВА

Быть хотела к тебе ближе всех и у прочих отнять
Право видеть тебя чаще, чаще, опять и опять,
Путь искала к тебе и пыталась постичь и понять.
Но в заботе горячей утратила юность свою,
Не могла я иначе, и вдруг на распутье стою,
Собиравшая мед, пью горчайшей печали струю.

Было все.

И на все было полное право дано.

Это время счастливым считаю. Но где же оно?

Вот и мудрость пришла: вижу низок ты был, не высок.

Камнем в горле стоит сожаленье — такие дела.

И хожу я, вздыхая о юности, что утекла,

Что, как море была,

И, как море, впиталась в песок.

КАСЫМХАН БЕГМАНОВ

КУРЕНБЕЛ

Куренбела холмы позабыть не могу,
Беззаботные годы прошли в их кругу.
Был тогда я зелёным юнцом, и стихи
Для тебя лишь одной сочинял – не солгу!

Был тогда я тебе всех на свете родней,
И, казалось, в любви утопаю твоей.
Что мы знали с тобой о коварстве судьбы
На заре тех начальных доверчивых дней!

Не забыть куренбелские мне вечера.
С гор прохлада стекала, спадала жара.
Расставанье и стаи кочующих туч
Помнишь ли? Это было как будто вчера...

Как весна в Куренбеле бывала светла!
Возвратившихся птиц трепетали крыла.
Что поделаться... А сердце внезапно кольнёт
Эта жизнь, что вдали от тебя протекла.

Дай мне сил, Туркестан, и терпенье продли!
Не к тебе ль племена за удачей текли?
Был тяжёл, приводя в мир печальных могил
Путь из жёлтых степей, пламеневших вдали.

О, курганы уже отдалённых времён,
Сказ о тех, кто из жизни вчера унесён!
Я – как будто владелец того чапана,
Что похищен, в чужом сундуке заключён.

Как холмы изнуряют печалью своей!
Хоть молись, хоть ушедшим построй мавзолей...
Не пристало мужчинам до слёз горевать,
Но слезу в этом горьком безлюдье пролей!

Мавзолеи воздвигни, молитвы тверди,
Разрыдайся хоть раз, уходить погоди!
Эта круча склонилась, как нежная мать,
Чьи-то смутные души укрыв на груди.

Дай мне силу, Отчизна, терпенье продли!
Необъятные степи мерцают вдали.
Едут люди оттуда за счастьем сюда,
А седые курганы на сердце легли.

Привыкли мы чтить не живых – мертвеца.
Холодное слово калечит сердца.
Счастливые дни улетели как птицы...
А думалось, юность моя без конца.

Но вот её время прошло, унеслось...
Ах, родственным душам быть плохо поврозь.
Куда меня только судьба ни бросала!
То влево швыряла, то вправо, то вкось.

Все скажем стихами, но счастье сейчас
Свой праздничный пир затевает без нас.
В туманную даль этих белых миражей
Мечта улетела и скрылась из глаз.

«Ты меж колыбелью и гробом своим
Остаться в истории сможешь, Касым?» –
Однажды спросил меня брат между делом.
Или мало акыном, которых мы чтим?

«Остаться в истории...» Не возразив,
Я словно бы сил ощущаю прилив.
Хотел бы в истории стать Касымханом,
Но малоудачлив, хотя неленив.

Должно быть, удача ещё вдалеке,
Но столько таится стихов в сундуке!
Когда-нибудь выйдут на свет из-под спуда,
И пламень покажется в каждой строке.

Я с древнею тайной, с извечной мечтой
Явлюсь пред народом отчизны святой,
Спою я о пройденных в жизни дорогах,
И ты не отринь меня, стих золотой!

Не заперты двери, и не сторожит
Их злая собака,

вход людям открыт...

Да только готовится смертный к могиле
Ещё когда он в колыбели лежит.

Двадцать лет лишь во снах ты являлась моих.
Как же смог без тебя я остаться в живых?
Этих глаз, этих губ, звуков голоса – я
Так неистово жаждал – они всё свежи!
Вот стою пред тобой...

Как я выжил, скажи?

Ты была, как цветок, – есть такие цветы,
Что грустить заставляют пленённую душу.
Я в разлуке с тобой

– это знала ли ты? –

Был, как рыба, что выброшена на сушу.

Был я с детства степного и крепок и крут,
И с тоской вспоминаю о давнем начале...

В сорок лет время крепости брать,

и берут!

Ну, а я приуныл, изнемог от печали.

Рано, рано другую в пути я обрёл...

А любовь, словно роща, шумит, зеленея.

Вечно светел твой образ,

любви ореол

Никогда не угаснет над жизнью моею.

Как река, рвусь из русла и всё же вернусь.
Я слезой, что упала с ресниц, окажусь.

Внял я недругам, душу язвившим не раз:
На себя, словно вчуже, гляжу я сейчас.

Тело в муках.

Огарок я предков своих,
Прораставших из пепла пожарац былых.

Неразлучны здесь песенный дар и нужда...
Вот на лица осенняя брызжет вода.

Негасимым огнём я объят, обуян -
С малых лет стал недугом моим Казахстан.

Дни и ночи тоски

не бывали пусты.

О, не все доживали до дней суеты!

В то же русло я вновь, как бывало, вольюсь,
Я слезинкой с ресниц твоих малой сорвусь.

ВЕЧЕРНИЙ ВОКЗАЛ

Вот вечер, дорога моя черна,
А вокруг намело снегов.
Это – путь в отдалённые времена.
К отправленью состав готов.

Вот собака, выбежав из-за угла,
Как-то мерзостна и жалка,
Всё обнюхала, рожицу обошла...
Слышу ругань проводника.

Уезжаю, а в мыслях такой разброд –
Столько радостей, столько бед!
Будет шум на вокзале всю ночь напролёт,
Вдоль дороги не меркнет свет.

Жизнь прошла, пронеслась через эти места,
Небо родины блещет над ней.
Но в душе моей странная пустота.
Поезд движется всё быстрее.

И готов ли я к встрече? Ну, что со мной!
Сердце ноет... Но что верну?
Скоро выйду из поезда в мир степной,
Окунусь в его тишину.

Кобыз в душе унылой не утих,
И девочка всё та же в снах моих,
И осень безысходна, но весною —
Как будто возвращение родных!

Учителя пресветлый вижу лик.
Не позабыть мне тех, кто был велик!
По старшим братья часто я тоскую,
В лебяжьей стае их искать привык.

Мне их стихи, их память дорога,
Их чтят родные степи и луга.
Всегда, всегда на встречах с молодёжью
Возникнут Кадеке¹ и Тумага².

Они любили горы и коней...
Часть тайных дум прикрыта дымкой дней,
Но что в мечтах иное у поэтов,
О жизни повествующих своей!

¹Кадеке – известный поэт Кадыр Мырза-Али.

²Тумага – известный поэт Туманбай Молдагалиев.

Не утро,
 не зорька в ауле родном,
А город, объятый мерцающим сном...

Ценю я ночную его красоту,
А мысленно вижу природу не ту.

Мальчишкой в степи не вчера ли я был!
Теперь меня шум городской обступил.

Далёк тот родник, то урочище, где
Так жадно я пил, наклонившись к воде.

Мальчишечья шла на лужайке игра,
Струило течение блеск серебра.

И сверстница, нежно чиста и робка,
Со мной приходила к струям родника...

Так было мне старой верблюдицы жаль,
В очах её древняя стыла печаль.

Как больно, внимая здесь лающим псам,
Подумать, что им уподобился сам!

Где ж юность? Умолк её радостный гул.
...Как мог без тебя я прожить, мой аул?

СЕЙИР*

Сейир наставший много сделал зла.
Цветок расцветший сломан на корню.
Взревела буря – ветку унесла,
Взыграли реки – вторглись в грудь мою.

Вбежали реки в грудь мою стремглав,
Цветок, едва раскрывшийся угас.
Как свой табун спасти, отзимовав,
Встревоженный не знает конепас.

Сметает злобный ветер всё вокруг.
Настанет настоящая весна,
И потому обиды нет, мой друг,
Но жизнь сейчас угрюма и грустна.

Холодный дождь стучит ко мне в окно
И льдины с громом по реке пошли.
Хоть ливни эти хлещут так давно,
Не могут жажду утолить земли.

Сейчас не в силах напоить полей,
О скалы бьются волны всё бурней.
Ещё потерпим,
и пройдёт сейир,
Сотрётся память беспросветных дней.

*Сейир (Сауир) – месяц, в кочевом календаре соответствующий апрелю.

ШАРДАРА, ШАРДАРА...

О, крепость над морем, над зыбью песка,
Ты всё зеленеешь, ты сердцу близка!
Но горько потомку – вместить в свою душу
Не смог я твой гомон в былые века.

Синеет вода, под ступнями бурля,
Как будто печаль о минувшем деля.
Здесь всё поселение море накрыло.
Лишившись людей, сиротеет земля.

Волна волною бегут напролом,
Душа одинока в унынье своём.
Остался аул под немолкнувшим морем...
Что наши потомки узнают о нём?

А чаек, над палубой вьющих, речь
Как будто бы силится предостеречь.
Коль древний аул глубина поглотила,
Завещано людям хоть море сберечь.

О, море, простимся! Хранимый судьбой,
Вернусь я к пучине твоей голубой,
А если не свидимся, что же – исчезну,
Как этот аул, что лежит под тобой.

КРАЙНИЙ ХОЛОД, ТОСКА...

Стужа в бесснежной степи, а здесь деревья
Замёрзли, стоят-дрожат, давно упала листва.
Я глянул в окно

и вспомнил годы свои,
Они ведь не скрылись с глаз, память ещё жива.

Четверть века назад

я руки к мечте тянул.
Подростком вижу себя, припомнил родной аул.
Я ведь ещё не стар, но изменилось лицо.
Упала моя душа, лишь в зеркало я взглянул.

Время на этом челе, как маленький баловник,
Узоры свои начертав, изборозило лик.
Ухабы я позабыл, а в сердце одна тоска.
В последние дни, кажется, к ней привык.

Крайняя стужа.

Уже замёрз воробей.
Но перетерпит всё и выдержит дикий гусь.
О, знал бы хоть кто-нибудь,
как тускло в душе моей!
Я думаю, мало тех, кто ведал такую грусть.

ЕСТЬ ВЕСЫ

Да, я – сын твоих степей,
Нет на свете стран родней.
Создан, как и все, из глины...
Что за грусть в душе твоей?

Чья-то смерть?

Иль чей-то пыл

В смуту вновь народ увлѣк?
Кто ж средь нас не оценил
Этой жизни краткий срок?

Опадают все сады.
Жадно ждѣт земля воды...
Только глупый не поймѣт
Подступающей беды.

Встретив злость в пути своём,
Смех недобрый мы поймѣм.
Лая на людей, как псы,
Вы играете с огнѣм.

Чем же станет этот край,
Если всюду гам и лай!
Никогда с огнѣм священным
Нашей Степи не играй!

Рано стала мать седа,
Грусть её скорей рассей!
Чти и душу и язык
Всех отцов и матерей!

Жаль того, что в дни невзгод
Вы отдали, не грустя .
Тот, кто веру предаёт,
Тот предаст своё дитя.

И нахален и горласт.
Мать предаст
И степь предаст,
Город свой предать готов
И великих мудрецов.

Люди из Алаш-Орды
Были так честны, горды,
И расстреляны... А нынче
Столько девушек в краю
Продающих честь свою!

И охрана сторожит
Вора, что на них глядит.
Этим зрелищем унижен
Каждый истинный джигит.

Эти старших не почтят...
Что их свита и наряд!
Что считать нам прегрешенья
Этих нынешних ребят!

Годы, как единый час,
Протекли и скрылись с глаз.
Всё же на весы положат
Всё, что делалось при нас.

НАКАЗ

Об этом я думаю с давешних лет,
Вам эти слова – мой наказ и завет.
Наш гордый казахский народ, благородный.
Из мрака столетий пробился на свет...

Гостей долгожданных достойно приняв,
Избавь от пустых

каждодневных забав!

Смущать изобильем чрезмерным не надо,
У наших казахов обидчивый нрав.

От лишних долгов укрывайся, беги,
Поверь, обоюдоостры всё долги!
Но с памятью о молоке материнском
Ты с нежностью старую мать береги.

О, дочь моя, будь же разумна в делах!
Заботься о людях, всё прочее – прах.
А в пище...

Довольствуйся тем, что имеешь,
Что вам ниспослал всемогущий Аллах.

С одеждой будь бережна и не ворчи,
А яства

пусть будут свежи, горячи.

Вы с мужем поймете еще, что недаром
Питанью отдельному учат врачи.

Как белишь ты, дочка, и красишь жильё,
И честь береги, возлеяв её.

Священны
 обычаи наши, обряды...
Храните, казахи, наследье своё!

И детство и молодость прочь отлетят.
Наставников чтите – недаром их чтят!
Родимую речь,
 свой язык сберегите
И жизни степной сохраните уклад!

НЕ УСПЕЛ

Хоть и стали моими стихами цветы,
Нет сегодня в сужденьях былой простоты.
Мне казалось, сверну я со временем горы,
Не успел, и мечтами остались мечты.

Полной воли не знал я, а юность вдали.
Мало сделать я смог для родимой земли.
Старики мне оставили чести примеры,
Обучили меня, о, мой сын, и ушли!

Нет, никто не сумел наступить мне на грудь.
Честь моя устояла, но сузился путь,
И, мешая сиянье рассеять повсюду,
Время мне широко не давало шагнуть.

Так меня изменило течение дел!
Но юлить, приспособившись, – жалкий удел.
Дал я слово себе стать великим акыном,
Но великих стихов сочинить не успел.

АБАЙ

*Увидеть, как растёт заря,
И в сердце тайна проскользнёт.
Мечтать, с поэтом говоря, –
Начать в душе переворот
(Из записной книжки)*

На перепутье мы стоим
Перед загадкою твоей.
Её, дивясь стихам твоим,
Всё не постичь и в беге дней.

– Парящий сокол, ты проник
В души народной глубину!
Мне посылает твой цветник
Благоуханную волну.

Хоть мы испили этот мёд,
Постичь нам тайну не дано.
Мы шлём свои стихи в народ,
Добра же мало рождено.

Ушли, твои слова твердя,
Так далеко, на край земли.
Из круг в круг переходя,
Мы вдруг опять тебя нашли.

Постичь не в силах до конца,
Мы, как сиянию зари,
Дивимся свету мудреца,
Что самому сродни Тенгри.

Луч утешенья в дни невзгод
Народу гибнущему – ты,

И мощной нации оплот,
И блеск духовной высоты.

Да, много было наглецов,
Глупцов с внушительным лицом...
Но сколько истинных борцов,
Твоим приподнято словцом!

Всё внемлем мы словам твоим,
Вселявшим силу и порыв.
С тех, как ты ушёл, грустим,
Своё сиротство ощутив.

Большую ношу ты пронёс,
И ощутили мы, скорбя
И хлынувших не пряча слёз,
Своё сиротство без тебя.

Ты с нами в радостные дни,
И в горестях нам силу дашь.
Так святостью оборони
Пресветлый, смуглый старец наш!

Стал в вечном подвиге своём
Нам всем ты – как родной отец,
Наш ты расширил окоём,
Расправив души, как свинец.

Звучал уныло голос твой,
Но день придёт для светлых дум.
Абай наш, милый, дорогой,
Казахов мудрость, щедрый ум!

ПАМЯТИ АСКАРА СУЛЕЙМЕНОВА

В Сыргане вновь вышла весна на простор...
Рождённый в Шогнаке, в преддверии гор,
Пришёл в этот мир Асеке благородный,
Чтоб дать безрассудству суровый отпор.

Когда по знакомым дорогам пройдёшь,
Раздумья всю местность окинули сплошь.
В краях Алматы проходил я с ним рядом.
Ах, был из живущих ни с кем он не схож!

Лишь осень в душе. Как воспеть мне весну,
Отцветшую в прошлом, подобную сну!
Как поезд, промчавшийся без остановок,
Прошло это время, встряхнув тишину.

Рождённый в Шогнаке

и взросший в степях,

Лил тайные слёзы, их видел Аллах.
Подобный пророку, просил он того лишь,
О чём помышляют Созак и казах.

Весна навестила

край Баба-ата.

Рожденный в Шогнаке, он в эти места
Пришёл дать суровый отпор безрассудству,
Пришёл Асеке в этот мир неспроста.

ТОСКА ПО БЕКЗАТУ

Как никто, ты предание родины чтил,
Слышать шелест зелёной листвы ты любил.
Как забыть – я ведь сын той же самой земли,
Где рождён ты, чтоб вечно сиять среди светил!

И в степи о тебе не умолкнет напев.
Навсегда ты остался в сердцах наших дев,
Что ещё и сейчас слезы льют о тебе,
Не сумев приголубить, обнять не успев.

Ты возвысил Алаш, и звучит всё сильнее
Песнь народной мечты в колыбели твоей.
Всё-то чудится мне, что с улыбкой войдёшь,
Что уже у моих появился дверей.

Любимой своей не сумел я подарить весны.
Уехавший из Алматы в родную мою Арку,
Я был неприметный акын,
но думы страной полны –
Я вскинул на плечи свои казахов боль и тоску.

Ах, Сарыарка,
ветра твои в сердце моё;
Воды, которые с ней переходили вдвоём!
И позабыть не могу чёрных-пречёрных глаз,
Сверкавших из под ресниц, пронзавших меня огнём.

Коснись же устами, подобьем цветка,
Меня, луноликая дева Кункей!
Тогда-то такие стихи сочиню,
Что будут подобны живому огню.

Поэзией полнятся наши края.
Сегодня отважусь ли вымолвить я,
Что так необъятны пространства вселенной,
А родина неповторима моя!
Тот стих, что прочувствован и величав,
Превыше сокровищ, отличий и слав.
Так дай за тебя умереть мне, Отчизна,
Хоть тучу одну от тебя отогнав!

*Байга – приз, полученный в состязании.

ПЛЯШИ, ПЛЯШИ!

Пляшите, девушки, пляшите нынче все,
Воротнички вы расстегните все!
О, милая, пляши, пляши, пляши!
Какая прелесть! Ты во всей красе.

Чуть пуговики на платье расстегни,
Стань пылкой, как Меджнун в былые дни!
В миг незабвенный воспари, взлети –
Пусть пола не касаются ступни.

Пляши, как лебедь по волнам плывёт.
Вновь погляжу на плавный твой полёт.
Вот, словно птица, ты взметнулась в небо
И возвратилась... И душа поёт.

Пляши, пляши, кружись в густой гурьбе!
Теперь я ночью вспомню о тебе.
Прекрасен мир. Поверь, что есть Творец!
О нашей размышляет Он судьбе.

Коль любите, любите так, как я;
Горите, как душа горит моя!
Вот девушка и юноша летят,
И в их движеньях – прелесть бытия.

ЧТО ЗА ГОРЕ, ЧТО ЗА ПЕЧАЛЬ...

Что за печаль,
отчего так я сейчас уныл?

Протекший день жестоко меня изнурил.
Покинув давным-давно этот родной аул,
Так далеко, далеко в печали уехал я.

Мог ли не уезжать, вдали не искать себя!
Что же моя душа так изныла скорбь?
Вслушаюсь, что теперь поведает мне она.
Эта дорога меня так далеко увела.

А ведь уехал я, чтобы добыть красу
Шестнадцатой той весны, и память в душе несу.
Даже не передать, как я теперь грущу.
В мечтаниях о тебе время в ауле текло.

Не вверил я никому этой тайны своей.
Перед глазами – весна, ширь цветущих степей.
В тёмную ночь, проснувшись, вижу тебя.
Думаю я о тебе, грустное взгорье моё.

Тайну вселенной постичь силился я в пути.
Печальный оставлю стих там, где пришлось пройти.
Вот я стою один над материнским холмом.
Ветер вьюжный летит, воющий нараспев.

Не смог я молвить ему: «Не возвращусь! Не жди!
Нет обиды в душе, минувшее позади.
Этот святой аул, где некогда вырос я,
Точкой в моих глазах остался на все времена.

Ах, этот свежий ключ, чьи так журчат струи!
Вдруг детство, звонкий смех возникли в забытьи...
От родины вдали скитался я потом,
То волка, то лису взяв в спутники свои.

О, старый мой аул!

Он свеж и в эти дни,
Родник, что так журчит в той лиственной тени!
Он вновь напомнил мне беспечные года,
Соединив меня и жизнь моей родни.

Здесь в жилах у меня клокочет и бурлит
Ручей моих стихов и слезы льёт навзрыд.
Вот домик, в нем ушла из жизни мать моя,
Вот холмик, и в него мой детский смех зарыт.

Об асыгах* моих расскажет этот двор,
А здесь с любимой был последний разговор.
От времени таясь, осталось детство там,
Где, глянь во все концы, везде степной простор.

Всё помню и всегда всё то же на уме:
Однажды ведь и я приближусь к вечной тьме.
Вот среди этих трав оставил детство я,
И матушка моя лежит на том холме.

* Асык – надкопытные кости рогатого скота, используемые для детских игр и гадания.

Колдовской была

вся в дождях весна

И меня с собой забрала она.

Добывал хлеб и писал стихи.

Как забыть я мог эти времена!

Помню я ручья блеск и синеву.

Что в душе моей? Чем сейчас живу?

Вдруг в слезах проснусь,

вижу в каждом сне

Матушку свою, словно наяву.

Детство

и ручья льющаяся синь,

Всё ушло с весной в глубину пустынь.

Дедовский кетмень, суховой в степи,

Знатный урожай выращенных дынь...

Что мне это всё?

– Сгинь, кетмень, ржавей!

Вечная весна, будь в душе моей!

Дедовский чекмень пусть напомнит мне

Волшебство былых невозвратных дней.

Теплым вечером вспомнил я весь этот край,
Мор скота от укусов клещей был при мне.
Желтый холм одолеть не сумел Абылай,
А на крепость не раз набегал хан Кене.

Вспоминать мне с годами больней и больней,
Как подкидышу, детство, и тянутся сны.
Ухожу от столичных вечерних огней.
Там и люди и улицы так холодны.

Горьких много сомнений.

Ушли времена,

Но и в новые дни не пойму, почему

Ты к поэтам своим

недобра, Астана...

Ведь с надеждой пришли к очагу твоему!

НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Придёшь сюда, лютой тоской обуян.
Как знать, где последний приют будет дан?
Плита светло-серая в Бабайкоргане –
Здесь рядом с отцом моим и Садырхан.

Похитила смерть мою бедную мать.
Её не вернуть, ей уже не узнать,
Что этот поэт, перейдя Алатау,
Не смог, как иные, прославленным стать.

Да, тех он увидел, кто ныне велик,
К светильникам тусклым невольно привык
И нехотя принял обыденность эту,
Хоть с ней не находится общий язык.

Поладить и с братьями трудно ему.
Один, хоть грустить нелегко одному,
Приходит к надгробию матери милой,
Чей образ в ночную является тьму...

Как лес многошумный, был в юности я,
Была мне спасеньем защита твоя.
А я, хоть удачливым людям казался,
Намыкался горя в кругу бытия.

Всегда ты мне снилась, когда я рыдал,
Как дождь орошает седой краснотал.
Свершилась судьба...Но не сжиться с тоскою.
От боли, что сердце щемит, я устал.

Ждал я долгие часы
Встречи и былой красы.
Тщетно всё, но так взбодрила
Свежесть утренней росы!

Погрустнел я и поник,
Чуть в древесный шелест вник.
Косогор глядит сурово
И колеблется тростник.

Луг зелёный пожелтел,
Цвет от листьев отлетел
И душа осиротела,
Видно, это – мой удел.

Здесь, у речки, там, где рос,
Я пролью немного слёз.
Коль не свидимся, прощайте,
Рощи белые берёз!

Жиделибайсын –
покатилась слеза по песку.
Мне тайна столетий
свою завещала тоску.

Да, грусть вековая завещана предками мне.
Край горных цветов и озёр голубых
запоёт.
И солнце растопит в груди моей горестей лёд.
Поведаю тайну старейшин, служивших стране.

Вот ряд их надгробий, застывших в покое своём.
И слёзы текут, мне степную заставшие даль.
Вот клин журавлей, улетающий за окоём,
И словно бы осень
мою разделила печаль.

Жила в поколениях
тайна окрестных долин,
Её от отца непременно наследовал сын.
И все удалились из бренного мира
в мечтах,
Однажды собравшись, всем вместе поехать в Байсын.

Отчаянье это я видел, когда подрастал.
Не смел я расспрашивать, слишком был робок и мал.
Моё одиночество вышло из этих начал.

От дум неотвязных тогда изнемог я, и вдруг
Вновь в сердце моём поселился знакомый недуг.

ДОРОГИ

Дороги из города вышли и тут
Все в разные стороны дальше пойдут.
Я знаю – направо погасший очаг,
Налево – еще неизведанный путь.
Теперь и посмотрим, куда повернуть.

– Судьба, в эту сторону тянешь, иль в ту?
О ливне весеннем лелею мечту.
– Тебя я оставил, мой нежный цветок,
Бродил по степям я и по городам,
И всё же забвенью тебя не отдам!

Блуждая, как волк, что в чащобе повыл.,
Я счастье чужое, должно быть, добыл.
Но тот, кто дорогу такую избрал,
Тот без вести канет, сорвётся в провал.

Плакучая ива склоняется там,
Опасные тропы закрывшая нам.
И тот, кто пошёл по такому пути,
Ногтя лицо себе будет скрести!

И станет твоей несчастливой судьбой
Твой сын, что послушно пойдёт за тобой.
– Мой брат, на ошибочный путь не вступи,
Иль ждёт тебя гибель в безводной степи!

Здесь – давнего детства весенний рассвет,
Там холм – за него удалился мой дед.
И всё миновало, скрываясь в пыли.
Следов не оставили те, что прошли.

Ограблены все караваны подряд.
Заглохла дорога, как все говорят.
Травой поросла и раскисла в воде,
Всем сделалась чуждой... Опомнись, мой брат!

И где же дорога утрат и пропаж,
Бывало, вводившая прямо в мираж?
Нет тех стариков, что могли остеречь,
Которым поверишь, кого не предашь.

Тот путь – в сумрак ночи из ясного дня,
А этот – к труду, к правоте кетменя.
Народ мой влекут вековые стези,
Они в моём сердце, в душе у меня.

Вот эта дорога сюда привела,
А та так далёко отсюда ушла.
Когда-то я выбрал свой путь... Где же он?
Довольно блуждать, пусть рассеется мгла!

Так много распутий ещё впереди.
Прямее держись, без оглядки иди!
Но будь осторожен... Не смерть ли сама
Стоит на дороге? Туда погляди!

Плутаешь – осудят ошибку твою.
– Аллах помоги, укажи колею!
...Не знаю, как ты, а уж я на пути,
Что тянется к вечности, твёрдо стою.

МОЯ СВЯТАЯ МАТЬ

Разве может напев оборвать соловей
И джигит позабыть об отчизне своей?
Мать святая моя мне припомнилась вновь.
Хоть давно её нет, всей душою я с ней.

Снова мне драгоценная вспомнилась мать,
Что вскормила, вырастила, смогла воспитать.
Всю-то жизнь принимавшая всех, как родных,
Свет своей доброты силясь людям отдать.

Так внезапно ушла от меня навсегда
Та, которой сломить не сумела нужда.
На дороге, объятой вечерним теплом,
Я о матери вспомнил, и память тверда.

Оба мира в раздумиях взвесить могла,
Но из брэнного мира навеки ушла.
Всех тоскующих жизнь продолжаю теперь...
Обездоленных ноша душе тяжела.

ПРИПОМНИЛОСЬ...

Материнская сказка мне вспомнилась вдруг.
Я прошёл половину дороги земной.
Столько стало забот,
но ведь сузился круг...
– Мать святая моя, ты в душе, ты со мной!

Свой аул я оставил в туманности лет...
С коромыслом, давившим плечо, ты чуть свет
Шла и шла, и сквозь слёзы глядела на путь,
Расстилала под яблоней текемет¹.

Ах, остался я с ливнями Алматы,
А ведь мать говорила: «Чтоб дух не зачах,
Волен будь! Если правишь поводиьями ты,
Добрый дух в сорока пребывает телах!»²

Коль не буду за кем-то идти в поводу,
Невозможно, чтоб ныл и чего-то просил.
На висках своих иней сегодня найду.
Он, сошедший с волос твоих, горестно-мил.

Нынче сыну, здесь первый сложившему стих,
Жаль и вянущих трав на восхолмьях седых.
Ах, родная моя!
Оглянувшись назад,
Вижу – я середины дороги достиг.

¹Текемет – разноцветная кошма.

²Здесь ассоциация с легендой связывают с судьбой знаменитого исламского богослова аль-Газали: будучи мальчиком, он поехал учиться в Аравию, откуда родом был его отец. По пути их караван наткнулся на сорок разбойников, все начали прятать свои деньги, а он отдал все до гроша. Пораженные его поведением разбойники решили тоже стать честными и вдруг на глазах караванщиков улетели. Превратились в добрых духов, которые помогают мусульманам в трудных обстоятельствах. Они тоже люди и умирают, но на их место заступают другие.

Знаешь, нет у меня скакового коня,
Разве только уздечка...

Но есть у меня
Стих свободный, трепещущий бурно в груди.
Мой народ возродился!

Что шум и возня!

Здравствуй, шумная жизнь, я вступаю в борьбу!
Злые сплетни мою не изменят судьбу.
То зажгутся, то гаснут проспектов огни.
Там – кафе, рестораны... В угаре они.

Здесь все добрые люди – как родичи мне.
Победишь, коль не внемлешь пустой болтовне.
Мне оставила молодость множество дум,
Удалившись так тихо, растаяв во сне.

Вот звезда покатила и вспыхнула мгла,
Вот под вьюгою яблоня стынет, гола.
Юность, юность, я вспомнил сейчас о тебе!
В полутьму этих улиц ты рано ушла.

Были вместе тем летом в киргизском краю.
Друг, с тобой мы купались, мы жили в раю!
И была эта девушка в Чолпон-Ате,
Волновавшая душу мою и твою.

Прикасалась к ней свежего ветра струя...
Но о хане Кене призадумался я.
Вот и древняя крепость батыра Шабдана,
И, казалось, печаль неотступна моя.

Вот Одиннадцать гиблых яруг* на жаре,
Где же память о Наурузбае торе?
Мне поехать к заветному краю киргизов,
Что Коран прочитать на степном пустыре.

Вспомню клич Кене-хана, и в горле комок.
Как ребёнок, я в ранних мечтах изнемог.
И в смятенье хочу я спросить у кого-то
Что волнует меня, в чём причина тревог.

Иссык-Куль, как мечта, будет вечно взмывать.
Скольким нашим героям в земле этой спать!
Вот проедем таможную сейчас...

Что тут скажешь?

И Бишкек позади, скоро – Родина-мать.

*Имеются в виду так называемые «Одиннадцать оврагов», местность, где погибли сподвижники хана Кене.

Будешь то ликовать, то грустить и рыдать,
Всё же свыкнешься, сил понапрасну не трать!,
И наступят какие-то дальние годы,
И с улыбкой ты будешь меня вспоминать.

Вместе влаги бегущей мы слушали шум,
Бурный трепет стремнины так внятен был двум.
А когда я стихи прочитал увлечённо,
Поглядела ты грустно, вся в мареве дум.

Лишь сочувствие, словно бы всплеском волны,
Изошло из душевной твоей глубины.
Я о матери молвил, мечтой поделился,
И слезами глаза твои стали полны.

Тот же звук нас качает, несёт на волне
Я, с тобой оказавшийся наедине,
Всё поведал тебе о влюблённостях прежних.
Ты меня пожалела, ответила мне.
... Тот же звук нас качает, несёт на волне.

Уходит моё дитя во чреве красавицы той,
Из глаз моего отца ушёл его день золотой.
Уходят силы мои, всё меньше их для борьбы.
Уходят, а всё одно не скажешь времени: «Стой!»

Уходят волна за волной казахи –
за рядом ряд.
Уж так обижают их и знают ведь, что творят
Те, что в моей степи из рая делают ад.

Когда умираешь ты, песок остаётся в глазах.
Сейчас тот обычай забыт, что издревле знал казах.

Терпенье уходит моё,
сдерживаюсь едва,
Кончаются силы мои и всех увещаний слова,
Уже иссякает восторг перед земной красотой,
Вот уж уходит пора веселья и удалства.

Должно быть,
вселенная вся уходит в любом старике,
И тяжкий остался навет, а лучшие дни вдалеке.
Вот так и уходит жизнь, тая изо дня в день,
И друг уходит святой, бесценный мой Кадыке*.

Подумай: настанет день, уйдут и все от тебя,
Виденья твои уйдут во всей красе от тебя.
Кто любит народ родной, тот грусть мою и поймёт.
Израненная душа, изныла она, скорбя!

*Кадыке – известный казахский поэт Кадыр Мырза-Али.

Часто здесь океан всё сметает, напав.
Гибнут дети среди забав.
Так мне жалко страны, где буранов нет,
Где зимы неизвестен нрав!

Где о времени могут не вспоминать,
Где так трудно мне было людей понять.
На чужбине мне снится родной аул,
И в душе моей – холм, где схоронена мать.

Столько бед претерпела моя страна,
Столько горестей нам принесли времена,
Но надежда вселяется в грудь потому,
Что приходит всё вновь весна.

Есть места,
 где следов человеческих нет,
Толь барсовой лапы след.
Но приносит нам осень свои плоды,
Разливая праздничный свет.

Тяжко вечное лето – я был вразумлён
Здесь жизнью, похожей на сон.
Нет ни осени тут, ни весны, ни зимы,
Не случается смены времён.

Всех синиц они вывели... Скучно-пестры
Эти кущи средь вечной жары.
То ли дело в родной нашей славной степи –
Все четыре у нас поры!

ЗАВЕТ АЛАШОРДЫ (Поэма)

*Если бы оставили меня в живых, казахский народ
имеет право на ханского сына, я не смог бы не
служить казахам!*

Алихан Бокейхан(-ов)

*Мы, сторонники независимости Туркестана, будем
бороться за волю своей страны и за освобождение
народа нашего Туркестана от колониализма.
У туркестанцев не было иного пути. И сейчас нет,
и после этого не будет...*

Мустафа Чокай

*Сокол зоркий мой, что с пути не сойдёт никогда!
Мой тулпар¹, не устающий на долгом пути,
Столько падших тащит вверх на себе,
Пытаясь поднять на вершину холма, страсть моя!*

Ахмет Байтурсунов

*Дулатов, Байтурсунов, Бокейханов,
Знаю сам я об этих трех героях.
Разве не были они в прошедшие черные дни
Солнцем один, звездой Шолпан² – второй и
третий – Луною.
Султанмахмут Торайгыров*

*Вся отара лежит, вскормленная чистым молоком.
Лежит прекрасное прозрачное озеро.
На этом небольшом кладбище
Лежит древний Туран-Туркестан,
Нераздельная страна,
Которой не найти ни на одной карте.*

Автор

1 Тулпар – богатырский конь. Так называют особенно быстрого, породистого скакуна.

2 Шолпан – казахское название планеты Венера.

II

– О, ты, мой жёлтый дол под белою луной,
Жаль, что свой тайный свет ты в душу мне не влил!
Где ты, мой чёрный нар⁴, мой Катепти родной,
Что караваны здесь и века в век водил.

Вниз воды покати́л, нахлынувшие с гор,
Овраг, где места нет моим былым мечтам.
И набок перед ним свалился косогор,
Рассеченный крутой дорогой пополам.

Рассвет над степью взмыл, стал жёлто-полосат.
Вот виден Аксары и слышен грозный гул:
То двинулся с холма бурливый водоскат,
Дорогу обглодал и обогнул аул.

Как миновавший век, взывает волк-арлан,
Давно не слышен лай бродивших здесь собак.
Песчаник, серым стал и кровь от старых ран,
Все ужасы втянул в свой милосердный мрак.

Что было, то прошло... Дорога далека.
Ах, робких никогда жестокие не ждут!
Да, Атырау мой, Алтай, Сарыарка,
Чего в былые дни ни совершалось тут!

Как медный чайник, взвыл и закипел буран.
Кто был здесь погребён? Припомни имена!
Степь кладбищем седым укрылась, и багрян
Становится рассвет – его ждала она.

Поодаль цепи гор в раздумьях встали в ряд,
А воды всё бегут, мутятся и бурлят.
– Создатель, сохрани казахский мой народ
Здесь, в мире перемен, круженья и утрат!

⁴ Нар – разновидность верблюда.

Как будто боль мою природа поняла.
И расступилась тьма, явила звезды мгла.
Вот верный волкодав
И чёрный аргамак.
И юрта серая –
Вся жизнь, что мне мила.

Сочувствие твоё мне нужно, мой народ!
Но так могильный холм
Печально молчалив...
Упавшую звезду кто в небеса вернёт!
И льются волны рек, рыдания подавив.

– Мой город Туркестан, веками осенён,
Со мною дожил ты до нынешних времён!
Ты песни сохранил,
Мелодии
И ритм...
Какие тайны скрыл, какой ты видишь сон?

– Прости, Алашорда!
Чей город, с жизнью чьей,
С отчаянием чьим скрыт маревом степей?
Там рана, что в груди ещё не зажила,
С теченьем долгих лет лишь затвердеть смогла.

Коль нас в земле родной
Не смогут погрести,
Коль за страной поспеть не сможем мы в пути,
Коль запоздало мы спохватимся,

тогда

Прости, Алашорда,
Прости ты нас, прости!

III

О, родная земля!
В небесах над тобой
 гуси кличут кого-то и дальше летят.
Мало ль в их голосах той тоски вековой,
Что осталась в душе, столько знавшей утрат!
Вижу: красные искры в тандырах снуют.
Я от искры взметнувшейся сам полыхнул...
Это пламя воспели столь многие тут.
Да, уже забывают былую беду,
 и ничем не удержишь времён ураган.
А давно ли в стихах своих Алашорду
Поминали
 Султанмахмут и Магжан!

Помню я их глаза, жгучих полные слёз,
Наступивший до осени злой листопад,
И народ, что клеймил и в неведение рос,
Столько лет принимавший империи яд.

Где ж в потомстве мои Мустафа, Алихан?
Что мне время, летящее вихрем в туман,
Что мне сердце,
 чей пламень так бурен и рьян,
Что мне девушек взгляды
 и славы дурман,
Что грядущие книги, собранья поэм,
Если я пред священной памятью нем!

Юность наша на месте осталась, когда
Мы жилища меняли... Всё помним её.
Гордый дух воскресила в нас Алашорда,
Возвратила нетленное нам бытиё.

Стихотворству учил вдохновенный казах,
Но тоска Айбергенова⁵ впредь не по мне.
Не хочу воспевать я красавиц в стихах.
Жизнь подобна миражу в своей быстрине.

5 Толеген Айбергенов – казахский лирик.

IV

Молодежи, что в лучшие дни рождена,
За мучения предков воздастся сполна...
Первым делом приснится судьба Алихана,
Если казней припомнятся мне времена.

Вспоминаю забытого кладбища тишь,
Там сегодня лишь камни и рослый камыш...
В этот город приехавший из Оренбурга
Алеке возвратился на Чёрный Иртыш.

Да, в бескрайней степи, что в цвету хороша,
Алеке побродил над водой Иртыша.
В этом крае Алаша задумал он думу,
Переполнилась замыслом гордым душа.

Он метался в бессоннице вещей своей,
А рассвет между тем становился ясней.
Волновалась, как будто бы тайну скрывая,
Шла река, разделяя огромный Семей⁷.

О хуле, клевете думал он на заре,
О грехах и геройствах, присущих поре,
И, волнуясь, простёр свою руку к Аралу,
К скалам Туйемойнака, воспетым Амре.

Не забудь этой даты, народ мой родной!
Сын твой, радуясь, праздновал вместе с тобой...
Сразу после азана⁸
В тот день желтоксана⁹
Стяг Алаша был поднят над нашей страной.

7 Т.е. Семипалатинск.

8 Азан – призыв муэдзина к обязательной молитве.

9 Желтоксан – казахское название зимнего месяца, соответствующего январю. Точная дата создания алашского правительства – 13 декабря 1917 года.

Слёзы скрыл от народа в тот день Алеке.
Турагою¹⁰ был избран, и сабля в руке.
Срочно создал он вольное войско Алаша,
Ибо недруги, кажется, невдалеке.

Славным было начало...

Ещё как-нибудь
Много тайн бы узнаем про доблестный путь
Мустафы, Алихана, Ахана, Жакана¹¹,
Что имперской горы не сумели свернуть.

О, великий народ мой, о, доблестный край
В свете будущих зорь, в песнях мчащихся стай
Всё же ты Жаханшу и Халела, Смагула¹²,
Алимхана Ермекова¹³ не забывай!

В нашем веке, но с предками накоротке,
Правду их в материнском испив молоке,
Мустафа и Каныш и Мухтар с Маргуланом¹⁴
Оправдали всей жизнью мечту Алеке.

И Аллах ниспослал в дни кровавой поры
Волю, ум и талант и другие дары
Алихану¹⁵, сказавшему веское слово
О походе отважного Кенесары.

10 Турага – предводитель, глава.

11 Имеются в виду Мустафа Чокай, Алихан Бокейхан, Ахмет Байтурсынулы, Мир-Якуб Дулатов.

12 Жаханша, Халел Досмухаммедов, Смагул Садуакасов – видные деятели Алашорды.

13 Алимхан Ермеков (1891 – 1970) – член правительства Алашорды, первый казахский профессор-математик. На совещании Совета народных комиссаров в августе 1920 года выступил с докладом о состоянии Казахстана и смог отстоять границы Казахской автономии, добившись возвращения в её состав ряда территорий.

14 Мустафа Чокай, Каныш Сатпаев, Мухтар Ауэзов, Алькей Маргулан.

15 Алхина Бокейханов был первым исследователем, давшим справедливую оценку освободительному движению Кенесары-Наурызбая: в 1923 г. под редакцией великого лингвиста Е.Д. Поливанова и Халела Досмухаммедова вышел в свет важный труд «Материалы к истории Султана Кенесары Касымова».

Пусть же искры не гаснут!
 Народ мой, пылай,
 И гореньем духовным прославится край!
 Ну, чего пожелать еще в мире джигиту,
 Коль с ним рядом сестра,
 Что подобна Бопай!¹⁶

В стольких битвах, где хан был Аллахом храним,
 Десять лет провела она с братом своим.
 Шестерых сыновей на коней посадил,
 Презирая сородичей мужа ханым.

Отвечая ударом на каждый удар,
 Хан сражался, смертельный предчувствуя жар.
 Вспоминаю всегда о Бопай благородной,
 Если кюй Таттимбета звучит «Косбасар»!¹⁷

О, мой скорбный напев
 Про «одиннадцать ям»!¹⁸
 Так тесны эти щели, но хан столь упрям...
 И отца-несчастливца и Наурызбая
 Долго, долго Сыздык¹⁹ всё разыскивал там.

В битву с песней геройскою шли «Елимай»!
 Годы тяжки, что камни, – беды через край.
 «Лишь о нынешнем дне помышленья народа», –
 Как Ахан говорил²⁰...

Что ж ты, юность, внимай!

16 Ханша Бопай, младшая сестра хана Кенесары. Эта казахская принцесса, не находя поддержки у родни мужа, в течение одиннадцати лет участвовала в походах брата вместе с шестью своими сыновьями.

17 Кюй (напев) Таттимбета относится к мелодиям эпохи Кенесары. Старики говаривали, что ханша Бопай не стала и смотреть на Таттинбета, который не смог принять участие в освободительной войне.

18 Имеются в виду «Одиннадцать оврагов» в Прииссыккулье, где вместе со своими соратниками погиб хан Кене.

19 Сыздык торе – батыр, сын хана Кенесары.

20 «Народ живет нынешним днём, а мои старания – ради завтрашнего» (Ахмет Байтурсунов).

Пусть, победы в сражении не одержав,
Вы погибли, но дорог нам доблестный нрав.
Вы потомкам такую оставили землю,
Где свободны бы семь разместились держав.

Пусть растопит весна и сугробы и льды,
Мы спасителем родины будем горды.
Нашу ношу несём, чтоб вручить молодёжи
Сей наказ от Аллаха и Алашорды.

И название страны удержали года,
Это наш каганат Золотая Орда.
– Люди, люди, Аллаха завет и Алаша
Невозможно казахам забыть никогда!

Знал прорицатель, что пламень ещё не угас.
Что страна расцветёт при потомках, при нас.
Да неужто невежды доселе не знают,
Как постыдно забыть неизменный наказ!

И в печали, которой скончания нет,
Все оставив заботы для горьких замет.
Смог, Ахан, заглянуть ты в народную душу.
Двадцать три свои плача ты вынес на свет!²¹

Свет разлиться не смог, пребывала во сне
Эта степь...
 Но проснись же в свободной стране!
... Нам поведали давние летописанья
О гибели славного хана Кене.

Волей божьей ты создана, Алашорда!
Столько крови под землю ушло без суда,
И подвижники наши глядят с фотографий,
Смотрят прямо, всё видят они сквозь года.

²¹Под названием «Двадцать три плача» издал в 1926 году трагические стихотворные повести, охватывающие четырехсотлетнюю историю казахов.

Что за звери на гибель отправили их!
Ну, а в сердце сегодня лишь горестный стих...
Алия и Маншук стали славою нашей.
Истребляя врага, не остались в живых.

Мир, что цвёл до меня, просиял и угас.
Как познать его тайны, исполнить наказ?
Этот юноша с гор, Алихан Бокейханов,
Как ты дорог казахам, как нужен сейчас!

Прах минувшего, пепел остался в руке...
И, страшась, что душа истощится в тоске,
Как бывало, Избранника ищут казахи,
Нарекают его – Алихан, Алеке.

VI

Вот сквозь слёзы глядит твой взрослеющий сын.
Бродят предков мечты средь бескрайних равнин.
Заживёт ли в душе эта старая рана,
Или в горькой тоске век пройдёт не один?

Но послушай меня!

Паренёк, погоди,
Не смирайся и прямо в глаза погляди!
Верь: моя лишь со смертью иссякнет обида,
Жажда мести ещё не угасла в груди.

Эта жажда возмездья –
жестокий недуг.

Мне почудились ливни...

Как будто вокруг
Собрались поколенья, рождённые в плаче...
Все светила небесные вспыхнули вдруг.

Что поделагаь –

история сотворена.

Станут ею однажды мои времена.
Давней тайны, быть может, курган не откроет,
А уж сильно меня изнурила она.

Хоть немного веселья...

Во имя возмездья
К вековому наследью пустился я в путь.

Пробужу ли уснувшего

повестью мук?

Стал души близнецом этот горестный звук.
Но кого расспросить о печальной кончине
Тех, что приняли смерть из палаческих рук?

Этот стих горемычной исполнен тоски.
В нём кочуют века, зазвучав колдовски.
Тучи чёрные мечутся, не проливаясь.
Сохрани же, Аллах, жизни свежей ростки!

Вековую печаль попытавшись унять,
Всё же в вечность решились вы откочевать.
Раня души, вы белами стали ветрами,
Чтобы в наших степях без конца повевать.

Тот, кто с бранью на вас поднимал свою плеть,
Постепенно увял, стал с опаской глядеть.
Вы в жилища казахов вступили томаами!
Будет груз караванов расти, тяжелеть.

Осенив молодёжь на туманной заре,
Эти книги достанутся и детворе.
Колыбельную в зыбке услышит ребёнок...
Подрастают грядущие наши торе.

Непреклонные горы
Встают над судьбой.
Содрогнётся и стинет изменник любой.
Прозвучит, и в сознание всех поколений
Ваш наказ, словно ливень войдёт голубой.

VII

В дивный вечер народ разговорчив, открыт.
Всё, что слышит, соседу сосед говорит...
Слышать вам доводилось, как плачет ребёнок,
Но не знали, как степи рыдают навзрыд.

– Эй, напрасно, учёный, ты столь нетерпим!
Здесь не вымысел – осеней повесть и зим.
В ночь дождливую видел я, как безутешно
Степь родная рыдает по детям своим.

Если яростно в поле бураны ревут,
Значит, братья взывают, забытые тут.
Им аулы тревожно внимают в надежде,
Что скитальцы друг друга однажды найдут...

Лишь открылась мне снимков былых желтизна,
Сразу горькая сердце хлестнула волна.
Что-то души кольнуло и перевернуло,
Погружая в покрытые тьмой времена.

Прошумевшей истории хлынул поток.
Устье тайны – в казахах, и в гуннах – исток.
И предстал предо мной в быстрой смене видений
Мой народ, что и в горе был духом высок.

Он остался, народ этой скорбной земли.
Наклонились бескрайних степей ковыли...

А они,

не деля вас на жузы, улусы.

Всем вам молвив «люблю» и простившись, ушли.

Степь очнулась и дивную песню поет.
Как могли мы, смиряясь, терпеть этот гнёт!
Нет, нельзя разделить тебя с Алашордою,
Милый сердцу, любимый казахский народ!

VIII

– Свет очей моих, разве в порыве своём
Ради рифм я стараюсь! О том ли поём!
Не найдя погребений, Коран я читаю,
Обратившись в отчаянье на окоём.

Исступлённо кричащий,
Звонящий
Твой свет,
Твой журчащий родник, он иссяк, или нет?
Отчего же, прислушавшись чутко к молчанью,
Всё ищу?
Отзовись же и дай мне ответ!
Я узнал, как была ваша участь тяжка.
Ваше время волнует сильнее, чем века.
Словно немощный старец, расставшись с надеждой,
В древнем русле иссохшем безмолвна река.

Так ведь люди забывчивы –
Было давно,
Всё прошло, и уж многим теперь всё равно.
Будто молвить страшившийся некое слово
День склонился к закату,
И стало темно.

Там – сухие холмы, запропала вода,
И, как видно, цветам не взойти никогда.
Вдоль шоссе всколыхнулась и тут же исчезла,
Помотавшись, пропала в песках лебеда.

Горемычны просторы песчаных полей.
Мы дождёмся, и станет здесь жизнь веселой...
– Вечный друг мой! Лишь ты остаёшься со мною,
Кто ещё меня будет искать из друзей!

– Слушай, Алашорда!
Вечно в этой стране
Горевать о тебе, воспевать тебя мне!

Друг, ты вторишь горючим слезам Нысанбая²²,
Я клинок обнажаю, подобно Кене.

Долго ты не всходила,
Свободы заря!
Нет цветущего сада, лишь прах пустыря.
Тридцать лет ты в колодце держал Шакарима²³,
Век, святыни мои растоптавший зазря.

Позабыт
Раб желаний, проживший во лжи,
Но о доблести павших, народ мой, тужи!
Сыновья двух сестёр – Шакерим с Алиханом.
Не забыты достойные наши ходжи!

Так. Весна наступила...
Но знает ли край,
Что столь многие, и не промолвив «прощай!»,
Уходили из жизни, чтоб без вести сгинуть?
Так исчезли султанша Бегим²⁴, Бошонтай.

Мчусь на лучшем тулпаре до края Земли
Волк со мной прирученный... Шумят ковыли.
Вот, как бедный Кейки²⁵, я скитаюсь в пустыне,
Где, пленив его, голову с маху снесли.

Через все времена, через марево лет
По степям доношу я Алаша завет.
Как Ахан, я в пустынном безлюдье горюю,

22Нысанбай – поэт, участвовавший в возглавленном Кенесары движении с начала до конца и сочинивший об этом стихи в жанре «торгау».

23 Поэт Шакарим был расстрелян 2 октября 1931 года в возрасте 73 лет. Его тело было брошено в колодец, и лишь через три десятилетия сын поэта Ахат выкопал кости отца и похоронил их возле могилы Абая в Жидебае.

24 Бекжан, мать Алихана Бокейханова, в народе почтительно именовали Бегим ханым, она была сестрой Бошантай, матери Шакарима.

25Имеется в виду Кейки-батыр, во время гражданской войны сражавшийся и с красными и с белыми.

На кургане рыдаю я, как Махамбет.²⁶

Словно агнец, готовый стать жертвой, - акын.
Красоту он и доблесть поёт до седин.
И ушедшим столь рано героям Алаша
Мог бы верность хранить, и оставшись один.

Наша Алашорда, ты – цветущий побег,
Ты, как ветвь, устремлённая в будущий век.
Горькой мукою люди твои показали,
Как любили страну этих пастбищ и рек.

Научили, как надо любить, и народ
К предстоящим векам увлекали вперёд.
Путь, как выжить и жить на земле, указали,
Но разрушила мир бур я бед и невзгод.

Эта Алашорда – красота без прикрас,
С ней мы встретили воли и доблести час.
Это – парус, который по синему морю
С первых дней увлекает к грядущему нас.

Это – клич боевой, что в наследство мне дан,
Это – вечный завет и святой мой Коран,
Это – сокол, взмывающий в небо над нами,
Это – свет мой, которым рассеян туман.

Это – песня любимая – Алашорда,
Молодые ростки мои – Алашорда,
Лишь во имя Алаша к Аллаху взывали
Те, которых нельзя забывать никогда.

«Для Алаша я милость Аллаха просил
И, себя не щадя, выбиваясь из сил,
Был всегда за казахов, и если я плакал,
Это – плач о тебе, средь безвестных могил».

26 Махамбет – один из предводителей восстания 1836-1837 гг. в
Западном Казахстане, гениальный поэт.

Да, от зыбки надгробие невдалеке.
Жизнь – борьба и печаль... Что удержишь в руке!
Мустафу провожая, в суровую вечность
Уходил, бесконечно грустя, Алеке.

Как ты к цели стремился, мечтами объят.
Сколько дум передумал под ношей утрат!
Драгоценный, святой Мустафа, сын Чокая.
Ты ведь был Алихана духовный собрат.

Тщетно счастье казахов мечталось ему.
Слишком верил он в чудо и рухнул во тьму.
После казни сподвижников горькую чашу
Довелось Мустафе осушить одному.

– Алеке,
Ты – измученной родины сын,
Раньше срока рождённый в степях исполин.
Эти люди, вставая потомству на помощь,
Руки тянут из бездны времён, из глубин.

– Алеке,
О, мудрец, что в борьбе был упрям.
Ни мгновенья забвению я не отдам...
Как холмами весеннего Талдыйбейита²⁷
Ты ребёнком босым пробегал по цветам!

Бокейхана потомок,
могучий казах.

Сын холмов!

Ведь заря занялась на холмах.
Все преграды когда-нибудь сломят казахи,
Клевета вековая рассыплется в прах.

Словно алый цветок. Я под солнцем возрасту
И, отныне людскую презрев клевету,
Буду странствовать я из столетья в столетье...
Жить без мудрости прадедов не возмогу.

²⁷Талдыбейит – родной аул Алихана Бокейханова.

Вот уж тысячи разных мелодий звучат.
Слышу я, пробираясь сквозь времени чад,
Много тысяч речений – всё благоуханно!
Вот четырнадцать книг дорогого Ахана,
Чья жена обозначена в списке утрат²⁸.

Словно синее море – цветенья разлив.
Степь волнуется, тайной меня осенив...
О Магжане со мной говорили в Стамбуле,
На турецкий стихи его переложив.

Я просил, ощущая, как милостив Бог,
Для казахов удачи среди стольких тревог.
Грустным я Аймаутовым стал Жусипбеком,
Хоть роман «Ак билек» сочинить бы не смог²⁹.

Лобик сына погладив,
Застыл я в слезах.
Горе чёрное стиснуло в натиске грубом,
Но я высушил слёзы на чёрных ветрах
И Дулатовым к вам прихожу Мир-Якубом,
Без конца восклицая:
«Проснись, о, казах!»

...Ни один, выбирая суровый удел,
Должностей многоденежных не захотел.
И в бессоннице я Шахзаду³⁰ вспоминаю,
Среди ночи её увели на расстрел.

Пусть суды нас осудят, бессильны они,
Не угаснут зажжённые мною огни.
Мой старик, горевавший, взбираясь на взгорье,
Вспоминается мне в невесёлые дни.

28 Жена его пропала без вести в Костанае.

29 Жусипбек Айтмаутов – казахский писатель.

30 Шахзада Ароновна Шонанова, прославленная казахская красавица, племянница Бахытжана Каратаева, жена ученого-энциклопедиста Телжана Шананова. Эта супружеская чета была расстреляна в 1938 году.

Разве мог позабыть он в плену у врага
Эти степи, где путь преграждала сайга!
Всё о маленьком он вспоминал Искандере³⁴...
Нет, родных не увидеть, и петля туга!

Век жестокий страшит и личиной своей.
Знать бы нам хоть одну из бессчётных скорбей!
Как подумаю я о судьбе Искандера.
Ноет сердце моё, и ему всё больней.³⁵

В тучах дум я стою, озирая свой край.
Наши тюркские предки здесь шли на Китай.
Здесь в недолгий свой век образец благородства
Искандер нам явил, словно прадед Аблай.

И народ над погибшим заплакал навзрыд.
Солнце только всходило... И вот он убит.
Искандер слишком молод был чёрные годы,
Но потомком гигантов был юный джигит.

«...Может быть, позабыт я, и жребий мой скор...
Что бы значил твой пакостный смех, прокурор?
Так печально, что рядом здесь нет Шакарима,
Что один на зимовье средь сумрачных гор!

Слушай, брат, если мне суждено умереть,
Тань хранителем древнего кладбища впредь!»
Необычное дерево³⁶ там уцелело.
Боже мой, не устало оно зеленеть!

34 Искандер – сын Смагула Садвокасова (отравленного в Москве в 1933 году) и Елизаветы Алихановны Бокейхановой. Алихан Бокеханов сам растил своего внука с его малых лет.

35 Искандер Смагулович несовершеннолетним ушёл на фронт и пал смертью храбрых.

36 На могиле своих родителей Алихан Бокейханов (по основной специальности лесовед) собственноручно посадил дерево, привезённое из Бразилии. Оно до сих пор растёт в заповеднике Алихана Бокейханова, находящемся в Актогайском районе.

Я теперь городской...

Ах, испил бы шубата
Драгоценной верблюдицы аруана!³⁹

Я испил бы кумыса от той кобылицы,
Что двоих жеребцов родила
и гордится...

Мать доила её в незапамятный год...
Не покинь, поддержи меня, славный народ!

Если только защиту
дарует Аллах,
Если крепко оружие держишь в руках,
Если сам ты надёжен, рассвета дождешься...
Подвести, оступиться – единственный страх!

Если наши красавицы в браке верны,
Если щёки способны гореть от стыда,
Если веру сберёг и завет старины,
Не замыслишь недоброе ты никогда.

Будут люди оплакивать Алашорду,
Всё минувшее ляжет на чашу весов.
Тех, кто честь потерял всей стране на беду,
Проклянут поколенья, как бешеных псов.

Моют стены тюремные
вихрей струи...
Где красавицы степи, где юрты мои?
Этот полог не тронь
и ковров не топчи!
Все вы слишком надменны, мои палачи!

Ведь потомки придут Мустафы, Алеке,
А потомство твоё – словно след на песке.
Злобой ты изощёл,
но порвут протокол,

39 Аруана – порода одногорбых туркменских верблюдов.

Выйдет с яростью из берегов Сыр-Дарья.

Вновь кантар

забурлит,

что во гневе тяжёл...

Жили в наших краях Тоньюкук, Культегин⁴⁰,

И живут их потомки среди этих равнин.

– Алеке, Мустафа, где же ваша мечта?

О, не зря испещрили морщины чело!

Путь Алаша

стал степью,

она так пуста...

Стало лютой тоской

то, что было светло,

Стало песней, которую ввысь из души

Отпустили, вздохнув, Илия и Шамши.

Сочинил эту песню

печальный Чокай.

Не могу я не петь её...

Скорби внимай!

Не могу я коня повернуть своего...

Крепнет звук...

И пронзительней нет ничего.

Над казахской землёй

Взвился стяг голубой.

Показалось, что мы перешли перевал.

Вот она, Независимость!

– Родина, пой!

Вот и гимн воспарил

высоко над толпой.

Все заплакали. Каждый в слезах подпевал.

40 Культегин(685г. - 731г.) – каган, самый выдающийся вождь древнетюркских кочевников.

Брат, кумыса хлебнув, задремал в холодке...
 Вмиг рассеялась грусть
 нескончаемых дней.

Плачет классик,
 вдыхающий запах тенге⁴¹.
 Блещут слезы в глазах у невестки моей.
 Никогда не забудется день торжества –
 Пробил час, чужеземная алчность мертва!
 Согласились и Русь и Китай
 с этим днём.

В эту ночь пламя скорби угасло в груди.
 Поднялась Астана
 в гордом взлёте своём.
 Небывалая встала заря впереди.
 С дивной вестью
 к соседям невестка бежит.
 Как же был я взволнован!
 Свершилась судьба.

Государственных зданий меняется вид,
 Всюду блеск моего – не чужого – герба!

А теперь всё обдумай
 и всё подытожь!
 Ты в истории предков героев найдёшь,
 Жизнь отдавших во имя народного блага.
 Не забудь же заветов святых, молодёжь!

...В стародавние годы жестоким был мир,
 В нем Жиделибайсана лишили нас подло
 И, увы, удержали садившихся в сёдла...
 Оренбург⁴² мне оплакивать или Жаир⁴³?

41 Тенге – свежесвыпущенные в дни провозглашения
 Независимости казахстанские деньги, национальная валюта.

42 Оренбург при размежевании остался в пределах России.

43 Жаир – название местности, оставшейся в пределах Китая.

Продолжателей всё же оставил Кадыр⁴⁴ –
Туманбай у нас есть
и Токаш
и Таир.

Пусть алашцев прибавится!

Верьте словам:

Повесть муки душевной оставлю я вам.
Этот грустный рассказ, это плач Касымхана,
Путь которого не был столь ровен и прям.

44 Кадыр Мырзалиев, казахский поэт.

СОДЕРЖАНИЕ

Родные степи. Михаил Синельников.....	3
КАЗАХСКИЕ МОТИВЫ.....	5
Степная дорога.....	6
Мазар.....	7
Конский глаз.....	9
Кирпич.....	11
Кочевник.....	13
Казахская сказка.....	15
Прогулка.....	16
Ак-Булак.....	17
Полотно.....	18
Туркестан.....	19
Музыка Азии.....	20
Воспоминание.....	22
Степная кровь.....	22
Песня.....	23
Анна.....	24
Исход.....	25
«Слов осиротелых шевеленье...».....	26
«Оставляемая планета...».....	26
Семиречье.....	27
Корнилов.....	28
«Лишали крыльев семена...».....	29
Песня Турсунай.....	30
Пустыня.....	30
Повесть.....	31
Степь.....	32
Тюркский мир.....	33
Попутчице.....	34
Юрта.....	35

Караганда	36
Эмигрантка	37
Эпос	38
Степь, степь	39
Туркестан, Туркестан... ..	40
Перекаати-поле	41
Желтоксан.....	42
Как рыбой пахло Приаралье!.....	43

ИЗ ЛИРИКИ РАЗНЫХ ЛЕТ..... 44

Встреча	46
«Лежу в траве. Росой омыта мята...»	46
Киргизская охота	47
Топрак-кале — крепость праха.....	48
Сон шелкопряда.....	50
Вся память	51
Детство	52
Хамсин	53
Кошма	54
Озеро Палеостоми.....	55
Донской монастырь	56
Корабли	57
Базар.....	58
Вода	59
Еврейка	61
Голос.....	62
Черная кузница.....	62
Собака	63
Quo vadis?	64
Старый Ташкент	66
Рассвет	67
Нищие	69
Лунный свет.....	69
Рикша	70

Чарх-и-фоллак	71
Мария	72
Лермонтов	73
Средняя Азия	74
Фраги.....	75
По дороге в Шамбалу	76
Памяти родителей	78
Анна Кукушкина	79
Хлеборезы.....	80
«Сыпучее золото глядя...»	81
Трава.....	82
Зингер	83
Улица Кулиева.....	84
Карма	85
Отель «Бристоль».....	87
«Где, империя, твой упадок?..».....	88
Маруся	89
Джамиля.....	90
Перелетные птицы.....	91
Беженцы	92
Толстой	93
Восточная Москва	94
Саламандра	95
Мыс Хамелеон	97
«Вновь берег моря людный и пустынный...»	98
Реконструкция.....	99
Монастыри.....	99
Швея	100
Трофейная живопись.....	101
Лавка	102
Эпилог	103
Мара	104
Смерть поэта.....	105
Ваганьковское армянское кладбище	107

Во Франции	108
Просвет.....	109
Кумран	109
Стена	110
«Я брата уводил из дистрофии...»	111
Птицы детства.....	111
Шухрат.....	112
«Тот голос вкрадчивый, он где-то в Новогрудке...»	113
«Голос певца над пустынями Азии...»	113
«Звенел, звенел комар, летал Лилиенталь...»	114
Карпаты	115
Жизнеописание	116
Земля.....	117
«Осмелюсь и вечную смерть заслужи...»	118
Опять на родине	118
Фотомастерская.....	119
«Всезрящ и всеохватно-тонок...»	120
«Холодное царство Плутона...»	120
Джума масджид	121
Самсон	122
Музыка.....	123
«Гор абиссинских сумрак синий...»	124
Благовещенье.....	125
Зеркало	126
Казанский вокзал	126
Голоса.....	127
Дунай.....	128
Вспоминая Вьетнам	129
«Слишком четко мирозданье черствое...»	130
В Делийской мечети	130
«Радостным обезьянам...»	131
«Думая о воплощенье...»	132
Скорпион.....	133
«Дымно-розова, нежно-бледна...»	134

Тоска.....	135
Далекие годы	136
«Молодой раввин с бородкой русой...».....	137
Кружева	138
Коктебельские маки.....	139
«Когда душа единственная в мире...».....	139
«Все забудется, должно быть...»	140
«Посмела передать нам кисть евангелиста...»	141
На столетие матери.....	142
In Gloria	143
Тибет	144
Появляется Ферганской долине.....	145
Иссык-Куль	146
Все прошло	147
Товарная станция.....	148
Метель.....	148
Русская проза.....	149
«Что ты знаешь, душа пожилая...».....	150
Клюев	151
Деревенская проза	152
«Всё леденит летейская струя...».....	153
«А там, среди гор хазарских Карачая...»	153
Якуб	154
Ерик	155
Елена.....	156
Дрезден.....	157
Батуми	158
Древний мотив	159
Начало.....	160
Памяти Гульсары.....	161
Змеи.....	162
Ур.....	163
Сон	164
Флора	165

Арык	166
Монголия.....	167
Скрипач	168
Пыль	169
Снег.....	170
Чукотка	171
Дирижер.....	173
Славянское	174
Суконные шлемы	175
Орда.....	176
Памяти Мартынова	177
Турецкое.....	178
Лихорадка	179
Сомнамбулы.....	180
Восток	181
«Поплыть ли наконец по свету...».....	182
Ника Самофракийская	183
Античный театр	184
Помпея.....	185
Античное	186
Из романа.....	187
Кемин	188
Прикосновение.....	189
«Любовью легкой и нетленной...»	190
Река.....	190
«Когда очнёшься, больше не внимая...»	191
Персидский поэт	192
Ташкент	193
Старуха-таранчинка.....	194
Волк	195
«От пращуров сберёг доныне...».....	196
Стекло	197
Пыль	198
«Не столь уж пустынна пустыня твоя...».....	199

Гоби.....	200
ИЗ ПЕРЕВОДОВ	201
Сакен СЕЙФУЛЛИН	
Перекочевка на джайляу	202
Вдали от родины	203
Летом в степи.....	204
В летнюю ночь.....	206
Красавец тополь.....	212
Алтай.....	213
Мой бедный аул.....	217
Туткабай ИМАНБЕКОВ	
Беркут	223
Буран	224
«Скажешь слово «зима» – и почудится снег...»	224
Мухтар ШАХАНОВ	
Эхо (Поэма)	225
Турсунай ОРОЗБАЕВА	
«Быть хотела к тебе ближе всех и у прочих отнять...».....	233
Касымхан БЕГМАНОВ	
Куренбел.....	234
«Дай мне сил, Туркестан...».....	235
«Степные цветы выгорают дотла...»	236
«Привыкли мы чтить не живых – мертвеца...»	237
«Ты меж колыбелью и гробом, Касым...».....	238
«Попутчицы – те же...»	239
«Двадцать лет лишь во снах ты являлась моих...»..	240
«Как река, рвусь из русла и всё же вернусь...».....	241
Вечерний вокзал	242
«Стань другом ты моей души...».....	243
«Кобыз в душе унылой не утих...»	244
«Не утро...».....	245

Сейир.....	246
Шардара, Шардара... ..	247
Крайний холод, тоска.....	248
Четыре времени года.....	249
Есть весы.....	250
Наказ.....	252
Не успел.....	253
Абай.....	254
Памяти Аскара Сулейменова	256
Тоска по Бекзату	257
«Любимой своей не сумел...»	257
«Внемли мне, вселенная...»	258
Пляши, пляши.....	260
Что за горе, что за печаль.....	261
«Ах, этот свежий ключ...».....	262
«Колдовской была...»	263
«—Стихи, вы мир другой мне помогли найти!...».....	264
«Тёплым вечером...».....	265
На материнской могиле.....	266
«Ждал я долгие часы...».....	268
«О, родная страна...»	269
Жаль этих лет.....	270
Жидельбайсын.....	271
Дороги	273
Моя святая мать	275
Припомнилось	276
«Знаешь, нет у меня скакового коня...»	277
«Были вместе тем летом в киргизском краю...»	278
«Будешь то ликовать, то грустить и рыдать...».....	279
«Уходит моё дитя...»	280
Мой аул.....	281
Часто здесь океан всё сметает, напав.	282
ЗАВЕТ АЛАШОРДЫ (поэма).....	283

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

СЕМИРЕЧЬЕ

(На русском языке)

Казахские мотивы
Из переводов
Из лирики разных лет

Директор издательства
ТОО «Каратау КБ», «Дәстүр» –
Касымхан БЕГМАНОВ

Редактор – Х.Толегенкызы
Технический редактор – *Т.Алимжанулы*
Верстка – *М.Енсенбай*
Художник – *Шакен Букетай*

Подписано в печать 15.05.2017г.
Гарнитура «AdonisC». Печать офсетная.
Формат 84x108 1/32. Усл.печ.л. 16,8.
Тираж 5000+520 экз. Заказ № 232

ТОО «Каратау КБ», издательство «Дәстүр»,
Республика Казахстан, город Алматы
Сот. тел.:87772119934

Отпечатано с готовых файлов заказчика.

ТОО РПИК «Дәуір», 050009,
г. Алматы, пр. Гагарина, 93а.
E-mail: priemn1@dair.kz, zakaz@dair.kz

ISBN 978-601-7505-50-9

9 786017 505509

Ранние годы известного московского поэта, лауреата многих российских и международных премий Михаила Синельникова прошли в Центральной Азии. Пожизненная любовь и тяготение к Востоку – явные свойства его поэзии. Ощущение от необозримой степи, тянущейся за окном поезда, относится к числу самых первых, ярких, глубоко впечатляющих и незабываемых переживаний. Позже Синельников нередко бывал в Казахстане, судьба подарили ему дружбу с замечательными казахскими писателями, поэтами. В этот сборник вошли преимущественно его стихи, содержащие казахские, степные, ориентальные мотивы, а также избранные переводы из казахской лирики.

Издание посвящается 25 летию независимости Казахстана.
